

ДЭН СИММОНС

МЕРЗОСТЬ

Мастера фантазии

ДЭН СИММОНС

Мерзость

«Издательство АСТ»

2013

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Симмонс Д.

Мерзость / Д. Симмонс — «Издательство АСТ»,
2013 — (Мастера фантазии)

ISBN 978-5-17-147158-3

На дворе 1924 год. Экспедиция на вершину самой высокой горы мира приостановлена из-за шокирующего исчезновения двух участников. К следующему году трое альпинистов — британский поэт, французский проводник из Шамони и американец-идеалист — собираются в новый поход к вершине. Деньги на экспедицию жертвует леди Бромли, сын которой также исчез на горе Эверест в 1924 году. Молодой Бромли, скорее всего, мертв, но его мать отказывается в это верить и снаряжает отважных мужчин в надежде, что они вернут горячо любимого сына домой. Глубоко в Тибете трое альпинистов, к которым присоединяется двоюродная сестра пропавшего мальчика, обнаруживают, что кто-то преследует их всю ночь... или что-то. Вскоре этот кошмар становится вопросом жизни и смерти — что скрывается в снежном тумане? И что стоит за таинственными исчезновениями? Пробиваясь к «вершине мира», смельчаки раскрывают тайну, гораздо более отвратительную, чем любое, самое отталкивающее мифическое создание.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-147158-3

© Симмонс Д., 2013

© Издательство АСТ, 2013

Содержание

Вступление	6
Часть I	20
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Дэн Симмонс

Мерзость

Dan Simmons

THE ABOMINABLE

© Dan Simmons, 2013

© Перевод. Ю. Гольдберг, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Художник С. Неживясов

* * *

*Эту книгу я с глубоким уважением посвящаю памяти Джейкоба
«Джейка» Уильяма Перри
(2 апреля 1902 – 28 мая 1992)*

Вступление

Случаются великие дела, когда сходятся вместе горы и люди.
Уильям Блейк

Я познакомился с Джейком Перри летом 1991 года.

Меня давно интересовали исследования и исследователи Антарктики – на самом деле еще с Года геофизики 1957–1958, когда США основали там первые постоянные базы, что поразило мое воображение, в то время десятилетнего мальчишки, – и где-то в 1990 году у меня возникло смутное ощущение, что можно написать роман, действие которого разворачивается в Антарктике. Прошло еще пятнадцать лет, прежде чем я действительно написал и опубликовал книгу об обреченной на неудачу арктической (не антарктической) экспедиции – вышедший в 2007-м роман «Террор», – но летом 1991-го мне нужно было представить издателю серию из трех книг. Меня интересовала именно Антарктика, а не экспедиции на Северный полюс, которые оставляли меня равнодушным (но о которых в конечном итоге я написал книгу), и этот интерес подпитывался многими годами чтения о приключениях Эрнеста Шеклтона, Роберта Фолкона Скотта, Эпли Черри-Гаррарда и других героев и мучеников Антарктики.

Тогда, летом 1991-го, подруга моей жены рассказала, что знакома с настоящим исследователем Антарктики. Этот старик – он переселился в город Дельта на западном склоне Колорадо, в специальный дом для пожилых людей, где им обеспечивают уход, – в 1930-х участвовал в американских антарктических экспедициях под командованием контр-адмирала Ричарда Бэрда.

По крайней мере, Карен сказала, что так говорила ей Мэри. Лично я подозревал болезнь Альцгеймера, ложь, стремление рассказывать байки – либо все вместе.

Однако, по словам Мэри, 89-летний джентльмен по имени Джейкоб Перри действительно участвовал в американской антарктической экспедиции 1934 года. Это была опасная экспедиция, во время которой адмирал Бэрд, всегда жаждавший личной славы, провел пять зимних месяцев в одиночестве в ледяной пещере на современной метеорологической станции, где едва не погиб, отравившись окисью углерода от кухонной плиты вследствие плохой вентиляции. (Бэрд написал чрезвычайно успешную книгу об этой зимовке, естественно, названную «Один».)

Судя по тому, что Мэри сказала моей жене Карен, престарелый Джейкоб Перри был одним из четырех человек, которые в полной темноте преодолели сотни миль по Антарктике через ледяные бури полярной зимы 1934 года, чтобы спасти адмирала Бэрда. Потом всей группе пришлось ждать до октября, и после наступления полярного лета их самих спасли.

– Похоже, он сможет снабдить тебя информацией о Южном полюсе, – сказала Карен. – Ты можешь написать целую книгу об этом мистере Перри. Может, он тот самый адмирал Перри, который первым добрался до *Северного полюса!*

– Он Перри, – сказал я. – Перри из Антарктики. А не контр-адмирал Роберт Пири, который, как принято считать, в тысяча девятьсот девятом году первым добрался до Северного полюса.

– Почему нет? – спросила Карен. – Все возможно.

– Ну, во-первых, у них разные фамилии, – ответил я немного раздраженным тоном, поскольку не люблю, когда меня подталкивают к действию. Меня всегда раздражает, когда мне указывают, о чем мне писать. Я по слогам произнес фамилии адмирала «Пири» и старого мистера «Перри» из Дельты, о котором говорила Мэри. – Кроме того, – прибавил я, – теперь контр-адмиралу Пири было бы больше ста тридцати лет...

– Ладно, ладно. – Карен подняла руки жестом, выработанным за десятилетия брака, – сигнал, который теоретически удерживает обе стороны от кровожадности. – Я ошиблась. Но этот мистер Перри все же может рассказать что-то интересное, и...

– Кроме того, – перебил я, проявляя неуступчивость, – адмирал Пири умер в тысяча девятьсот двадцатом.

– Да, но этот Джейкоб Перри пока еще живет в Дельте, – сказала Карен. – Пока.

– Пока? Ты имеешь в виду его возраст? – Для меня всякий старик в возрасте восьмидесяти девяти или девяноста лет попадает в категорию «пока живых». Черт возьми, в 1991-м я считал, что любой человек старше шестидесяти долго не протянет. (Признаюсь, что теперь, в 2011-м, когда я пишу это предисловие, мне исполнилось шестьдесят три.)

– Нет, дело не только в возрасте, – ответила Карен. – В письме Мэри также упоминала о раке. По всей видимости, Перри еще жив, но...

Когда вошла Карен, я сидел за компьютером, обдумывая идеи для своих книг – печатал варианты заглавий, – но теперь выключил компьютер.

– Мэри действительно говорит, что он был с Бэрдом в Антарктике в тридцать четвертом? – спросил я.

– Действительно, – подтвердила Карен. – Я знала, что ты заинтересуешься им. – Моя жена каким-то образом умудряется не выглядеть самодовольной, даже когда права. – Тебе будет полезно на несколько дней выйти из кабинета. Это займет пять или шесть дней, даже если ехать до самого Гранд-Джанкшн. В Дельте можешь переночевать у Гая и Мэри.

Я покачал головой.

– Возьму «Миату». Сверну с 1–70, проеду Карбондейл, а затем вверх – и через перевал Мак-Клур.

– А «Миата»¹ преодолеет Мак-Клур?

– Посмотришь, – ответил я, размышляя, какую одежду положить в дорожную сумку для двухдневного путешествия. Предположительно я поговорю с мистером Перри утром второго дня, а затем поеду домой. У меня есть небольшая сумка «Норт Фейс», прекрасно подходящая для крошечного багажника «Миаты». Я напомнил себе, что нужно не забыть фотоаппарат. (В те времена я еще не перешел на цифровую технику – по крайней мере, в том, что касается фотографии.)

Таким образом, благодаря желанию прокатиться в горах на новенькой «Мазда Миата» 1991 года выпуска я познакомился с мистером Джейкобом Перри.

Население города Дельта, штат Колорадо, составляет 6000 человек. Попав туда той дорогой, которой приехал я – съехав на юг с 1–70 у Гленвуд-Спрингс, затем повернув на шоссе 65 у Карбондейла, затем по узкой двухполосной дороге через высокие перевалы мимо затерянных в горах поселков Марбл и Паония, – можно убедиться, что маленький городок действительно окружен горами. Дельта расположен в широкой речной долине к югу от Гранд-Меса, которую местные жители называют «одной из самых больших в мире гор с плоской вершиной».

Заведение, где в Дельте жил Джейк Перри, было не похоже на дом престарелых, и уж тем более на дом, где услуги сиделки были доступны двадцать четыре часа в сутки. С помощью нескольких федеральных грантов Мэри отремонтировала некогда роскошный, но теперь обветшавший отель и объединила с соседним складом. Результат выглядел скорее как четырехзвездочный отель, скажем, 1900 года, чем как дом для проживания с уходом.

Я обнаружил, что у Джейкоба Перри своя комната на четвертом этаже. (Во время ремонта Мэри установила лифты.) После того как Мэри представила нас друг другу и еще раз объяснила, почему я хочу с ним поговорить – Дэн писатель, работающий над книгой, действие кото-

¹ «Мазда Миата МХ-5» – двухместный родстер японского автопроизводителя Mazda.

рой происходит на Северном полюсе, и он слышал о Джейке, сказала она, – мистер Перри пригласил меня войти.

Комната и ее обитатель, похоже, подходили друг другу. Я удивился огромным размерам помещения – аккуратно заправленная двуспальная кровать у одного из трех окон, смотревших на горы и плоскую вершину Гранд-Меса на севере поверх крыш более низких зданий в центре города. Книжные шкафы высотой от пола до потолка были заполнены книгами в твердых обложках – я обратил внимание, что многие из них о горных вершинах мира, – и сувенирами. Среди последних были бухты старинной альпинистской веревки, очки из крукса, которые носили исследователи Антарктики, потертый кожаный мотоциклетный шлем, древний фотоаппарат «Кодак» и старый ледоруб с деревянной ручкой, гораздо длиннее, чем у современных ледорубов.

Что касается самого Джейкоба Перри – я не мог поверить, что этому человеку восемьдесят девять лет.

Возраст и земное притяжение сделали свое дело: позвоночник согнулся и сжался, сделав Перри ниже на один или два дюйма, однако в старике еще осталось шесть футов роста. На нем была джинсовая рубашка с короткими рукавами, и я видел опавшие бицепсы, но мышцы по-прежнему оставались рельефными – особенно внушительными выглядели предплечья; верхняя часть тела даже в таком возрасте сохранила треугольную форму и выглядела мощной благодаря тренировке длиной в жизнь.

Лишь несколько минут спустя я заметил, что на левой руке у него не хватает двух пальцев, мизинца и безымянного. Похоже, это была старая рана – плоть на обрубках у самых костяшек была коричневой и огрубевшей, как и вся остальная кожа ладоней и предплечий. И отсутствие пальцев несколько ему не мешало. Позже, когда во время нашего разговора мистер Перри вертел в руках два восемнадцатидюймовых тонких кожаных шнура, я с изумлением наблюдал, как он каждой рукой завязывает сложный узел – одновременно и разные. Вероятно, узлы были морскими или альпинистскими, поскольку сам я не смог бы завязать их обеими руками, несмотря на весь мой опыт бойскаута. Мистер Перри, не глядя, небрежно завязывал их, причем каждая рука действовала независимо от другой, а затем с рассеянным видом развязывал, используя только три сохранившихся пальца левой руки. По всей видимости, это была старая привычка – возможно, она его успокаивала – и он почти не обращал внимания ни на законченные узлы, ни на сам процесс.

Когда мы пожимали друг другу руки, я почувствовал, как мои пальцы тонут в его большой и все еще сильной ладони. Однако он не делал характерной для забияки из захолустья попытки стиснуть мою руку; просто я ощутил его силу. Лицо мистера Перри много лет подвергалось воздействию солнца – в высоких широтах и в условиях разреженного воздуха, когда ультрафиолетовые лучи сжигают клетки кожи, – и между коричневыми пигментными пятнами были видны шрамы от операций по удалению возможных меланом.

У старика сохранились волосы на голове, и он их коротко стриг. Сквозь поредевшую седину просвечивала смуглая кожа головы. Улыбаясь, мистер Перри демонстрировал собственные зубы, сохранившиеся почти полностью, если не считать двух или трех дальних на нижней челюсти.

Но больше всего мне запомнились синие глаза мистера Перри. Они были ярко-синими и, казалось, не имели возраста. Они никак не походили на слезящиеся, невидящие глаза человека, которому скоро стукнет девяносто. Взгляд ярких глаз Перри был любопытным, внимательным, смелым, почти... детским. Когда я читаю лекции начинающим писателям любого возраста, то предостерегаю их от сравнений с кинозвездами или известными людьми – это клише, лень и торопливость. И все же пятнадцать лет спустя, когда мы с Карен смотрели фильм «Казино „Рояль“» из новой серии про Джеймса Бонда с Дэниелом Крейгом в главной роли, я взволно-

ванно прошептал: «Смотри! Такие же пронзительные голубые глаза, как были у мистера Перри. И вообще Дэниел Крейг выглядит как мой мистер Перри в молодости».

Карен внимательно посмотрела на меня в полутемном кинотеатре, а затем сказала: «Тише».

Тогда, в 1991-м, в доме для стариков я немного растерялся и несколько минут восхищенно разглядывал разнообразные артефакты в книжных шкафах и на письменном столе Перри – длинный ледоруб с деревянной ручкой, стоявший в углу, несколько камней, которые, как потом объяснил Перри, были взяты с вершин разных пиков, и черно-белые фотографии, пожелтевшие от старости. Маленький фотоаппарат на полке – модель «Кодака», которую нужно разложить, прежде чем сделать снимок, – был древним, но не ржавым; похоже, за ним тщательно ухаживали.

– В нем пленка... отснятая несколько лет назад, – сказал мистер Перри. – Так и не проявленная.

Я дотронулся до маленького фотоаппарата и повернулся к старику.

– Вам не интересно, что вышло на снимках?

Мистер Перри покачал головой.

– Я не фотографирую. На самом деле фотоаппарат не мой. Но здешний аптекарь сказал, что пленку, наверное, еще можно проявить. Когда-нибудь я увижу, что получилось. – Он жестом пригласил меня сесть в кресло у встроенного письменного стола. Вокруг стола я увидел разбросанные рисунки цветов, камней, деревьев, довольно искусные.

– У меня очень давно не брали интервью, – сказал мистер Перри с иронической улыбкой. – Но даже тогда, несколько десятилетий назад, мне было почти нечего рассказать прессе.

Я предположил, что он имеет в виду экспедицию Бэрда 1934 года. Но тогда я глупо ошибся и также не догадался уточнить. Моя жизнь и эта книга были бы совсем другими, будь у меня хотя бы зачатки журналистского инстинкта, заставившего бы ухватиться за этот ответ.

Вместо этого я перевел разговор на себя и скромно (для эгоиста) сказал:

– Я редко беру интервью. Большая часть предварительной работы у меня проходит в библиотеках. Вы не против, если я буду записывать?

– Нисколько, – ответил мистер Перри. – Значит, вас интересуют антарктические экспедиции тридцать третьего и тридцать пятого годов?

– Наверное, – сказал я. – Понимаете, у меня появилась идея написать психологический триллер, действие которого происходит в Антарктике. Все, что вы мне расскажете о Южном полюсе, будет очень полезно. Особенно страшное.

– Страхное? – Перри снова улыбнулся. – Триллер? А вашим персонажам придется иметь дело с какими-нибудь враждебными силами, кроме холода, тьмы и одиночества?

Немного растерявшись, я улыбнулся ему в ответ. Вырванные из контекста, сюжеты книг часто выглядят глупо. А если честно, то иногда и в контексте. Действительно, я думал о гигантском страшилище, которое будет преследовать, убивать и поедать моих персонажей. Только еще не придумал, что это может быть.

– Вроде того, – признал я. – Что-то действительно большое и грозное пытается уничтожить наших героев, нечто, живущее во тьме и холоде. Оно пытается пробраться в их ледяную хижину, вмёрзший в лед корабль или еще куда-нибудь. Нечто нечеловеческое и очень голодное.

– Пингвин-убийца? – предположил мистер Перри.

Я заставил себя рассмеяться вместе с ним, хотя моя жена, мой агент и редактор задавали этот вопрос каждый раз, когда я заговаривал об антарктическом триллере. «И что, Дэн? Этот твой монстр будет чем-то вроде пингвина-убийцы, мутанта?» Все шутят одинаково. (И до сих пор я не признавался, что действительно думал о мутанте, гигантском пингвине-убийце, как об антарктической угрозе.)

– На самом деле, – вероятно, Перри заметил, что я покраснел, – пингины могут убить вонью помета своих колоний.

– А вы бывали в их колониях? – спросил я, заноса ручку над своим тонким блокнотом, которым я пользовался во время подготовительной работы. Я чувствовал себя Джимми Олсеном².

Мистер Перри кивнул и снова улыбнулся, но на этот раз взгляд ярких голубых глаз был обращен внутрь, к каким-то воспоминаниям.

– Третью – и последнюю – зиму, а также весну мне пришлось провести в хижине на мысе Ройдс... считалось, что я изучал там соседнюю колонию и поведение пингинов.

– Хижина на мысе Ройдс... – Я был потрясен. – Хижина Шеклтона?

– Да.

– Мне казалось, хижина Шеклтона – музей, закрытый для посетителей. – Мой голос звучал неуверенно. Я был слишком удивлен, чтобы писать.

– Да, – сказал мистер Перри. – *Теперь*.

Я чувствовал себя идиотом и наклонил голову, пытаясь скрыть румянец, снова заливший щеки.

Джейкоб Перри говорил быстро, словно хотел избавить меня от чувства неловкости.

– Шеклтон был для британцев национальным героем, и хижина уже превратилась в нечто вроде музея, когда адмирал Бэрд послал меня туда зимой тридцать пятого, поручив наблюдать за колонией пингинов. Англичане время от времени пользовались хижинкой, отправляя туда орнитологов для наблюдения за птицами, и там все время хранился провиант, так что американцы с соседней базы или кто-то другой, попавший в беду, мог им воспользоваться. Но в то время, когда мне приказали отправиться туда, в хижине уже много лет никто не зимовал.

– Удивительно, что англичане дали разрешение американцам несколько месяцев жить в хижине Шеклтона, – сказал я.

Мистер Перри ухмыльнулся.

– Они не давали. И почти наверняка не дали бы. Адмирал Бэрд не спрашивал разрешения у англичан. Он просто отправил меня туда с двумя санями с семимесячным запасом продовольствия – парни вернули сани и собак на базу Бэрда через день после того, как высадили меня, – да, и еще с ломом, чтобы открыть дверь и заколоченные окна. Той зимой собаки могли бы составить мне компанию. Дело в том, что адмирал не желал меня видеть. И поэтому отправил как можно дальше, но в такое место, где у меня был шанс пережить зиму. Адмирал любил делать вид, что занимается наукой, но на самом деле ни в грош не ставил наблюдения за пингинами или их изучение.

Я все записал, до конца не понимая, но чувствуя, что по какой-то причине это важно. Мне было непонятно, как использовать хижину Шеклтона в своем новом романе, еще без названия и с туманным сюжетом.

– Шеклтон и его люди построили хижину в тысяча девятьсот девятом... Когда я туда пришел, там еще сохранился корпус снегохода, который они оставили, – рассказывал Перри. – Наверное, она еще там – в Антарктике все ржавеет и разлагается очень медленно. Сомневаюсь, чтобы эта чертова штука проехала хотя бы десять футов по глубокому снегу, с которым столкнулся Шеклтон, но англичане любят всякие технические прикрасы. Кстати, адмирал Бэрд тоже. Как бы то ни было, в начале антарктической осени меня высадили около старой хижины. Это было в марте тридцать пятого. Забрали меня в начале антарктической весны – в первых числах октября – того же года. Моя работа состояла в наблюдении за пингинами Аддели в большой колонии на мысе Ройдс.

² Персонаж сериала о Супермене, фотограф.

– Но это же антарктическая зима. – Я умолк, уверенный, что сейчас скажу несусветную глупость. – Мне казалось, пингвины Адели не... понимаете... не зимуют там. Я думал, они появляются на мысе Ройдс где-то в октябре и уходят вместе с птенцами – теми, кто выжил, – в начале марта. Я ошибаюсь? Наверное, ошибаюсь.

– Вы абсолютно правы, мистер Симмонс. Когда меня высадили, я как раз успел увидеть, как последние два или три пингвина ковыляют к воде и уплывают в море – в начале марта вода у мыса Ройдс начинает замерзать, так что открытое море вскоре оказалось за десятки миль от хижины, – а забрали меня весной, в октябре, до того, как пингвины Адели вернулись, чтобы образовать колонию, найти себе пару и высидивать птенцов.

Я покачал головой.

– Не понимаю. Вам приказали сидеть там... Боже мой, больше семи месяцев, почти восемь... чтобы наблюдать за колонией на мысе, в которой не было пингвинов. И большую часть времени без солнечного света... Вы ученый, мистер Перри, биолог или что-то в этом роде?

– Нет, – ответил он с той же кривой улыбкой. – В Гарварде я специализировался на английской литературе – американская литература восемнадцатого и девятнадцатого веков и много британской. В двадцать третьем, когда я выпускался, Генри Джеймса еще не изучали. Джеймс Джойс опубликовал своего «Улисса» всего за год до этого, в двадцать втором, а «Портрет художника в юности» вышел шестью годами раньше. Год я провел в Европе, катаясь на лыжах и лазая по горам – в двадцать один я получил небольшое наследство, – а в двадцать четыре прочел в журнале «Трансатлантическое обозрение» Форда Мэдокса Форда³ один рассказ и решил, что должен немедленно покинуть Швейцарию и поехать в Париж, чтобы встретиться с молодым человеком по фамилии Хемингуэй и показать ему мои собственные произведения.

– И вы так и поступили? – спросил я.

– Да, – улыбнулся мистер Перри. – Хемингуэй время от времени подрабатывал корреспондентом «Торонто стар» в Европе, и у него в запасе имелся ловкий трюк, чтобы избавляться от таких надоедливых визитеров, как я. Мы встретились у него в кабинете – маленькой, грязной комнате, – и он сразу же повел меня вниз в кафе, чтобы выпить кофе. А через несколько минут поступил со мной так же, как и со всеми остальными – посмотрел на часы, сказал, что ему нужно возвращаться к работе, и удалился, оставив будущего писателя в кафе.

– Вы показали ему свои рассказы?

– Конечно. Он взглянул на первые несколько страниц трех из них и посоветовал мне не бросать основную работу. Но это совсем другая история, правда? Мы, старики, склонны отвлекаться и болтать попусту.

– Это интересно, – выдавил из себя я. Но думал совсем другое: «Подумать только, встретиться с Хемингуэем и услышать, что ты не писатель... Что он при этом чувствовал? Или Перри просто меня разыгрывает?»

– Итак, вернемся к тому, что вас интересует, мистер Симмонс, – Антарктике с тридцать третьего по тридцать пятый год. Адмирал Бэрд нанял меня в качестве палубного матроса, а также с учетом моего альпинистского опыта. Понимаете, ученые планировали исследовать несколько горных пиков во время той экспедиции. Я ни черта не знал ни о науке, ни о пингвинах, да и теперь знаю немногим больше, несмотря на все эти каналы с документальными фильмами о природе, которые транслируют тут по кабельному телевидению. Но в тысяча девятьсот тридцать пятом это не имело значения, потому что смысл состоял в том, чтобы я не попадался на глаза адмиралу до антарктической весны, когда мы все должны были покинуть континент.

³ Форд, Форд Мэдокс (наст. Форд Герман Хюффер, изменил имя после Первой мировой войны) (1873–1939) – английский писатель, поэт, литературный критик и редактор журналов.

– Значит, вы семь месяцев провели в одиночестве, темноте и холоде, – растерянно пробормотал я. – Чем вы так разозлили адмирала?

Мистер Перри разрезал яблоко маленьким, но очень острым складным ножом и предложил мне дольку. Я не стал отказываться.

– Я его спас, – тихо ответил он, жуя свою дольку яблока.

– Да, Мэри говорила, что вы были в составе маленькой группы, которая в тридцать четвертом вызволила адмирала Бэрда из одиночного заточения на передовой базе.

– Совершенно верно, – подтвердил мистер Перри.

– Ему было неприятно видеть одного из своих спасителей, и он сослал вас в хижину Шеклтона на мысе Ройдс, чтобы вы пережили такое же одиночество, как он? – Мне это казалось бессмысленным.

– Вроде того, – кивнул Перри. – Разве что я не отравился окисью углерода, как адмирал... и меня не вызволяли, как его. И он каждый день связывался по радио с нашей базой «Маленькая Америка». У меня не было радио. И какой-либо связи с базой.

– В составе группы, которая спасла Бэрда предыдущим августом, – сказал я, заглянув в заметки, сделанные на основе рассказа Мэри и поиска в справочниках (в 1991-м еще не было «Гугла»), – вы вместе с тремя другими людьми преодолели несколько сотен миль в условиях полярной зимы, когда немногие знаки, предупреждавшие о лабиринтах из трещин, сдуло ветром или занесло снегом, сотни миль в почти полной темноте на снегоходе, представлявшем собой просто «Форд-Т» с металлической крышей. Вы и еще трое с базы «Маленькая Америка».

Мистер Перри кивнул.

– Доктор Поултер, мистер Уэйт и мой непосредственный начальник по части снегоходов И. Дж. Демас. Именно Демас настоял, чтобы я вел снегоход.

– Это была ваша обязанность во время экспедиции?.. Спасибо. – Перри протянул мне еще одну дольку вкусного яблока.

– Будучи матросом, я много возился с этими проклятыми вездеходами и в конечном итоге летом часто возил на них ученых, которым нужно было за пределы базы, – объяснил старик. – Полагаю, мистер Демас думал, что у меня наилучшие шансы уберечь нас всех от расщелины, даже в темноте. Когда мы обнаружили, что большая часть предупреждающих знаков исчезла, нам пришлось вернуться, но мы сразу же предприняли новую попытку, даже несмотря на ухудшение погоды.

– И все же это выглядит так, будто адмирал Бэрд вас наказывал, – сказал я, ощущая во рту свежий аромат яблока. – Отправил на семь месяцев в одиночное заключение.

Джейк Перри пожал плечами.

– «Спасение» – он очень не любил, когда кто-то употреблял это слово, – раздражало адмирала. С доктором Поултером и мистером Уэйтом он ничего сделать не мог, поскольку в экспедиции они были важными шишками, но Демасу поручил такую работу, чтобы редко его видеть. А меня он посылал в летние экспедиции, а затем отправил на мыс Ройдс на всю антарктическую зиму. В конечном итоге адмирал Бэрд даже не упомянул меня в отчете о своем... спасении. Моей фамилии нет в большинстве книг об Антарктике.

Я был поражен низостью и мелочностью адмирала Бэрда.

– Отправить вас одного на всю зиму на мыс Ройдс – это равносильно одиночному заключению. – Голос выдавал мой гнев. – И без радио... Адмирал Бэрд спятил после трех месяцев одиночества – а у него была ежедневная радиосвязь с «Маленькой Америкой».

– Без радио, – ухмыльнулся мистер Перри.

Я пытался это понять, но не мог.

– Была ли какая-то цель – или причина, – чтобы вы провели семь месяцев в изоляции и пять в полной темноте в хижине Шеклтона на мысе Ройдс?

Мистер Перри покачал головой, но ни в его лице, ни в голосе не отразилось гнева или обиды.

– Как я уже говорил, меня взяли в экспедицию, чтобы лазать по горам. После того как мы спасли Бэрда – нам пришлось делить с ним маленькую подземную пещеру, которая служила ему передовой базой, с восьмого августа, дня нашего прибытия, до двенадцатого октября, когда Бэрд и доктор Поултер улетели на «Пилигриме», – я наконец отправился в летние экспедиции, где мой опыт альпиниста пригодился ученым.

– «Пилигрим» – это самолет? – спросил я.

Мистер Перри имел полное право сказать: «А что еще это могло быть, если они на нем улетели? Громадный альбатрос?» – но старик лишь вежливо кивнул.

– В начале экспедиции у них было три самолета – большой «фоккер»... – Он умолк и улыбнулся. – То есть «фоккер», мистер Симмонс. Ф-о-к... – произнес он по буквам.

– Понял. – Я улыбнулся. – Зовите меня Дэнном.

– Если вы будете звать меня Джейком.

К моему удивлению, это оказалось трудно – то есть непринужденно называть его Джейком. Я редко смущаюсь в присутствии известных или авторитетных людей, но мистер Перри произвел на меня *глубокое* впечатление. Даже после того, как несколько минут спустя мне удалось произнести «Джейк», мысленно я продолжал называть его мистером Перри.

– В любом случае, у них был большой «фоккер», именованный «Голубой клинок»... который разбился при первой же попытке оторваться от земли – то есть ото льда – после нашего прибытия в Антарктику. Еще имелся даже больший по размерам гидросамолет «Уильям Хорлик», однако он, похоже, всегда стоял на техническом обслуживании. Поэтому в октябре, когда мы добрались до подземного убежища во льду и починили там вентиляцию, за адмиралом Бэрдом и доктором Поултером послали маленький моноплан «Пилигрим» – как только стабилизировалась погода. Помню, что те несколько недель ожидания доктор Поултер наблюдал за звездами и метеорами и измерял атмосферное давление – Бэрд был слишком болен и растерян, чтобы этим заниматься. Высокая концентрация окиси углерода не лучшим образом повлияла на мозг адмирала. Затем, после того как в августе «Пилигрим» забрал адмирала Бэрда и доктора Поултера, мы с Уэйтом и Демасом отправились на вездеходе назад, к «Маленькой Америке»... как раз вовремя, чтобы я успел поучаствовать в экспедициях в горы Хейнса.

– Вы присоединились к экспедиции, чтобы взбираться на горы в Антарктиде?

Постучав, вошла Мэри и принесла нам обоим лимонад, ненадолго прервав разговор. Лимонад был вкусным, домашнего приготовления.

Мистер Перри кивнул.

– Это единственное, что я умею. Единственная причина моего участия в экспедиции. Альпинизм. Конечно, я умел обращаться с моторами и разбирался в другом оборудовании... и поэтому в конце концов зимой, когда мои альпинистские навыки были не нужны, стал обслуживать снегоходы Демаса... Но я отправился в Антарктику ради гор.

– И много у вас было восхождений? – спросил я.

Перри улыбнулся, и взгляд его голубых глаз снова стал задумчивым.

– Пик Мак-Кинли в то лето тридцать четвертого... нет, конечно, не гора Мак-Кинли, а вершина с тем же названием у самого Южного полюса. Несколько безымянных пиков на хребте Хейнса... Ученые искали там мхи и лишайники, и я доставил всех целыми и невредимыми на уступы, потом взобрался на вершину и спустился, чтобы помочь с оборудованием. Летом тридцать четвертого я покорил гору Вудвард на хребте Форда, потом горы Реа и Купер, потом Саундерс. С технической точки зрения ничего интересного. Много работы на снегу и на льду. Большое количество расщелин, ледяных утесов и лавин. Жан-Клоду понравилось бы.

– Кто такой Жан-Клод? – спросил я.

Задумчивый взгляд мистера Перри снова стал сосредоточенным.

– Нет, нет. Просто альпинист, которого я знал много лет назад. Он любил решать проблемы, связанные со снегом, льдом и трещинами. Да, еще я покорил горы Эребус и Террор.

– Эти две последние – вулканы, – заметил я, пытаюсь показать, что кое-что знаю о Южном полюсе. – Названы в честь британских кораблей, да?

Мистер Перри кивнул.

– Их назвал в тысяча восемьсот сорок первом году Джеймс Кларк Росс – его считают первооткрывателем Антарктиды, хотя его нога не ступала на континент. Корабль ВМС Великобритании «Эребус» был его флагманом, а кораблем «Террор» командовал его заместитель, некий Фрэнсис Крозье.

Я все записал, не зная, пригодится ли мне это в предполагаемой книге о гигантских мутантах, пингвинах-убийцах, напавших на хижину Шеклтона.

– Несколько лет спустя Крозье был заместителем у сэра Джона Франклина, когда в северных ледяных полях были потеряны и «Эребус», и «Террор», – почти рассеянно прибавил мистер Перри, словно заканчивал мысль. – То есть британские ледоколы, – с улыбкой уточнил он. – Не вулканы. Те на своих местах.

– Они утонули? – Я поднял голову от блокнота. – Два судна, в честь которых были названы вулканы, «Эребус» и «Террор»... Они затонули несколько лет спустя?

– Дело обстоит гораздо хуже, Дэн. Они исчезли. Сэр Джон Франклин, Фрэнсис Мойра Крозье и еще сто двадцать семь человек. Они пытались пройти Северо-Западным проходом, и к северу от Канады два судна и все люди просто... исчезли. На необитаемых островах нашли человеческие кости, но до сего дня не обнаружили никаких следов ни кораблей, ни большинства людей.

Я лихорадочно писал. Северный полюс и экспедиции к нему меня не интересовали, но больше ста человек и два судна просто... исчезли без следа? Я спросил полное имя капитана Крозье, и мистер Перри произнес его по слогам, словно ребенку.

– В любом случае, – заключил мистер Перри, – поскольку адмирал Бэрд не хотел видеть меня рядом с собой – полагаю, я напоминал ему о почти преступной небрежности, когда он едва не отравил себя газом в своей разрекламированной «Передовой базе» и вынудил других людей рисковать жизнью для его спасения – в мою следующую и последнюю антарктическую зиму, то приказал мне в одиночестве «наблюдать за пингвинами» в хижине Шеклтона на мысе Ройдс. С марта по октябрь тридцать пятого.

– Наблюдать за пингвинами, которые уже ушли, – сказал я.

– Да. – Усмехнувшись, мистер Перри скрестил руки на груди, и я снова поразился, какие сильные у него предплечья. На них были заметны несколько шрамов. Старых шрамов. – Но осенью, прежде чем стало совсем холодно, я каждый день вдыхал невыносимую вонь помета из колонии пингвинов.

– Наверное, это выглядело как настоящее наказание, – повторил я, с ужасом представляя подобную изоляцию и чувствуя настоящий гнев из-за мелочности адмирала Бэрда. – Я имею в виду не помет. Чувство, что вы в одиночном заключении.

В ответ Перри лишь улыбнулся.

– А мне нравилось, – сказал он. – Те зимние месяцы в хижине Шеклтона были одними из лучших дней в моей жизни. Конечно, одиноко и холодно... временами очень холодно, поскольку хижина на мысе Ройдс не была предназначена для обогрева всего одного человека, и ветер каждый день находил дорогу через тысячи щелей и трещин... но чудесно. С помощью брезента и старых ящиков Шеклтона я соорудил у двери маленькое убежище, где мог поддерживать тепло, хотя иногда по утрам мех россомахи вокруг отверстия в моем спальном мешке покрывался инеем. Но само ощущение... просто чудесное. Необыкновенное.

– Той зимой вы покоряли горы? – спросил я и тут же сообразил, что вопрос глупый. Кто полезет на горы в полной темноте и при температуре минус шестьдесят или минус семьдесят?

Удивительно, но Перри снова кивнул.

– Люди Шеклтона взбирались на гору Эребус – по крайней мере, на край вулканического кратера – в тысяча девятьсот восьмом, – сказал он. – Я поднимался на вершину трижды, разными маршрутами. Один раз ночью. Да, считается, что первое зимнее восхождение на Эребус совершил британский альпинист Роджер Майер всего шесть лет назад, в тысяча девятьсот восемьдесят шестом, но зимой тридцать пятого я дважды поднимался на вершину вулкана. Не думаю, что это есть хотя бы в одном справочнике. Наверное, я не рассказал об этом никому, кто мог бы это записать.

Он умолк, и я тоже молчал, снова задавая себе вопрос, не разыгрывает ли меня этот чудесный старик. Затем он встал, взял старый ледоруб с деревянной ручкой и сказал:

– Всего несколько месяцев назад... минувшим январем... арматурщик со станции Мак-Мердо, парень по имени Чарльз Блэкмер, совершил одиночное восхождение на гору Эребус за семнадцать часов. Об этом писали разные альпинистские журналы, поскольку он установил официальный рекорд. Улучшил старый на много часов.

– А вы отмечали время подъема на гору пятьюдесятью шестью годами раньше? – спросил я.

Мистер Перри улыбнулся.

– Тринадцать часов и десять минут. Правда, это было уже не первое восхождение. – Он рассмеялся и покачал головой. – Но вам это ничем не поможет, Дэн. Что вы хотите знать об исследовании Южного полюса?

Я вздохнул, понимая, что совсем не подготовился к интервью. (И в определенной степени к разговору вообще.)

– А что вы можете мне рассказать? – спросил я. – То, что нельзя найти в книгах.

Перри потер подбородок. Послышался шорох седой щетины.

– Понимаете, – тихо сказал он, – когда смотришь на звезды у горизонта... особенно в сильный холод... они как будто дрожат... прыгают влево, затем вправо... и одновременно колеблются вверх-вниз. Думаю, это как-то связано с массами очень холодного воздуха над землей и замерзшим морем, которые действуют как подвижные линзы...

Я лихорадочно записывал.

Мистер Перри усмехнулся.

– Неужели эта банальность действительно поможет написать роман?

– Заранее неизвестно, – ответил я, продолжая писать.

Как выяснилось, прыгающие у горизонта звезды появились в предложении, занимавшем конец первой и начало второй страницы моего романа «Террор», который вышел шестнадцать лет спустя и был посвящен неудачной попытке сэра Джона Франклина пройти Северо-Западным проходом, а вовсе не Антарктике.

Но мистер Перри умер от рака задолго до того, как был опубликован «Террор».

Впоследствии я выяснил, что мистер Перри участвовал в нескольких знаменитых восхождениях, а также в экспедициях на Аляску, в Южную Америку и восхождениях на К2⁴, а не только в трехгодичной экспедиции к Южному полюсу, которую мы обсуждали в тот летний день 1991 года. Наше «интервью» – по большей части милый разговор о путешествиях, храбрости, дружбе, жизни, смерти и судьбе – длилось несколько часов. И я так и не задал самого главного вопроса: вопроса о том, что он пережил в Гималаях в 1925 году.

Могу сказать, что к концу нашего разговора мистер Перри устал. Дыхание у него стало хриплым.

⁴ К2 (Чогори, Дапсанг, Годуин-Остен) – вторая по высоте горная вершина после Джомолунгмы в мире (8611 м). Самый северный восьмитысячник мира. Расположена в горной системе Каракорум, находится к северо-западу от Гималаев.

Увидев, что я это заметил, он сказал:

– Зимой мне удалили часть легкого. Рак. Второе, вероятно, тоже поражено, но метастазы распространились везде, так что добьют меня не легкие.

– Мне жаль, – произнес я, остро чувствуя неадекватность этих слов.

Мистер Перри пожал плечами.

– Если я доживу до девяноста, Дэн, то выиграю не одно пари. Больше, чем вы можете себе представить. – Он усмехнулся. – Но самое любопытное, что у меня рак легких, а я никогда не курил. Никогда. Ни разу в жизни.

Я не знал, что на это ответить.

– Еще один парадокс состоит в том, что я переехал в Дельту из-за близости к горам, – прибавил он. – А теперь задыхаюсь после подъема на небольшой холм. Сотня футов пастбища на окраине города, а я дышу так, словно вскарабкался на высоту двадцати восьми тысяч футов.

Я по-прежнему не знал, что сказать – наверное, ужасно лишиться легкого из-за рака, – но не догадался спросить, где и когда он поднимался на высоту 28000 футов. Зона выше 25 000 футов, или 8000 метров, называется «зоной смерти», и не без оснований: на такой высоте альпинист слабеет с каждой минутой, кашляет, задыхается; ему всегда не хватает воздуха, и он не в состоянии восстановить силы во время сна (тем более что заснуть на такой высоте практически невозможно). Впоследствии я спрашивал себя, называл ли мистер Перри 28 000 футов в качестве примера, как трудно ему дышать, или действительно поднимался на такую высоту. Мне было известно, что Винсон, самая высокая гора Антарктиды, чуть выше 16 000 футов.

Но прежде чем я собрался задать умный вопрос, мистер Перри хлопнул меня по плечу.

– Я не жалею. Просто мне нравится иронизировать. Если в этой несчастной, печальной и беспорядочной вселенной есть Бог, этот Бог – горькая ирония. К примеру... вы успешный писатель.

– Да, – осторожно согласился я. Чаще всего новые знакомые обращаются к успешному писателю с просьбами (а) найти литературного агента, (б) помочь с публикацией, (в) то и другое вместе.

– У вас есть литературный агент и все такое? – спросил Перри.

– И что? – Я насторожился еще больше. После четырех часов разговора я восхищался этим человеком, но графоман есть графоман. Напечатать его практически невозможно.

– Я собирался кое-что написать...

Вот оно. В каком-то смысле мне было жаль слышать эти знакомые слова. Они красной линией проходят через все разговоры с новыми знакомыми. Но я также почувствовал некоторое облегчение. Если Перри еще не написал свою книгу или что там еще, каковы шансы, что он сделает это теперь, почти в девяносто, больной раком?

Мистер Перри увидел мое лицо, прочел мои мысли и громко рассмеялся.

– Не волнуйтесь, Дэн. Я не буду просить вас что-нибудь опубликовать.

– А что тогда? – спросил я.

Он снова потер щеки и подбородок.

– Я хочу кое-что написать и хочу, чтобы кто-нибудь это прочел. Понимаете?

– Думаю, да. Именно поэтому я пишу.

Он покачал головой, как мне показалось, раздраженно.

– Нет, вы пишете для тысяч или десятков тысяч людей, которые прочтут ваши мысли. Мне же нужен всего один читатель. Один человек, который поймет. Один, который способен поверить.

– Может, родственники? – предположил я.

– Единственная известная мне родственница, внучатая племянница или правнучка, или как там она называется, живет в Балтиморе или где-то еще, – тихо сказал он: – Я ее никогда не видел. Но у Мэри и администрации этого дома есть ее адрес... куда посылать мои вещи,

когда я отдам концы. Нет, Дэн, если я сумею написать эту штуку, то хочу, чтобы ее прочел тот, кто способен понять.

– Это фантастика?

– Нет, но я уверен, что это будет выглядеть фантастикой. Вероятно, плохой фантастикой.

– Вы уже начали писать?

Он снова покачал головой:

– Нет, я ждал все эти годы... черт, я не знаю, чего ждал. Наверное, пока смерть постучит в мою дверь, чтобы у меня появилась мотивация. Ну вот, старуха с косой уже колотит изо всех сил.

– Почту за честь прочитать все, чем вы пожелаете со мной поделиться, мистер Перри, – ответил я, удивляясь эмоциональности и искренности своего предложения.

Обычно я относился к произведениям новичков так, словно их рукописи кишат бактериями чумы. Но тут обнаружил, что мне не терпится прочесть все, что захочет написать этот человек, хотя в то время предполагал, что он будет рассказывать об экспедиции Бэрда на Северный полюс в середине 30-х.

Какое-то время Джейкоб Перри сидел неподвижно и пристально смотрел на меня. Эти голубые глаза словно ощупывали меня – будто восемь грубых, покрытых шрамами пальцев с силой давят мне на лоб. Не очень приятное ощущение. Но между нами возникла какая-то связь.

– Ладно, – наконец произнес он. – Если я когда-нибудь это напишу, то пришлю вам.

Я уже вручил ему свою визитную карточку с адресом и другой информацией.

– Но есть одна проблема, – сказал он.

– Какая?

Перри сцепил руки, такие ловкие даже без двух пальцев на левой руке.

– Я совсем не умею печатать, – признался он.

Я рассмеялся.

– Если бы вы отправляли рукопись издателю, то мы нашли бы машинистку, чтобы она ее напечатала. Или я сам. А пока...

Я извлек из потертого портфеля чистый блокнот «Молескин» – 240 бежевых нетронутых страниц. Блокнот был в мягкой кожаной суперобложке с двойной петелькой для ручки или карандаша. Я уже вставил в петельку остро отточенный карандаш.

Мистер Перри дотронулся до кожаной обложки.

– Это слишком дорого... – нерешительно произнес он и отдернул руку.

Мне было приятно услышать старомодное слово «дорого», но я покачал головой и вложил блокнот в кожаной обложке ему в руки.

– Это всего лишь памятный сувенир в благодарность за те несколько часов, которые вы мне уделите, – я хотел прибавить «Джейк», но не смог заставить себя назвать его по имени. – Seriously, я хочу, чтобы вы его взяли. А когда напишете то, чем захотите со мной поделиться, то я буду с нетерпением ждать. И обещаю дать честную оценку.

Мистер Перри улыбнулся, сжимая блокнот своими узловатыми пальцами.

– Вероятно, я буду уже мертв, когда вы получите эту тетрадь... или тетради... Дэн, так что будьте максимально честными в своей критике. Меня это уже несколько не обидит.

Я не знал, что ему ответить.

Наш с Перри разговор состоялся в июле 1991 года, за двадцать лет до того, как я пишу предисловие к этой рукописи, на исходе лета 2011-го.

В конце мая 1992 года позвонила Мэри и сообщила, что мистер Перри умер в больнице города Дельта. Рак победил.

Когда я спросил Мэри, не оставил ли мистер Перри что-нибудь для меня, она удивилась. Все его вещи – а их было немного, в основном книги и артефакты – упаковали и отправили внучатой племяннице в Балтимор. В то время Мэри не было в хосписе – она была в больнице в Денвере. Посылки отправлял ее помощник.

Затем, девять недель назад, в конце весны 2011-го, почти через двадцать лет после моей поездки в Дельту, я получил посылку UPS от человека по имени Ричард А. Дарбейдж-младший из города Лютервилл-Тимониум, штат Мэриленд. Предположив, что кто-то прислал стопку моих старых книг с просьбой подписать – меня очень раздражает, когда читатели без спроса присылают мне книги на подпись, – я боролся с искушением отправить посылку назад, не открывая. Но вместо этого взял нож для бумаги и, удивляясь своему нетерпению, вскрыл пакет. Карен взглянула на информацию об отправителе и рассмешила меня заявлением, что нам еще не присылали книги на подпись из Лютервилл-Тимониума, и тут же подошла к компьютеру, чтобы посмотреть, где это находится. (Карен любит географию.)

Но в посылке оказались не мои старые книги, присланные на подпись.

Двенадцать блокнотов «Молескин». Пролистав их, я обнаружил, что каждая страница с двух сторон исписана мелким, но четким наклонным почерком, явно мужским.

И даже тогда я не подумал о мистере Перри, пока не добрался до последнего блокнота, на самом дне.

На нем была кожаная суперобложка с огрызком карандаша М2, только кожа теперь стала сморщенной и потертой, с темными пятнами от многочисленных прикосновений рук мистера Перри. По всей видимости, он надевал кожаную суперобложку на каждый новый блокнот все десять месяцев, которые потребовались на запись этой длинной истории.

В посылке было отпечатанное на машинке письмо.

Уважаемый мистер Симмонс!

В апреле нынешнего года умерла моя мать, Лидия Дарбейдж. Ей был 71 год. Разбирая ее вещи, я наткнулся на эту коробку. Ее прислали ей в 1992 году из дома престарелых, где последние годы перед смертью жил ее дальний родственник мистер Джейкоб Перри. Моя мать, которая не была знакома с ним и никогда его не видела, похоже, просто заглянула в пакет, выбрала пару вещей для гаражной распродажи, а остальное не трогала. Полагаю, она не открывала тетради, которые я отправляю вам.

На первой странице верхней тетради была записка, но не для моей матери, а для некоей «Мэри», которая управляла домом для пожилых людей, где обеспечивают уход, из города Дельта, с просьбой переслать вам эти блокноты, и фотоаппарат «Кодак Вест Покет». Ваш адрес прилагался – именно оттуда я узнал, куда отправлять сильно запоздавшую посылку.

Если эти вещи вы ждали двадцать лет назад, то я приношу извинения за такую задержку. Моя мать была рассеянной даже в более молодом возрасте.

Поскольку блокноты предназначались вам, я решил их не читать. Просто пролистал их и обратил внимание, что родственник моей матери был хорошим художником: карты, рисунки гор и другие наброски сделаны настоящим профессионалом.

Еще раз приношу свои извинения за непреднамеренную задержку, которая не позволила вам получить этот пакет вовремя, как, я уверен, рассчитывал мистер Перри.

С уважением, Ричард А. Дарбейдж-младший

Я отнес коробку к себе в кабинет, вытащил стопку блокнотов, тут же начал читать – и не отрывался всю ночь, закончив на следующий день в девять утра.

После нескольких месяцев размышлений я решил опубликовать два варианта последней (и единственной) рукописи Джейкоба Перри. В конечном итоге мне показалось, что именно этого он и хотел, посвятив ей последние десять месяцев жизни. Я убежден, что именно поэтому

он выбрал меня единственным читателем. Он знал, что я смогу оценить, достойна ли рукопись публикации или нет. И я твердо убежден, что рукопись Джейкоба Перри – эта книга – действительно должна увидеть свет.

Второе издание, с очень ограниченным тиражом, будет включать фрагменты рукописи, а также огромное количество рисунков, портретов, тщательно прорисованных карт, горных пейзажей, старых фотографий и других элементов, которыми мистер Перри сопровождал текст. В данном варианте только текст. Думаю, этой книге удастся рассказать историю, которую Джейкоб Перри (1902–1992) хотел поведать людям. Хотел, чтобы мы услышали. В качестве редактора я лишь исправил несколько грамматических ошибок и добавил небольшое количество примечаний к тексту. Остается верить и надеяться, что, позволяя мне быть его первым читателем и редактором, мистер Перри понимал, что у меня возникнет желание познакомить других с этой необычной и прекрасной историей.

Я действительно думаю, что он этого хотел.

И искренне надеюсь, что так и было.

Часть I

Альпинисты

Пик Маттерхорн предлагает очень простой выбор: отступишь влево, и умрешь в Италии; неверный шаг вправо, и смерть достигнет тебя в Швейцарии.

* * *

Мы все трое узнали об исчезновении Мэллори и Ирвина на горе Эверест, когда обедали на вершине горы Маттерхорн.

Это был чудесный день в конце июня 1924 года, а известие дошло до нас из английской газеты трехдневной давности, в которую на кухне маленькой гостиницы в итальянской деревушке Брей кто-то завернул сэндвичи из говядины с листьями хрена на толстых ломтях свежего хлеба. Сам того не зная, я нес эти не имевшие веса новости – вскоре они камнем лягут на сердце каждого из нас – в своем рюкзаке вместе с бурдюком вина, двумя бутылками воды, тремя апельсинами, 100 футами альпинистской веревки и большим кругом салами. Мы не сразу заметили и прочли новость, которая все для нас изменила. Были слишком возбуждены покорением вершины и открывшимся с нее видом.

Шесть дней мы занимались только тем, что раз за разом лазали на Маттерхорн, неизменно избегая вершины – по причинам, известным только Дикону.

В первый день, поднявшись из Церматта, мы исследовали гребень Хорнли – этим маршрутом прошел Уимпер в 1865-м, – не пользуясь закрепленными веревками и тросами, прочертившими поверхность горы, словно шрамы. На следующий день мы точно так же прошли по гребню Цмутт. Третий день выдался длинным – мы перебрались через гору, снова поднявшись со стороны Швейцарии через гребень Хорнли, пройдя по рыхлому северному склону ниже вершины, которую Дикон сделал для нас запретной, и, спустившись вдоль Итальянского хребта, уже в сумерках добрались до наших палаток на зеленых высокогорных лугах, которые смотрели на юг, в сторону Брей.

На шестой день я понял, что мы идем по стопам тех, кто принес славу пику Маттерхорн – известному художнику и альпинисту 25-летнему Эдварду Уимперу и его импровизированному отряду из трех англичан. В него входили преподобный Чарльз Хадсон («священник из Крыма»), 19-летний новичок Дуглас Хэдоу, протеже преподобного Чарльза Хадсона, и 18-летний лорд Фрэнсис Дуглас (который только что лучше всех сдал экзамены в военную академию, почти на 500 пунктов опередив ближайшего из 118 конкурентов), сын маркиза Куинсберри и начинающего альпиниста, уже два года приезжавшего в Альпы. Разношерстную группу молодых британских альпинистов с разными возможностями и разным уровнем подготовки сопровождали три нанятых Уимпером проводника: Старый Петер Таугвальдер (ему было всего 45, но он считался стариком), Молодой Петер Таугвальдер (21 год) и очень опытный проводник из Шамони Мишель Кро. На самом деле им было достаточно одного Кро, однако Уимпер уже пообещал работу Таугвальдерам, а английский альпинист всегда держал слово, хотя команда стала слишком большой, а два проводника были явно лишними.

На Итальянском хребте я понял, что Дикон демонстрирует нам отвагу и усилия Жана-Антуана Карреля, друга, соперника и бывшего партнера Уимпера. Сложные маршруты, которыми мы наслаждались, были проложены Каррелем.

Наши альпинистские палатки – палатки Уимпера, как их до сих пор называют, поскольку они были изобретены звездой «Золотого века альпинизма» для покорения именно этой горы, – располагались на поросших травой лугах над нижними ледниками по обе стороны горы, и

каждый день мы возвращались к ним в сумерках, а зачастую после наступления темноты, чтобы перекусить и поговорить у небольшого костра, а после нескольких часов крепкого сна вставали и снова шли в горы.

Мы поднимались на гребень Фурген на горе Маттерхорн, но обходили впечатляющие выступы у самой вершины. Это не было поражением. Целый день мы изучали подходы к одному еще непокоренному выступу, но решили, что у нас не хватит ни опыта, ни снаряжения, чтобы преодолеть его в лоб. (Выступ в конечном итоге был покорен Альфредо Перино, Луи Каррелем, которого называли Маленьким Каррелем в честь знаменитого предшественника, и Джакомо Чиарро восемнадцать лет спустя, в 1942 году.) Наша осторожность в неосуществимой – с учетом снаряжения и техники скалолазания 1924 года – попытке преодолеть выступ на гребне Фурген напомнила мне о первой встрече с 37-летним англичанином Ричардом Дэвисом Диконом и 25-летним французом Жан-Клодом Клэру у подножия непокоренной Северной стены горы Эйгер – смертельно опасного Эйгерванда. Но это совсем другая история.

Суть в том, что Дикон – многочисленные друзья и коллеги-альпинисты звали его Дьяконом – и Жан-Клод, только что ставший полноправным членом «Гидов Шамони», вероятно, самого эксклюзивного альпинистского братства в мире, согласились взять меня с собой в многомесячную экспедицию в Альпы, занявшую всю зиму, весну и начало лета. О таком подарке я даже не мечтал. Мне нравилось учиться в Гарварде, но уроки Дикона и Жан-Клода – которого я в конечном итоге стал называть Же-Ка, поскольку он не возражал против этого прозвища, – на протяжении тех месяцев были самыми трудными и вдохновляющими в моей жизни.

По крайней мере, до кошмара горы Эверест.

В последние два дня на Маттерхорне мы совершили частичное восхождение по коварному западному склону, последнему из непокоренных и самому сложному маршруту в Альпах. Франц и Тони Шмидты поднялись по нему семь лет спустя, переночевав в промежуточном лагере на самом склоне. Они проедут на велосипедах от Мюнхена до горы и после стремительного броска по северному склону снова сядут на велосипеды и вернутся домой. Для нас троих это была всего лишь рекогносцировка.

В этот последний, чудесный день в конце июня мы попробовали несколько маршрутов на кажущемся недоступным Носе Цмутт, нависающем над правой частью северной стены, затем отступили, перешли на Итальянский хребет и – когда Дикон кивком разрешил преодолеть последние 100 футов – наконец оказались здесь, на узкой вершине.

За неделю, которую мы провели на Маттерхорне, нам пришлось преодолевать ливни, внезапные снежные бури, мокрый снег, тонкую пленку льда на камнях и сильный ветер. В этот последний день на вершине было ясно, тихо и тепло. Ветер был таким слабым, что Дикон смог разжечь свою трубку всего одной спичкой.

Вершина горы Маттерхорн представляет собой гребень длиной сто ярдов, если вы захотите преодолеть расстояние между нижней, чуть более широкой «Итальянской вершиной» и высшей, самой узкой точкой на «Швейцарской вершине». За прошедшие девять месяцев Дикон и Жан-Клод научили меня, что все хорошие горы предлагают простой выбор. Пик Маттерхорн предлагает очень простой выбор: оступишься влево, и умрешь в Италии; неверный шаг вправо, и смерть настигнет тебя в Швейцарии.

Итальянская сторона представляет собой отвесную скалу высотой 4000 футов, оканчивающуюся камнями и острыми выступами, которые остановят падение на полпути, а швейцарская сторона обрывается к крутому снежному склону и скалистым гребням на несколько сотен футов ниже серединной отметки, где валуны и выступы могут остановить, а могут и не остановить падение тела. На самом гребне довольно много снега, на котором остаются четкие отпечатки наших шипованных ботинок.

Гребень на вершине Маттерхорна не относится к тем, которые журналисты называют острым, как бритва. Свидетельством тому наши следы. Будь он острым, отпечатки подошв рас-

полагались бы *по обе стороны*, поскольку самый разумный способ передвижения по такому гребню – медленная, раскачивающаяся походка больной утки, когда одна нога ставится на западной стороне узкого гребня вершины, а другая на восточной. Поскользнувшись, вы отбьете себе яйца, но – будь на то воля Бога или судьбы – не упадете с высоты 4000 футов.

На чуть более широком снежном гребне, который представляет собой вертикальный снежный карниз, мы использовали бы прием, который Жан-Клод называет «прыжок на веревке». Мы двигались бы в связке, и если бы шедший непосредственно впереди или сзади поскользнулся, следовало мгновенно (на таком узком снежном склоне времени на размышления нет) – «мгновенная реакция» становится автоматической в результате многочисленных тренировок – прыгать на противоположную сторону гребня, и тогда оба повисли бы над 4000-футовой или еще более глубокой пропастью, отчаянно надеясь, что (а) веревка не оборвется, обрекая на смерть обоих, и (б) что ваш вес уравнивает его вес, предотвращая падение.

Это действительно работает. Мы много раз тренировались выполнять этот прием на остром снежном гребне Монблана. Только там наказанием за ошибку – или обрыв веревки – было 50-футовое скольжение до горизонтального снежного поля, а не падение в 4000-футовую пропасть.

Рост у меня 6 футов и 2 дюйма, а вес 220 фунтов, и когда я исполнял «прыжок на веревке» в паре с бедным Жан-Клодом (рост 5 футов и 6 дюймов, вес 135 фунтов), логика подсказывала, что он должен перелететь через снежный гребень, как попавшая на крючок рыба, и мы оба съедем вниз. Но поскольку у Жан-Клода была привычка брать самый тяжелый рюкзак (кроме того, у него была самая быстрая реакция, и он лучше всех управлялся с ледорубом на длинной ручке), принцип противовеса срабатывал, и сильно натянутая пеньковая веревка врезалась в снежный карниз, пока не упиралась в скалу или твердый лед.

Но, как я уже сказал, по сравнению с острыми гребнями длинный гребень Маттерхорна был все равно что французский бульвар: достаточно широкий, чтобы идти по нему, хотя в некоторых местах гуськом, и – если вы очень смелый, опытный или абсолютно безмозглый – даже сунув руки в карманы и думая о посторонних вещах. Дикон именно так и поступил – расхаживал взад-вперед по узкому гребню, вытащив из кармана свою старую трубку и раскуривая ее на ходу.

В то утро Дикон, который мог молчать дни напролет, вероятно, чувствовал потребность в общении. Попыхивая трубкой, он жестом пригласил меня и Жан-Клода последовать за ним к дальнему краю гребня, откуда можно было видеть Итальянский хребет, откуда начинались почти все первые попытки покорения вершины – даже Уимпером, пока он не решил использовать казавшийся более сложным (но в действительности несколько более простой из-за наклона гигантских плит) Швейцарский хребет.

– Каррель со своей группой был там, – говорит Дикон, указывая на линию приблизительно в одной трети расстояния до узкого гребня со скалистыми склонами. – Столько лет усилий, и в конечном итоге Уимпер на два или три часа опережает своего итальянского друга и проводника.

Естественно, он имеет в виду Уимпера и его шестерых товарищей, которые первыми покорили Маттерхорн 14 июля 1865 года.

– А Уимпер и Кро не сбрасывали на них камни?

Дикон смотрит на нашего французского друга и видит, что тот шутит. Оба улыбаются.

– Уимпер очень хотел привлечь внимание Карреля. – Дикон указывает на отвесную скалу слева от нас. – Вместе с Кро он кричал и бросал камни с северного склона – разумеется, подальше от гребня, по которому поднимались итальянцы. Но Каррелю и его команде это, наверное, напоминало артиллерийский обстрел.

Мы все смотрели вниз, словно могли видеть расстроенного итальянского гида и его товарищей, переживающих шок от своего поражения.

– Каррель узнал белые бриджи своего старого клиента. Каррель считал, что находится примерно в часе от вершины – он уже провел через самые сложные препятствия, – но после того, как узнал Уимпера на вершине, просто повернул назад и повел группу вниз. – Дикон вздыхает, глубоко затягивается трубкой и окидывает взглядом горы, долины, луга и ледники под нами. – Каррель взошел на Маттерхорн два или три дня спустя, снова от Итальянского хребта, – тихо прибавляет он, словно обращаясь к самому себе. – Закрепив за итальянцами второе место в гонке. Даже после чистой победы британских парней.

– Чистой победы, *oui...*⁵ но такой трагичной, – говорит Жан-Клод.

Мы возвращаемся к северному концу узкого гребня вершины, где у камней сложены наши рюкзаки. Мы с Жан-Клодом начинаем распаковывать обед. Это наш последний день на Маттерхорне и, возможно, последний перед долгим перерывом в совместных восхождениях... а может, и вообще, хотя я очень надеюсь, что нет. Больше всего на свете мне хочется провести остаток своих *Wanderjahr*⁶ занятий альпинизмом в Альпах с этими новыми друзьями, но Дикона ждут какие-то дела в Англии, а Же-Ка должен вернуться к обязанностям члена «Гидов Шамони» и присутствовать на ежегодном собрании ассоциации в свято блюдущей традиции долине Шамони, священной для альпинистского братства.

Отбросив грустные мысли о расставании и о том, что всему приходит конец, я прервал свое занятие и снова окинул взглядом пейзаж. Мои глаза голоднее желудка.

На небе ни единого облачка. Ясно видны Приморские Альпы в 130 милях от нас. На фоне неба выделяется похожая на зуб гигантской пилы громада горы Экрин, которую впервые покорили Уимпер и его проводник Кро. Слегка повернувшись к северу, я вижу высокие пики Оберланда на том берегу Роны. На западе над более низкими горами господствует Монблан; солнечные лучи отражаются от его заснеженной вершины, которая сверкает так ярко, что я щурюсь. Немного повернувшись на восток, вижу зубчатую гряду пиков – на некоторые я поднимался за минувшие девять месяцев вместе со своими новыми друзьями, другие ждут меня, а какие-то я никогда не покорю, – белых остроконечных вершин, постепенно уменьшающихся в направлении далекого бугристого горизонта, тонущего в тумане.

Дикон и Жан-Клод жуют свои сэндвичи и запивают водой. Я перестаю любоваться окрестностями, отбрасываю романтические мысли и принимаюсь за еду. Холодный ростбиф очень вкусный, на хлебе хрустящая корочка, и я с удовольствием жую. От листьев хрена на глазах выступают слезы, и Монблан становится размытым белым пятном.

Посмотрев на юг, я наслаждаюсь видом, о котором Уимпер писал в своей классической книге «Восхождения в Альпах в 1860–1869 гг.». Я прекрасно помню эти слова, которые читал накануне вечером при свете свечи в своей палатке над деревней Брей и которые описывали картину, увиденную Эдвардом Уимпером 14 июля 1865 года, ту самую, которой я наслаждался в конце июня 1924 года.

Здесь темные, мрачные леса и яркие, живые долины, гремящие водопады, и тихие озера, плодородные земли и дикие пустоши, солнечные равнины и замерзшие плато. Здесь самые грубые формы и самые изящные очертания – дерзкие, вертикальные утесы и мягкие, волнистые склоны, скалистые горы и заснеженные горы, мрачные и одинокие или сияющие белыми склонами – башенки – бельведеры – пирамиды – купола – конусы – и шпили! Здесь все, что может предложить мир, любой контраст, который только пожелает душа.

⁵ Да (*фр.*).

⁶ Год путешествий после окончания колледжа (*нем.*).

Да, вы можете назвать Эдварда Уимпера неисправимым романтиком, каковыми были многие альпинисты «золотого века» в середине и в конце XIX столетия. И по строгим, современным стандартам 1924 года это описание казалось слишком цветистым и старомодным.

Что касается обвинения в безнадежном романтизме, то я должен признаться, что сам романтик. Наверное, это во мне неистребимо. Я окончил Гарвард по специальности «английская литература» и был готов писать собственные великие романы и рассказы о путешествиях – разумеется, неизменно в строгом современном стиле, – но тут с удивлением обнаружил, что стиль XIX века в исполнении Эдварда Уимпера, цветистая проза и все такое, снова тронул меня до слез.

Итак, этим июньским днем 1924 года мое сердце откликалось на слова, написанные более пятидесяти лет назад, а душа – на еще более безнадежную картину, которая вдохновила на эти слова сентиментального Эдварда Уимпера. Великому альпинисту было двадцать пять лет, когда он впервые поднялся на Маттерхорн и увидел эту картину; мне же недавно исполнилось двадцать два, всего за два месяца до того, как я сам люблюсь этим видом. Я чувствую близость к Уимперу и всем альпинистам – прожженным циникам или романтикам, как я сам, – которые смотрели на юг, на Италию, с этого самого хребта, с этого самого трона, представляющего собой невысокий валун.

Все эти осенние, зимние и весенние месяцы, что я вместе с Жан-Клодом и Диконом покорял вершины Альп, после каждого покорения вершины мне приходилось отвечать на вопросы, касающиеся данной горы. Тон нашего разговора ни в коем случае не был снисходительным, и мне нравился этот процесс, поскольку я многому научился у этих двух альпинистов. В Европу из Соединенных Штатов я приехал уже неплохим альпинистом, но понимал, что под опекой Жан-Клода и Дикона – иногда мягкой, иногда строгой, но никак не мелочной – мое мастерство неизмеримо выросло. Я превращался в альпиниста *мирового класса*. Входил в братство немногих избранных. Более того, опека Жан-Клода и Дикона – в том числе вопросы и ответы на покоренных вершинах – помогали мне *полюбить* гору, на которую я только что взошел. Полюбить, несмотря на то, что во время нашего близкого знакомства она могла быть вероломной сукой. Крошащиеся скалы, снежные лавины, траверсы, на которых даже негде зацепиться пальцами, смертельно опасные камнепады, вынужденные привалы на таких узких уступах, что на них едва поместится поставленная на ребро книга, но к которым приходилось прижиматься на ледяном ветру, ливни и грозы, ночи, когда металлический наконечник моего ледоруба светился голубым от электрических разрядов, жаркие дни без глотка воды и ночевки, когда в отсутствие крюков, чтобы закрепить на склоне, приходилось держать под подбородком зажженную свечу, которая не давала заснуть и свалиться в пропасть. Но, несмотря на все это, Дикон и особенно Жан-Клод учили меня любить гору, любить такой, какая она есть, любить даже самые тяжелые испытания, которым она тебя подвергала.

На Маттерхорне вопросы задает Жан-Клод, и наш катехизис короче, чем для большинства других гор.

Ты должен что-то полюбить у каждой хорошей горы. Маттерхорн хорошая гора. Тебе нравятся стены этого пика?

Нет. Стены Маттерхорна, особенно северная, на которой мы провели большую часть времени, не достойны любви. Они усеяны камнями. Там постоянные камнепады и лавины.

Но ты любишь саму скалу?

Нет. Скала вероломна. Она непрочная. Вбивая крюк молотком, ты не услышишь звон стали, вгрызающейся в камень, а уже через минуту бесполезный крюк можно вытащить двумя пальцами. Скала на стенах Маттерхорна ужасна. Альпинисты знают, что все горы постоянно разрушаются – их отвесные стены неизбежно и неотвратимо каждую секунду изнашиваются под действием ветра, воды, погоды и силы тяжести, – но Маттерхорн больше других пиков напоминает неустойчивую грудку постоянно осыпающихся камней.

Но тебе нравятся гребни?

Нет. Знаменитые гребни Маттерхорна – итальянский и швейцарский, Фурген и Цмутт – слишком опасные, с камнепадами и снежными лавинами, или слишком прирученные, испещренные перилами и закрепленными веревками для женщин и семнадцатилетних английских джентльменов. Любовь к гребням этой горы? Она невозможна. Разве что во времена Уимпера, когда все это было внове.

Но ты любишь гору. И ты это знаешь. Что тебе в ней нравится?

Оии. Маттерхорн – это гора, ставящая перед альпинистом множество задач, которые нужно решить, но – в отличие от Эйгера и некоторых других пиков, которые я видел или о которых слышал, – Маттерхорн предлагает альпинисту и четкое, чистое решение каждой задачи.

Маттерхорн – это груда осыпающихся камней, но издалека у его стен и гребней красивый вид. Гора похожа на стареющую актрису, у которой под хорошо заметным и облетающим макияжем видны щеки и скулы молодой женщины и угадывается прежняя, почти идеальная красота. Форма самого пика – одинокого, не связанного с другими горами, – возможно, самая совершенная и запоминающаяся во всех Альпах. Попросите ребенка, никогда не видевшего гор, нарисовать гору – и он возьмет цветной карандаш и изобразит Маттерхорн. Настолько характерный вид у этой горы. А верхняя часть северной стены с ее отрицательным наклоном создает впечатление, что гора не стоит на месте, а все время движется. Эта гладкая, нависающая стена словно создает собственную погоду, формируя облака. Маттерхорн – серьезная гора.

И ты любишь призраков.

Оии. Здесь никуда не деться от призраков, достойных любви. Патриотичное предательство Жана-Антуана Карреля, верного гида Эдварда Уимпера, который предпочел вести Феличе Джордано по Итальянскому хребту в надежде, что чисто итальянская группа первой покорит вершину 14 июля 1865 года. Призраки отчаянного броска Уимпера из Церматта – чтобы попытаться подняться противоположным гребнем – с насоро собранной группой из лорда Фрэнсиса Дугласа, преподобного Чарльза Хадсона, 19-летнего Дугласа Хэдоу, одного из «Гидов Шамони» Мишеля Кро и двух местных гидов, Молодого Петера и Старого Петера Таугвальдеров.

Призраки четырех погибших в тот день говорят со мной громче всего, и каждый альпинист должен научиться слышать их, должен испытывать любовь и уважение, взбираясь по тем же камням, по которым шагали они, укладываясь спать на тех же плитах, на которых спали они, торжествуя на той же узкой вершине, где раздавались радостные крики семерки Уимпера, и сосредоточившись на безопасном спуске по тому же коварному участку, где четверо из них пролетели несколько тысяч футов навстречу смерти.

И еще, топ ати⁷, тебе нравится вид с этой вершины.

Оии. Мне нравится этот вид. Он стоит ноющих мышц и стертых в кровь ладоней. И не просто стоит – о них забываешь. Вид – это всё.

Пока я жую и разглядываю пейзаж, Жан-Клод, закончив со мной урок катехизиса, разглаживает газету, в которую завернута марля с нашими сэндвичами.

– *Мэллори и Ирвин погибли при попытке покорить Эверест*, – читает он вслух со своим французским акцентом.

Я перестаю жевать. Дикон, который вытряхивает угольки или пепел из своей трубки, постукивая ею о шипованную подошву ботинка, замирает – ботинок на колене, уже пустая трубка у ботинка – и пристально смотрит на Жан-Клода.

Наш товарищ продолжает читать:

⁷ Мой друг (фр.).

– Лондон, двенадцатое июня тысяча девятьсот двадцать четвертого года. «Комитет Эвереста» с глубоким сожалением сообщает, что получил каблогранму от... – Он останавливается и протягивает мне мятую газету. – Джейк, это твой родной язык. Ты и прочти.

Удивляясь и не понимая сдержанности Жан-Клода – насколько я знаю, он бегло читает и говорит по-английски, – я беру газету, разглаживаю на коленке и читаю вслух:

Лондон, двенадцатое июня тысяча девятьсот двадцать четвертого года. «Комитет Эвереста» с глубоким сожалением сообщает, что получил каблогранму от полковника Нортон, отправленную из Пхари-дзонга девятнадцатого июня в четыре пятьдесят пополудни.

«Мэллори и Ирвин погибли во время последней попытки. Остальная группа в тот же день благополучно прибыла на базу. Два альпиниста, которые не были членами экспедиции, погибли под лавиной на Эвересте в последний день, после ухода остальных».

Комитет телеграфировал полковнику Нортону, выражая глубокое соболезнование членам экспедиции. Потеря двух отважных товарищей, которая случилась из-за неблагоприятной погоды и состояния снега, которые в этом году с самого начала препятствовали восхождению...

Я продолжаю читать колонки газетной статьи, наполовину печального репортажа о событиях, наполовину идеализированного жизнеописания:

Трагическая гибель этих двух людей – Джорджа Ли Мэллори, единственного из всех участников этой попытки, кто входил в состав предыдущих экспедиций, и Э. С. Ирвина, одного из его новобранцев, – стала необыкновенно печальным концом истории попыток покорить гору, начавшейся три года назад. Всего три дня назад мы опубликовали рассказ самого Мэллори о втором отступлении настоящей экспедиции...

Причиной этого отступления стали снег и ветер, заставившие альпинистов покинуть самые верхние лагеря – «расстроенными, но не признавшими поражение», как писал сам Мэллори. Следующие несколько абзацев рассказывали об отказе Мэллори сдаться, несмотря на холодную погоду, сильный ветер, снежные лавины и неминуемое приближение муссонов, с приходом которых закончится альпинистский сезон.

Я останавливаюсь и поднимаю взгляд на моих друзей, ожидая сигнала прекратить чтение и передать газету дальше, но Жан-Клод и Дикон просто смотрят на меня. Ждут продолжения.

Поднимается слабый ветер, и я крепче сжимаю в руках мятую газету и продолжаю читать длинную статью.

Все письмо Мэллори написано словно в преддверии отчаянной схватки. «Действия, – говорил он, – приостанавливаются только перед еще более решительными действиями в преддверии кульминации. Цель скоро будет достигнута. Так или иначе, третий подъем по леднику Восточный Ронгбук станет последним». Он оценивал шансы и был готов рискнуть. «Мы не рассчитываем, – сообщал он в последней фразе своего письма, – на милость Эвереста». И Эверест, увы, поймал его на слове...

Я делаю паузу. Дикон и Жан-Клод сидят и ждут. Вдали, за спиной Дикона, в небе парит большой ворон; его тело, поддерживаемое легким бризом, неподвижно висит над землей на высоте 5000 футов.

Удержавшись от критики по поводу стиля статьи, я продолжаю чтение: рассказ о Мэллори как о «выдающемся альпинисте» и о его решимости покорить гору Эверест («Увы!» – думаю я, но молчу), о вкладе генерала Ч. Г. Брюса, майора Э. Ф. Нортон и других альпинистов, которые побили рекорд высоты в 22 000 футов герцога Аbruцци, установленный на далекой и неизвестной мне вершине под названием К2.

Далее идет рассказ о 37-летнем Джордже Ли Мэллори, решительном и опытном ветеране Эвереста, и юном Эндрю Ирвине, которому было всего 22 года – столько же, сколько мне. Они вышли из верхнего лагеря утром 8 июня, предположительно с кислородными аппаратами, и потом, несколько часов спустя, двух героев заметил их товарищ Ноэль Оделл, когда они «решительно двигались к вершине», но затем облака сомкнулись, началась метель, и больше ни Мэллори, ни Ирвина никто не видел.

Я читаю вслух, что, по сообщению «Таймс», вечером в день их исчезновения Оделл проделал весь путь до ненадежного шестого лагеря, пытаюсь перекричать бушевавшую высоко в горах бурю, на тот случай, если Мэллори и Ирвин пытаются спуститься в темноте. Мэллори оставил сигнальную ракету и фонарь в палатке шестого лагеря. У него не было возможности подать сигнал людям внизу, даже если бы он был жив в ту ужасную ночь.

Когда прошло пятьдесят часов, пишет «Таймс», даже никогда не терявший оптимизма Оделл распрощался с надеждой и сложил два спальника в форме буквы «Т», чтобы их могли увидеть наблюдатели с подзорными трубами из нижнего лагеря. Условный сигнал означал, что дальнейшие поиски бесполезны – двое альпинистов исчезли.

Наконец я опускаю газету. Усиливающийся ветер рвет ее из рук. На синем небе уже нет ворона, а само небо начинает темнеть – день клонится к вечеру. Я качаю головой, чувствуя, как взволнованы два моих друга, но по-настоящему не понимая глубины и сложности их чувств.

– Дальше там примерно то же самое, – хриплым голосом говорю я.

Наконец Дикон шевелится. Он сует остывшую трубку в нагрудный карман твидовой куртки и тихо говорит:

– Там пишут, что были еще двое.

– Что?

– В первом абзаце сказано, что погибли еще два человека. Кто? Как?

– О... – Я сражаюсь с газетой, проводя пальцем по последней колонке к заключительным абзацам. Все о Мэллори и Ирвине, Ирвине и Мэллори, а потом опять о Мэллори. Но вот оно, в самом конце. Я читаю вслух:

После того как основная группа покинула базовый лагерь на Эвересте, то, по свидетельству немецкого альпиниста Бруно Зигля, который проводил рекогносцировку для будущей немецкой экспедиции на Эверест, он видел, как тридцатидвухлетнего лорда Персиваля Бромли, брата пятого маркиза Лексетера, а также немецкого или австрийского альпиниста, которого Зигль опознал как Курта Майера, накрыла лавина, сошедшая между лагерем V и лагерем VI. Юный Бромли – лорд Персиваль, – который официально не был членом экспедиции, возглавляемой полковником Нортоном, следовал вместе с экспедицией от Дарджилинга до базового лагеря. Несмотря на то, что сезон муссонов уже наступил и экспедиция полковника Нортон отступила от горы, лорд Персиваль и Майер, по всей видимости, предприняли последнюю попытку найти Мэллори и Ирвина. Тела лорда Персиваля и немецкого или австрийского альпиниста так и не были найдены.

Я снова опускаю газету.

– Лорд Бромли, пэр вашего королевства, погибает на горе Эверест, но в газете об этом почти ничего нет, – бормочет Жан-Клод. – Все о Мэллори. О Мэллори и Ирвине.

– Лорд Персиваль, или лорд Перси, как говорят у нас в Англии, – голос Дикона звучит очень тихо. – Лорд Бромли – это его старший брат, маркиз. А Перси Бромли никак не похож на пэра, даже если он был бы следующим в очереди наследников. Джордж Мэллори, хоть и скромного происхождения, был настоящим королем той экспедиции. – Дикон встает, сует руки в карманы брюк и идет по узкому гребню, опустив голову. Он очень похож на рассеянного профессора, который разгуливает по студенческому городку, обдумывая какую-то сложную задачу из своей области знания.

Когда Дикон удаляется и уже не может нас слышать, я шепчу Жан-Клоду:

– Он знал Мэллори или Ирвина?

Жан-Клод смотрит на меня, затем наклоняется ближе и тихо говорит, почти шепчет, хотя Дикон от нас довольно далеко:

– Ирвина? Не знаю, Джейк. Но Мэллори... да, они с Диконом были знакомы много лет. До войны учились в одном и том же маленьком колледже в Кембридже. Во время войны их пути много раз пересекались на поле боя. Дикон получал предложения от Мэллори участвовать в рекогносцировке двадцать первого года и в экспедиции на Эверест двадцать второго года – и принимал их. Но в этом году ни Мэллори, ни Альпийский клуб не позвали его в экспедицию на Эверест.

– Черт побери! – До этого момента я думал, что начинаю узнавать своих новых друзей и партнеров. Похоже, я ничего не знал и не знаю. – На Эвересте могли пропасть Мэллори и Дикон, а не Мэллори и этот юный Сэнди Ирвин, – шепчу я Жан-Клоду.

Жан-Клод прикусывает потрескавшуюся губу и оглядывается, чтобы убедиться, что Дикон достаточно далеко, стоит на итальянской стороне вершины и смотрит в пространство.

– Нет, нет, – шепчет Жан-Клод, – во время первых двух экспедиций у Мэллори и Дикона случилось несколько... как это по-английски... падений.

Я на мгновение теряюсь, представляя, как падают двое связанных веревкой альпинистов, потом понимаю.

– Ссор.

– *Oui, oui*. Боюсь, серьезных ссор. Я уверен, что Мэллори не разговаривал с Диконом после возвращения из экспедиции двадцать второго года.

– А из-за чего они ссорились? – шепчу я. Ветер вновь усилился и швыряет в лицо холодные крупинки лежащего на вершине снега.

– Первая экспедиция... официально ее называли рекогносцировкой, но для Мэллори и остальных настоящая цель состояла в том, чтобы найти самый быстрый маршрут к горе от базового лагеря через все ледопады и ледники, а затем как можно скорее начать восхождение. Я знаю: и Дикон, и Мэллори верили, что могут подняться на вершину Эвереста во время той первой попытки в тысяча девятьсот двадцать первом году.

– Амбиции, – бормочу я. Дикон по-прежнему на дальнем конце итальянской части вершины. Ветер усилился еще больше и дует от него к нам, я сомневаюсь, что Дикон нас услышит, даже если бы мы кричали. Но мы с Жан-Клодом все равно говорим очень тихо, разве что не шепчем.

– Мэллори настаивал, что к Северному седлу – самому очевидному пути к северной стене Эвереста – лучше всего идти с востока, по долине Харта. Это был... как по-английски *cul-de-sac*?

– Тупик.

Жан-Клод ухмыляется. Иногда мне кажется, что он получает удовольствие от некоторой грубости английского языка.

– *Oui* – настоящий тупик. Мэллори вел их вокруг горы, выбираясь из одного тупика и попадая в другой. Он даже заставил Гая Баллока дойти до Западного Ронгбука, так что они едва не пересекли границу с Непалом в поисках южных подходов к Эвересту, и решил, что

ледники и ледопады у Южной стены, а также гребни абсолютно непроходимы. Поэтому путь к вершине должен проходить по Северной стене.

– Сомневаюсь... – прошептал я, скорее себе, чем Же-Ка.

– В любом случае несколько месяцев были потеряны, – говорит Жан-Клод. – По крайней мере, по мнению Дикона. Разведка на востоке и на западе, всевозможные измерения, фотографирование. И тщетные поиски подхода к Северному седлу.

– Я видел некоторые фотографии. – Оглядываюсь, чтобы убедиться, что Дикон по-прежнему на дальнем краю вершины. Похоже, он абсолютно неподвижен. – Они прекрасны.

– Да, – соглашается Же-Ка. – Но в первой серии фотографий, ради которых Мэллори взобрался на серьезный пик, чтобы получить выгодную позицию для съемки, он неправильно вставил пластины в камеру. Разумеется, ничего не получилось. Большинство фотографий сделали Баллок и остальные.

– Но какое отношение это имеет к ссоре Мэллори и Дикона? – спрашиваю я. – Они стали почти врагами после стольких лет сотрудничества и... полагаю... взаимного уважения.

Жан-Клод вздыхает.

– Их первый базовый лагерь у подножия горы был устроен у входа в маленькую долину, по которой река стекает на равнину. Они проходили мимо этой долины, наверное, сотню раз, но не исследовали ее. Дикон хотел проверить, не открывает ли она проход прямо к Северному седлу, но Мэллори каждый раз не позволял, настаивая, что долина просто доходит до ледника Восточный Ронгбук и упирается в него. Они видели вход в долину – легкий, с гравием и островками старого снега, остатками ледника, – и Дикон предположил, что эта долина может снова сворачивать на запад, как потом и оказалось, обеспечив им безопасный и легкий путь к Северному седлу и началу восхождения. Мэллори отверг эту... забыл слово... возможность и потратил еще несколько недель на бесполезную разведку на востоке и на западе. Кроме того, Мэллори и Альпийский клуб решили, что летний сезон муссонов лучшее время для попытки покорения Эвереста, но, как оказалось, только не в июне, потому что даже месье Мэллори был вынужден согласиться, что летний сезон муссонов с его бесконечным снегопадом – плохое... плохое время для изучения горы, не говоря уже о попытке восхождения... поскольку метели на большой высоте... как это говорится... еще злее.

– Значит, в этом причина ссоры двадцать второго года, – шепчу я.

Улыбка Жан-Клода получается почти грустной.

– Последний кирпич... нет, как это говорится? Что-то последнее, что ломает хребет верблюду?

– Соломинка.

– Последней соломинкой стало то, что Дикон все время настаивал, чтобы они поднялись на Лакра Ла и оттуда взглянули на окрестности. Неделю за неделей Мэллори отказывал Дикону, считая это бесполезным.

– Что такое Лакра Ла? – спрашиваю я.

В июне 1924 года я практически не имел представления о географии Эвереста. Конечно, я знал, что высочайшая вершина мира находится на границе Непала и Тибета, и путь к ней пролегает только через Тибет – из-за политической обстановки того времени, – и это значит, что маршрут восхождения, если таковое случится, будет проходить по Северной стене. А если точнее, то по Северо-Восточному гребню, над Северным гребнем и по Северной стене – если верить фотографиям.

– Лакра Ла – это высокогорный проход на запад, отделяющий ледник Катра от ледника Восточный Ронгбук, – объясняет Же-Ка. – Они поднялись на него во время сильной метели, при нулевой видимости, по пояс... как это сказать, Джейк?

– Утопая.

– Утопая по пояс в снегу, который становился все глубже, и ничего не видя, даже когда они достигли горизонтальной площадки, как они предполагали, вершины перевала. Даже поставить палатки в такую метель было настоящим кошмаром, и Мэллори был в ярости из-за потери времени. Но утром небо полностью очистилось, и из своего заснеженного лагеря на Лакра Ла они увидели превосходный путь к Северному седлу – прямо по долине, которую столько раз предлагал исследовать Дикон, затем через снег и лед на ту сторону долины, а затем, без каких-либо затруднений, прямо к самому Северному седлу. А оттуда прямо к Северному гребню и дальше, к высокому Северо-Восточному гребню. Вызванные муссонами бури продолжали засыпать экспедицию снегом, ветер был просто ужасным, но, несмотря на это, они разведали весь путь до тысячефутовой ледяной стены, которая ведет к Северному седлу, хотя в этом году пытаться покорить вершину было уже поздно. Они повернули назад двадцать четвертого сентября – даже не ступив ногой на скалистые склоны горы Эверест.

Дикон снова выкурил трубку и теперь выбивал из нее пепел. В любую минуту он может вернуться.

– Значит, вот в чем причина ссоры, – шепчу я. – И причина того, что Дикон не присоединился к экспедиции Мэллори в этом году.

– Нет, – возражает Жан-Клод; он говорит быстрым и торопливым шепотом. – Это инцидент, случившийся в конце второй экспедиции. Пробыв в Англии несколько месяцев после экспедиции тысяча девятьсот двадцать второго года, они начали готовить экспедицию двадцать четвертого года. Дикона пригласили, но с неохотой. В своем письме жене, отрывок из которого был каким-то образом скопирован и распространялся среди альпинистов в тысяча девятьсот двадцать третьем и который я довольно хорошо помню, Мэллори писал:

«Несмотря на давнее знакомство с мистером Диконом – мы были довольно близкими друзьями в Кембридже, и особенно в горах Уэльса после окончания учебы, – я не могу сказать, что он мне очень нравится. В нем слишком много от аристократа, слишком много от землевладельца, слишком много от изнеженного поэта, и ему присущи не только предрассудки тори, которые время от времени пробиваются наружу, но также сильно развитое чувство презрения, иногда на грани настоящей ненависти, к людям, которые отличаются от него. Наш друг мистер Ричард Дэвис Дикон любит свое всем известное прозвище Дьякон, данное ему другими людьми – тогда, в его первый год обучения в маленьком колледже Магдалены в Кембридже, нас таких было всего пятьдесят человек, – поскольку, я уверен, оно ему льстит. В любом случае, Рут, после прошлой экспедиции мне кажется, что наши отношения всегда будут натянутыми – и это уже произошло. Он эрудирован, упрям и очень не любит, когда кто-то знает то, что неизвестно ему. А когда его догадки случайно оказываются верными – например, маршрут от верхней точки перевала под названием Лакра Ла, – он воспринимает удачу как должное, словно руководитель не я, а он».

– У тебя чертовски хорошая память, друг мой.

Вид у Жан-Клода удивленный.

– А как же иначе! Разве американских школьников не заставляют выучивать сотни страниц стихов, прозы и всякого другого? Наизусть? И строго не наказывают за нерадивость? Во Франции запоминание – это обучение, а обучение – это запоминание.

Дикон смотрит в нашу сторону, и лицо у него по-прежнему ничего не выражает – по-видимому, он о чем-то глубоко задумался. Но я уверен, что через минуту он вернется к нам.

– Быстро, – говорю я Жан-Клоду, – расскажи мне, что произошло во время экспедиции двадцать второго года, что стало той последней соломинкой, которая переломила хребет их дружбы.

Признаю, это не самая удачная фраза из когда-либо произнесенных мной, но Жан-Клод смотрит на меня так, словно я заговорил на арамейском.

– В двадцать втором они все чувствовали, что у них хорошие шансы покорить вершину, – говорит Жан-Клод, и в этот момент Дикон поворачивает назад, к нам. – Они преодолели внушительную ледяную стену перед Северным седлом, пересекли седло, поднялись по Северному гребню до Северо-Восточного гребня и пошли к вершине, но жуткий ветер заставил их спуститься на самую Северную стену, где продвижение было медленным и опасным. Им пришлось вернуться в базовый лагерь. Но седьмого июня Мэллори настоял на еще одной попытке подняться на Северное седло, все еще воображая, что, несмотря на не прекращавшийся много дней снег, они смогут покорить вершину. Дикон возражал против того, чтобы носильщики и альпинисты снова поднимались на Северное седло. Он указывал, что погода изменилась и в этом году вершина уже недоступна. Но что еще важнее, Дикон значительно лучше Мэллори мог оценить состояние снега и льда – он гораздо больше времени провел на альпийских ледниках – и утверждал, что есть опасность схода лавин. Днем раньше, при возвращении с разведки Северного седла несколько альпинистов, спускавшихся к оставленной на ледяной стене веревочной лестнице, обнаружили пятидесятиметровый участок, где снежный оползень стер их следы двухчасовой давности. Дикон отказался идти.

Дикон находился уже в 50 футах от нас, и мы давно бы уже замолчали, если бы вой ветра не заглушал наши слова. Но Жан-Клод торопится закончить.

– Мэллори назвал Дикона трусом. В то утро, седьмого июня, Мэллори повел группу из семнадцати человек к Северному седлу; все шерпы шли в одной связке. Лавина накрыла их в двухстах метрах ниже Северного седла, как раз на таком склоне, о котором предупреждал Дикон. Девять носильщиков попали под лавину. От Мэллори она прошла всего в нескольких метрах, но и его задело волной. Двух носильщиков удалось откопать, но семь человек погибли, и их тела похоронили в расселине, куда их едва не утащила лавина. Как пытался объяснить Дикон, попытка пересечь заснеженные склоны в таких условиях была настоящим безумием.

– Господи, – шепчу я.

– Вот именно, – соглашается Жан-Клод. – С того июньского дня, два года назад, два старых друга не разговаривали. И в этом году Дикона не пригласили в экспедицию.

Я молчу, потрясенный тем, что Дикона – если бы не его «ссора» с Мэллори – могли пригласить для участия в таком важном событии. Возможно, главном событии века. И явно героической трагедии века, если верить газетам. Я думаю о бессмертии, о том, что оно пришло к англичанам только после смерти, и о том, что для Джорджа Ли Мэллори оно теперь создается словами в «Лондон таймс», «Нью-Йорк таймс» и тысячах других газет.

Мы пропустили события последних четырех дней – были заняты восхождениями, спусками, ночевками и снова восхождениями.

– Как... – начинаю я, но тут же умолкаю. Дикон уже рядом. Усиливающийся ветер терзит его шерстяную куртку и галстук. Слышен скрип его шипованных ботинок – почти наверняка таких же, какие были на Мэллори и Ирвине на прошлой неделе, – которые оставляют свежие следы на неглубоком снегу, покрывающем гребень пика Маттерхорн.

Руки Дикона в карманах шерстяных брюк, холодная трубка в правом нагрудном кармане куртки. Он пристально смотрит на Жан-Клода и тихо спрашивает:

– *Mon ami*, будь у тебя шанс попытаться покорить Эверест, ты бы им воспользовался?

Я жду, что Жан-Клод ответит шуткой – не сдержится, несмотря на печальную газетную новость, – однако он молча смотрит на нашего фактического лидера. Дикон отрывает взгляд своих пронзительных серых глаз от Же-Ка и смотрит куда-то вдаль; я оглядываюсь, чтобы проверить, не вернулся ли парящий в вышине ворон.

– *Oui*, – наконец произносит Жан-Клод. – Гора Эверест очень большая и находится далеко от долины Шамони, где я работаю проводником и где меня ждут клиенты, и мне кажется, это

в большей степени английская гора, чем какая-либо другая. Думаю, что она и дальше будет хладнокровным убийцей людей, мой друг Ричард Дикон. Но, *oui, mon ami*, если у меня появится шанс укротить этого зверя, я им воспользуюсь.

Я жду, что Дикон задаст мне тот же вопрос, и не уверен в своем ответе – однако он ни о чем меня не спрашивает.

Громко, перекрикивая ветер, Дикон говорит:

– Давайте спускаться по стене, а потом через Швейцарский хребет к Церматту.

Это небольшой сюрприз. Наши лучшие палатки и спальники, а также большая часть снаряжения и припасов находятся на итальянской стороне, на высокогорных склонах над деревней Брей. Ладно, не беда. Всего лишь еще один длинный переход через перевал Теодул и обратно. Вероятно, эта обязанность достанется мне как самому младшему из нашей троицы. Остается лишь надеяться, что в Церматте мне удастся нанять мула.

Мы начинаем спускаться по неожиданно крутому гребню к затененной, почти вертикальной стене – «плохой участок», как назвал его Эдвард Уимпер при подъеме, что и подтвердилось, когда они спускались, – и Дикон удивляет меня и Жан-Клода (я замечаю его едва заметное колебание) вопросом:

– Что, если мы здесь пойдем в связке?

Большую часть стен и гребней мы проходили не в связке. Если кто-то падает – значит, он падает. Преодоление почти всех хребтов и больших плит здесь не требует веревок для страховки, а плиты с отрицательным наклоном на Северной стене, вроде той, по которой мы собираемся спускаться теперь, слишком опасны для любой страховки. Здесь почти нет скальных выступов, на которые верхний альпинист мог бы набросить страховочную петлю – такую технику использовали в 1924 году.

Размотав несколько разных кусков веревки, висевших у меня на плече, я выбираю самую короткую. Мы связываем наши пояса – нас разделяют всего 20 футов. Порядок следования не обсуждается. Жан-Клод идет первым – он самый опытный в том, что касается снега и льда, а также блестяще справляется с голой скалой, по которой мы через минуту начнем спускаться; за ним – я, наименее опытный из всех, но с сильными руками, и последний Дикон. Он – наш спасательный якорь; третий человек в связке, который будет страховать и Жан-Клода, и меня, если мы упадем... хотя страховка на этой коварной скале не под силу почти никому в мире, не говоря уже о недостаточной прочности нашей тонкой пеньковой веревки.

Но связка дает чувство безопасности, даже когда веревка настолько тонкая, что ее можно рассматривать как метафору. То же самое относится к Ричарду Дэвису Дикону в качестве спасательного якоря в связке. Мы переходим на швейцарскую сторону вершины и начинаем спуск.

Когда я тщательно выбираю место для ноги на узких наклонных камнях, то замечаю старые закрепленные веревки и один металлический трос, которые висели или были закреплены крюками на некотором расстоянии от кромки стены. Некоторые веревки установили заботливые проводники минувшим летом, но большинство болтаются тут уже много лет, быстро превращаясь в пыль под действием времени, зимних холодов и высокогорного солнца, ускоряющего химические и физические процессы их медленного, но неминуемого разложения. «Клиенты» – туристы в этих высоких горах, незнакомые со скалами, льдом, веревками и небом, – привязываются к этим закрепленным веревкам, а некоторые используют их для спуска с этого почти вертикального «плохого участка» горы, хотя одна веревка может выдержать ваш вес во время такого спуска, а другая тут же порвется, и вы кубарем полетите на камни и расщелины ледника, который находится внизу, на расстоянии нескольких тысяч футов.

По виду пеньковой веревки практически невозможно определить, какая из них новая и надежная, а какая старая, гнилая и обречет пристегнувшегося к ней на верную смерть. Именно для этого нужны проводники.

При спуске мы все держимся подальше от веревок – Жан-Клод ведет нас ближе к краю стены, где камнепады и небольшие снежные лавины случаются чаще, даже в июне. Небольшая вероятность камнепада или лавины – это плата за преимущество более прочной опоры для ног ближе к гребню.

Но зачем идти этим маршрутом? Зачем повторять последние шаги бедняги Фрэнсиса Дугласа и других членов группы Уимпера, покорившей вершину 14 июля 1865 года?

Большинство людей, хотя бы немного интересующихся горами, знают, что спуск гораздо опаснее подъема, но им, скорее всего, не известно, что во время подъема и спуска альпинист ведет себя по-разному, особенно на скальной поверхности. Поднимаясь на гору, альпинист тесно прижимается к поверхности скалы: его тело как бы растекается по ней, щека касается камня, пальцы хватаются за любой уступ, трещину, клин, навес, камень – словно человек занимается любовью с горой. При спуске альпинист чаще всего отворачивается от горы, поскольку так легче увидеть маленькие выступы и опоры для ног на несколько ярдов и метров ниже и по обе стороны от себя; спиной он прижимается к горе, а смотрит в пустоту прямо перед собой (и к ней приковано все его внимание) и видит чистое небо и манящую пропасть, а не прочную и надежную скалу или плотную массу снега.

Поэтому для новичка спуск с горы почти всегда страшнее подъема и даже для самого опытного альпиниста требует полной сосредоточенности. Спуски отняли больше жизней, чем просто *восхождения* на гору. Следуя за Же-Ка и тщательно выбирая место для руки или ноги, я удивляюсь, почему Дикон предложил этот смертельно опасный маршрут, убивший больше половины группы Уимпера. Но больше всего меня занимает вопрос: «Почему Дикон не спросил меня, не хотел бы я подняться на Эверест?»

Разумеется, этот вопрос глупый и бессмысленный – у меня нет денег, чтобы участвовать в гималайских экспедициях Альпийского клуба. (Фактически это спортивный клуб для богатых, а я уже потратил большую часть скромного наследства, полученного мной по достижении двадцати одного года, на поездку в Европу для занятий альпинизмом.) Кроме того, это британский Альпийский клуб – они не приглашают американцев. Британские альпинисты и их круг избранных считают пик Эверест – названный так британским исследователем в честь британского картографа – английской горой. И никогда не возьмут с собой американца, каким бы опытным тот ни был.

Более того, у меня просто отсутствовал опыт, который необходим героям, пытающимся покорить Эверест. Я много занимался альпинизмом во время учебы в Гарварде – честно говоря, больше лазал по горам, чем учился, в том числе участвовал в трех небольших экспедициях на Аляску, – но это, а также несколько месяцев в Альпах вместе с Жан-Клодом и Диконем нельзя считать достаточным опытом и тренировкой сложной техники, чтобы замахиваться на самую высокую и, вероятно, самую суровую из непокоренных вершин в мире. Я имею в виду, что на Эвересте только что погиб Джордж Ли Мэллори, и вполне возможно, именно его физически хорошо подготовленный, но молодой и не очень опытный партнер Эндрю «Сэнди» Ирвин упал и утащил за собой Мэллори навстречу смерти.

И наконец – мы спускаемся еще на несколько метров, следя за тем, чтобы связывающая нас веревка слегка провисала, – я признаюсь себе, что не уверен, что когда дойдет до дела, у меня хватит духу на попытку покорения Эвереста, даже если Альпийский клуб вдруг решит пригласить недостаточно опытного и стесненного в средствах янки присоединиться к их следующей экспедиции на Эверест. (Я знаю, что еще одна экспедиция обязательно будет. Если уж англичане приняли вызов и затеяли какую-либо грандиозную и героическую экспедицию, они ни за что не отступят, даже после гибели своих героев – Роберта Фолкона Скотта и Мэллори – во время предыдущих попыток. Упрямый народ эти англичане.)

Внезапно мы с Жан-Клодом оказываемся на том самом месте, откуда четыре человека из группы Уимпера, впервые покорившей вершину, сорвались навстречу своей ужасной смерти.

Здесь я должен прервать свой рассказ и объяснить. Конечно, это кажется странным, что я вдруг начинаю описывать несчастный случай, который произошел в июле 1865 года, за 60 лет до приключения 1925 года, о котором я собираюсь рассказать. Но потом вы поймете, что по меньшей мере одна из вроде бы незначительных деталей трагедии, случившейся с группой Уимпера, впервые поднявшейся на Маттерхорн, стала тем самым элементом, который позволил осуществиться в высшей степени неофициальной и практически не упоминавшейся гималайской экспедиции Дикона – Клэру – Перри в 1925 году.

Группа Уимпера поднялась на вершину в связке – все семеро, – но по какой-то причине при спуске альпинисты разделились. Возможно, товарищи Эдварда Уимпера и превосходный проводник Мишель Кро стали жертвой опьянения победой и усталости. В первой связке из четырех человек Кро – самый опытный альпинист – шел первым, за ним абсолютный новичок Хэдоу, приятель Дугласа, потом довольно опытный альпинист Хадсон, а последним 18-летний талантливый альпинист лорд Фрэнсис Дуглас.

Трое остальных – все еще стоявшие на дальнем, швейцарском краю вершины, когда их товарищи начали спуск, – образовали вторую связку: первым шел Старый Петер Таугвальдер, затем Молодой Петер Таугвальдер и, наконец, Эдвард Уимпер. Два заурядных проводника и один превосходный альпинист. Таким образом, покоривший вершину отряд состоял из четырех британцев – одного профессионала, одного способного новичка и двух просто новичков – двух относительно опытных жителей швейцарского кантона Вале (Таугвальдеры) и одного по-настоящему одаренного уроженца Савойи, Мишеля Кро. По логике вещей, опытный проводник Кро должен был руководить экспедицией – принимать решения и выбирать маршрут, – но, несмотря на то, что он возглавлял группу при спуске на «коварном участке» над нависающим козырьком, главным в экспедиции оставался Уимпер. Кро был очень занят; несмотря на помощь Хадсона, который время от времени поддерживал ноги лорда Фрэнсиса Дугласа и даже просто направлял их на выступы и впадины скалы, работы у него хватало. Он точно так же помогал не слишком уверенному в себе и физически гораздо более слабому Хэдоу на каждом шагу сложного спуска. Одновременно Кро должен был найти самый лучший и самый безопасный путь вниз, а затем – к самому легкому гребню.

Так семеро альпинистов спускались по «коварному участку» между вершиной и закругленным карнизом, на который только что ступили мы с Жан-Клодом и Диконом.

Однако непосредственно над тем местом, где мы теперь стояли – как оказалось, роковым местом, – у лорда Фрэнсиса Дугласа, самого молодого из них, хватило смелости и ума предложить, чтобы все шли в одной связке, точно так же, как при успешном восхождении на вершину. Не знаю, почему Уимпер или Кро не предложили этого раньше.

По существу, это обеспечивало дополнительную безопасность. «Коварный участок» спуска с Маттерхорна между вершиной и волнообразным карнизом был сложным и теперь, в 1924 году, с закрепленными веревками и разведанными маршрутами, когда большая часть неустойчивых камней уже была сбита вниз альпинистами. Во времена Уимпера «коварный участок» был еще более коварным, особенно с точки зрения «объективной опасности», такой как камнепад, однако самая большая опасность – и тогда, и теперь – заключается в том, что здесь очень трудно найти крошечные выступы, углубления и трещины, чтобы зацепиться пальцами или упереться ногой, и практически нет торчащих камней и плоских участков, пригодных для организации страховки.

Теперь, когда Уимпер и два проводника, Таугвальдеры, оказались в одной связке с остальными – как выяснилось, веревка, связывавшая Старого Петера и лорда Фрэнсиса Дугласа, была непригодной, – все семеро, и особенно новички, чувствовали себя увереннее, новый порядок не обеспечивал большей или дополнительной безопасности.

Все произошло внезапно и быстро. Несмотря на официальное расследование в Церматте, во время которого в течение нескольких последующих дней были допрошены все оставшиеся в живых участники событий, несмотря на появившиеся впоследствии газетные статьи, книги Уимпера и остальных выживших, несмотря на тысячи газетных заметок, рассказывавших о трагедии, никто точно не может сказать, что именно случилось и в какой последовательности.

Вероятнее всего, самый неопытный из всех, 19-летний Дуглас Хэдоу, оступился – даже несмотря на помощь Кро – и упал, сильно ударив проводника и сбив его с ног. Общий вес внезапно потерявшего равновесие Кро и Дугласа Хэдоу меньше чем за секунду лишил опоры более опытного преподобного Чарльза Хадсона и растерявшегося лорда Фрэнсиса Дугласа. Через мгновение четверо связанных веревкой альпинистов уже скользили вниз, навстречу смерти.

Действия последних троих в связке – Старого Петера Таугвальдера, которого с лордом Фрэнсисом Дугласом и остальными, летевшими в пропасть, все еще связывал кусок дешевой веревки, Молодого Петера и самого Уимпера – были мгновенными и инстинктивными, продиктованными многолетним опытом.

Обеспечить надежную страховку мог только Старый Петер. У него была хорошая, относительно широкая опора для ног. Более того, он стоял ниже одного из немногих скальных выступов на всем «коварном участке» спуска, и он, не задумываясь, набросил на этот выступ веревочную петлю. Выше его Молодой Петер и Уимпер ухватились одной рукой за ближайшие камни, а другой за веревку и приготовились страховать сорвавшихся.

Веревка натянулась, как струна. Механический удар от четырех падающих с ускорением тел, который пришелся на трех остальных – и особенно на Старого Петера, – был ужасен. Веревка врезалась в ладони Старого Петера, оставив глубокий ожог, не заживавший несколько недель. (Пребывавший в смятении и мучимый чувством вины Старый Петер демонстрировал всем желающим свой шрам.)

Но, несмотря на петлю вокруг небольшого выступа над Старым Петером – а возможно, из-за нее, – веревка лопнула посередине. Гораздо позже Эдвард Уимпер говорил репортеру, что этот жуткий звук он не может забыть уже двадцать пять лет – и не забудет до самой смерти.

В своей книге он писал:

Несколько секунд мы смотрели, как наши несчастные товарищи скользили вниз на спине, раскинув руки и пытаясь спастись. Они исчезали из поля зрения целые и невредимые, падали по одному, из пропасти в пропасть на ледник Маттерхорн внизу, с высоты почти 4000 футов.

Чтобы пролететь почти милю, требуется довольно много времени. К счастью – если это слово вообще применимо, – они почти наверняка были мертвы и изуродованы задолго до того, как достигли дна. Я много раз слышал рассказы альпинистов – и в Штатах, и в Европе – об ужасах многочасового спуска после падения товарища или товарищей. Это было тяжело. Каждый описывал, как шел по прерывающимся следам крови на снегу, камнях и льду – огромного количества крови – мимо разбросанных ледорубов, окровавленных обрывков одежды, ботинок, мимо оторванных частей тел.

Путь Уимпера и Таугвальдеров – когда они наконец нашли в себе силы продолжить спуск, что, по словам Уимпера (винившего в задержке растерянных, охваченных ужасом Таугвальдеров), произошло через полчаса после падения товарищей, – лежал по самому ступенчатому гребню. Оттуда им было хорошо виден кровавый маршрут – тела ударялись о камни, отскакивали от них, продолжая путь в пропасть – по отвесному склону Маттерхорна на лежащий внизу ледник.

Уимперу потребовалось больше двух дней уговоров, лести, угроз, подкупа и обращения к совести проводников из Церматта, чтобы подняться на тот ледник и «забрать тела». Местные проводники – все члены влиятельного профсоюза – очевидно, гораздо лучше неопытного бри-

танского альпиниста знали, что представляли собой «тела» после такого падения. Проводники прекрасно представляли то, что Уимпер называл «несложным подъемом к подножию горы». Взобраться к леднику у подножия северного склона Маттерхорна – это опасное предприятие (в каком-то смысле не менее опасное, чем восхождение на вершину) из-за невидимых расселин, готовых обрушиться в любую секунду сераков⁸, неустойчивых пирамид и наклонных башен из старого льда, а также лабиринта из ледяных глыб, в котором можно плутать (и обычно люди плутали) несколько часов или даже дней.

Но в конечном счете Уимпер нашел добровольцев – большинство этих «добровольцев» за деньги с неохотой согласились отправиться на поиски в понедельник (в воскресенье они должны были присутствовать в Церматте на мессе), – и они обнаружили тела.

Впоследствии Уимпер признавался: он искренне надеялся, что каким-то чудом, благодаря мягкому снегу и удачному скольжению целую милю по вертикальному склону, он найдет одного или нескольких товарищей живыми.

Ничего подобного не случилось.

Останки трех тел были разбросаны по льду и камням у подножия северного склона. Камни падали вокруг «спасателей» почти все время, пока они были там, но когда проводники поспешили в укрытие, Уимпер и другой англичанин, присоединившийся к нему, остались на месте. А если точнее, то британцы тупо и упорно не покидали ледник, а вокруг холодными метеорами падали камни.

Поначалу никто, даже Уимпер, не мог определить, кому из погибших принадлежали фрагменты тел. Но потом англичанин по клочку бороды опознал своего проводника и друга Мишеля Кро. Его руки и ноги были оторваны, большая часть черепа снесена, но целой осталась часть нижней челюсти с бородой того же цвета, как у Кро. Один из гидов, вернувшийся после окончания камнепада, был давним другом альпиниста и узнал шрамы на растерзанной руке, лежавшей далеко от тела, а также ладонь на ледяной глыбе, шрамы на которой тоже хорошо помнил.

Как ни странно, брюки на изуродованном туловище Кро остались почти целыми, а во время падения в пропасть из кармана даже не выпали шесть золотых монет.

Кто-то заметил, что распятие Кро – без которого он никогда не шел в горы – глубоко впечаталось в сохранившийся фрагмент челюсти, словно пуля в форме креста. Один из проводников, Робертсон, раскрыл перочинный нож и подцепил распятие, полагая, что семья Кро захочет его сохранить.

Останки Хадсона опознали по бумажнику и по письму от жены, которые остались с ним во время падения – в отличие от рук, ног и головы. Уимпер нашел одну из перчаток Хадсона и, побродив по забрызганному кровью леднику, подобрал английскую широкополую шляпу от солнца, которую сам подарил Кро.

Большая часть останков Хэдоу была разбросана между останками Кро и Хадсона.

Когда при следующем камнепаде гиды побежали в укрытие, Уимпер остался рядом с телами и тут впервые заметил, что останки тел Кро, Хэдоу и Хадсона все еще связаны веревкой.

Тело лорда Фрэнсиса Дугласа нигде не нашли. Ходили слухи, что в тот день кто-то нашел один ботинок Дугласа – ноги в нем не было, – хотя другие утверждали, что это был пояс, который Уимпер видел на Дугласе во время подъема. А третьи говорили об одной перчатке.

В тот момент Уимпер понял, что трое спускавшихся первыми были связаны более толстой и прочной веревкой, чем та, тонкая и легкая, которой Старый Петер Таугвальдер связал себя с Дугласом – такую опытные альпинисты редко используют для движения в связке. Тогда Уимпер несколько не сомневался, что Старый Петер намеренно использовал менее надежную

⁸ Ледяные пики и зубцы на поверхности ледников, образующиеся в результате неравномерного таяния и обрушения глыб на ледопадах.

веревку на случай падения первой четверки. Позднее знаменитый британский альпинист уже прямо обвинял старого проводника – на словах и в книгах.

Однако на самом деле все веревки – даже тонкую, которая висела на плече Таугвальдера, когда пришло время привязать лорда Фрэнсиса Дугласа к общей веревке, связывавшей всех семерых, – и в тот день, и во все другие дни даже не предполагалось использовать для организации связки во время спуска. Уимпер просто не задумывался об относительной толщине веревки, о пределе прочности на разрыв, о расчете предела прочности веревок разного диаметра, пока не произошла трагедия в день триумфального покорения Маттерхорна.

Останки 18-летнего Фрэнсиса Дугласа так и не нашли, и этот факт дает основание для маленького примечания к случившейся трагедии.

Уимпер писал, что престарелая мать лорда Фрэнсиса Дугласа, леди Куинсберри, «очень страдала от мысли, что ее сына не нашли».

Действительность была еще хуже. Вскоре леди Куинсберри стала одержима болезненным убеждением, что ее юный сын еще жив и находится где-то на Маттерхорне – возможно, попал в ловушку в ледяной пещере высоко в горах и пытается выжить, питается лишайниками и мясом горных коз, пьет воду, которая попадает в его тюрьму сверху, от растаявшего снега. По всей видимости – скорее всего, леди Куинсберри так и думала – ее любимый сын Фрэнсис ранен, не может не только самостоятельно спуститься, но и подать сигнал тем, кто находится внизу. А может, говорила она одной из своих подруг, Фрэнсис выжил при падении на ледник – как бы то ни было, он не был связан веревкой с теми, кто погиб ужасной смертью, – и теперь лежит раненый в какой-нибудь расселине.

Благородные люди, такие как профессор Джон Тиндалл – он едва не присоединился к Уимперу в его первом, знаменитом восхождении, – затем вернулись на Маттерхорн для систематических поисков останков Дугласа. Он написал леди Куинсберри и пообещал «полностью использовать свои возможности в трудном и опасном, но необходимом для вашего душевного спокойствия деле обнаружения и возвращения тела вашего отважного сына на родную землю и в дом предков».

Но мать Дугласа стремилась не к возвращению тела своего дорогого сына Фрэнсиса. Она не сомневалась, что он жив, и хотела, чтобы его нашли.

Леди Куинсберри сошла в могилу, уверенная, что лорд Фрэнсис Дуглас все еще жив, сидит в ловушке высоко на северном склоне Маттерхорна или бродит по холодным голубым пещерам под ледником у подножия горы.

Внезапно Дикон командует прекратить спуск по «коварному участку», и мы с Жан-Клодом останавливаемся в нескольких метрах ниже его, с каждой минутой замерзая все больше (северный склон теперь полностью в тени, а ветер стал холоднее, и его завывание усилилось) и недоумевая – по крайней мере, я – какого черта нужно от нас Ричарду Дэвису Дикону. «Возможно, – думаю я, – у него развивается старческое слабоумие». Хотя физическая форма 37-летнего Дикона (ровно столько же было Джорджу Мэллори, когда он в этом месяце исчез на Эвересте) гораздо лучше, чем у меня в 22 года.

– То самое место, – тихо говорит Дикон. – Именно тут Кро, Хэдоу, Хадсон и лорд Фрэнсис Дуглас сорвались с этого обрыва... – Он указывает на точку в 40 или 50 футах ниже, где изогнутая вершина Маттерхорна живописно нависает над склоном, обрываясь в пропасть, падение в которую несет неминуемую смерть.

– *Merde*⁹, – Жан-Клод выражает наше общее мнение. – Мы с Джейком это знаем. И ты знаешь, что мы знаем. И не говори нам, Ричард Дэвис Дикон, бывший школьный учитель, что ты повел нас этим печально известным маршрутом без закрепленных веревок – у нас есть выбор из целой дюжины в тридцати шагах справа от тебя, и, если хочешь знать, я с удоволь-

⁹ Дерьмо (*фр.*).

ствием вобью крюк и пристегнусь к новой веревке, – не говори нам, что ты повел нас этим путем только для того, чтобы рассказать историю, которая с детства известна каждому, кто любит Альпы и эту гору. Хватит болтать, и давай спускаться с этой проклятой стены.

Мы так и сделали, легко и уверенно смещаясь вправо и постоянно помня о пропасти внизу, пока не оказались на относительно безопасных плитах – чередой наклонных ступенек, как Уимпер однажды описал этот гребень после того, как отказался от восхождения с итальянской стороны (плиты с отрицательным наклоном) и попробовал пройти через Швейцарский гребень. Там мы развязываемся, и спускаться, несмотря на сохраняющуюся опасность камнепада или риск поскользнуться на льду, становится «легко, словно съесть кусок пирога», как иногда выражается Жан-Клод.

Теперь мы знаем, что при отсутствии неприятных сюрпризов до наступления темноты достигнем хижины Хорнли на высоте 3260 метров, или почти 11 000 футов – достаточно комфортной для той, что примостилась на узком выступе и вклинивается в саму гору. Преодолев две трети пути вниз, мы добираемся до своих старых припасов. (Припасы – по большей части дополнительные продукты, вода и одеяла для хижины – мы сложили почти точно в том месте, где товарищи Уимпера оставили рюкзаки во время восхождения. Что должны были чувствовать и думать трое выживших, когда они во время молчаливого спуска подобрали четыре рюкзака погибших товарищей и понесли к подножию горы?)

Я понимаю, что чертовски расстроен и подавлен – в том числе из-за того, что неделя на Маттерхорне, не говоря уже о нескольких месяцах, проведенных с этими двумя людьми, подошла к концу. Что я теперь буду делать? Вернусь в Бостон и попробую найти работу? Выпускники университета, специализировавшиеся на литературе, обычно кончают тем, что преподают свой любимый предмет скучающим первокурсникам, которым глубоко плевать на излагаемый материал, и от мысли, что придется жить в Пятой Щели Восьмого Круга Научного Ада, мне становится еще хуже. У Жан-Клода тоже несчастный вид, но, в отличие от меня, он вернется к своей потрясающей работе проводника. Они с Диконом хорошие друзья, и ему явно жаль, что долгий отпуск в горах – а с ним и общение – уже закончился.

На лице Дикона идиотская улыбка. Кажется, мне еще не приходилось видеть, как Ричард Дэвис Дикон улыбается во весь рот, – ироническая усмешка, да, но улыбаться как ненормальный человек? Более того, скалиться, как идиот? Ну и ну. С этой улыбкой что-то не так. И речь у него явно взволнованная, медленная, почти официальная со своими кембриджскими модуляциями. Дикон по очереди смотрит нам обоим в глаза, что тоже случается крайне редко.

– Жан-Клод Клэру, – тихим голосом произносит он. – Джейкоб Уильям Перри. Вы согласны сопровождать меня в полностью профинансированной экспедиции на вершину Эвереста в следующем году, весной и в начале лета двадцать пятого? Нас будет только трое плюс необходимое число носильщиков – в том числе несколько шерпов, которые помогут в устройстве высокогорных лагерей, но в основном обычные носильщики. Нас будет всего трое – альпинистов, пытающихся покорить вершину. Только мы.

Именно в этот момент мы с Жан-Клодом поняли, как выглядит чистая фантазия или глупая шутка, на которую обычно отвечают: «Ты шутишь» или «Расскажи своей бабушке». Но это сказал Дикон, и мы с молодым французом, одним из «Гидов Шамони», несколько секунд смотрим друг на друга, потом поворачиваемся к Дикону и с полной серьезностью почти в один голос отвечаем:

– Да. Мы согласны.

Так все и началось.

Здесь, в центре 9400 акров красивейшей в мире местности, томится навеки разбитое сердце и непоправимо поврежденный разум.

* * *

На машине путь от Лондона до поместья Бромли в Линкольншире занимает около двух часов, включая остановку на ланч в Сэнди, поскольку мы опережали график, а приезжать раньше условленного времени не хотели. К полудню, все еще на несколько минут раньше, чем нужно, мы добрались до Стамфорд-Джанкшн. До места назначения оставалось несколько миль, и я, должен признаться, очень волновался, буквально до тошноты, хотя меня никогда в жизни не укачивало – особенно в открытом туристическом автомобиле чудесным летним днем, когда легкий ветерок приносит ароматы полей и леса, со всех сторон тебя окружает живописный пейзаж, а над головой безоблачное голубое небо.

На указателе к Стамфорд-Джанкшн написано «Карпентерс-Лодж», по типично английской привычке все запутывать, и мы сворачиваем влево на узкую улочку. Последние две мили слева от нас тянется стена из каменных блоков.

– Зачем тут стена? – спрашиваю я Дикона, который ведет машину.

– Она окружает небольшую часть поместья Бромли, – отвечает наш старший товарищ, не выпуская изо рта трубки. – По другую сторону стены знаменитый Олений парк Бромли, и леди Бромли не хочет, чтобы ее олени – хоть они и ручные – выпрыгнули на дорогу и пострадали.

– И полагаю, не пускать туда браконьеров, – замечает Жан-Клод.

Дикон кивает.

– Поместье Бромли большое? – спрашиваю я с заднего сиденья.

– Дай-ка подумать, – говорит Дикон. – Помнится мне, что предыдущий маркиз, покойный лорд Бромли, выделил около восьми тысяч акров под сельскохозяйственные угодья – большая их часть обычно пустует и используется для охоты, – а около девяти сотен акров леса, девственного леса, вернулись королеве Елизавете. Думаю, осталось лишь около пяти сотен акров оленьего парка, сада и угодий, за которыми круглый год присматривает небольшая армия лесников и садовников.

– Почти десять тысяч акров земли, – ошарашенно повторяю я и поворачиваюсь к высокой стене, словно вдруг обрел способность видеть сквозь нее.

– Почти, – соглашается Дикон. – На самом деле здесь немногим больше девяноста четырех сотен акров. Деревня Стамфорд, которую мы проехали, официально относится к поместью Бромли – вместе с проживающими там людьми и еще ста сорока с лишним обитателями окрестностей Стамфорда и дальних уголков поместья, а еще есть несколько дюжин объектов коммерческой недвижимости в самом Стамфорде и за его пределами, которыми леди Бромли по-прежнему владеет и управляет как частью поместья. Именно это и имели в виду в прежние времена, когда речь шла о владельце поместья.

Я пытаюсь все это представить. Разумеется, мне уже приходилось видеть большие участки земли в частном владении. Когда я учился в Гарварде и на летних каникулах занимался альпинизмом, то ездил на запад, в Скалистые горы, и поезд проезжал ранчо, площадь которых, вероятно, достигала или превышала полмиллиона акров – или даже миллион. Кто-то рассказывал мне, что в моем родном Массачусетсе корове для выпаса требуется чуть меньше акра земли, тогда как для выживания на высокогорных равнинах восточного Колорадо или Вайоминга нужно больше сорока акров. На большей части огромных ранчо растет полынь, хризотамнус и редкие старые тополя вдоль ручьев – если там вообще есть ручьи. Как правило, нет. По словам Дикона, в поместье Бромли 900 акров старых лесов, использующихся для... чего? Вероятно, для охоты. Для прогулок. Или как тень для ручных оленей, когда они устанут бродить по солнечным полянкам своего парка.

Стена поворачивает на юг, и мы едем вдоль нее еще немного и сворачиваем влево на узкую и немного разбитую дорогу, а затем внезапно проезжаем через старинную арку и оказы-

ваемся в поместье. Здесь нас встречает широкая гравийная площадка; ни особняка, ни сада, ни чего-либо другого, представляющего интерес, – до самого горизонта, зеленого и холмистого. Дикон останавливает наш туристический автомобиль в тени и ведет нас к экипажу с усатым кучером и двумя белыми лошадьми, который ждет рядом с узкой асфальтовой дорогой, теряющейся в зеленых зарослях поместья. По бокам и сзади карета украшена многочисленными гербами и завитушками, как будто предназначалась для коронационной процессии королевы Виктории.

Кучер соскакивает на землю и открывает для нас низкую дверцу кареты. Он выглядит таким старым, что тоже мог бы участвовать в процессии в честь коронации Виктории. Меня приводят в восхищение его длинные белоснежные усы, которые делают его немного похожим на очень высокого и очень худого моржа.

– С возвращением, мастер¹⁰ Ричард, – говорит старик Дикону, закрывая дверцу. – Если мне будет позволено выразить свое мнение, вы прекрасно выглядите.

– Спасибо, Бенсон, – отвечает Дикон. – Вы тоже. Рад, что вы по-прежнему заведуете конюшней.

– О, на моем попечении теперь только экипаж у входа, мастер Ричард. – Старик ловко запрыгивает на свое место спереди и берет в руки вожжи и кнут.

Когда мы выезжаем на асфальтовую дорогу, грохот колес экипажа – железных, а не резиновых – на твердой поверхности и цоканье лошадиных копыт, вероятно, заглушают все, что мы говорим нормальным голосом, и мистер Бенсон нас не услышит. Тем не менее мы наклоняемся друг к другу, и наши голоса звучат чуть громче шепота.

– *Мастер* Ричард? – переспрашивает Жан-Клод. – Ты уже бывал здесь, *mon ami*?

– В последний раз в десятилетнем возрасте, – говорит Дикон. – И был отшлепан одним из старших лакеев за то, что ударил юного лорда Персиваля по его выдающемуся носу. Он жульничал в какой-то игре, в которую мы играли.

Я продолжаю вертеть головой, чтобы лучше рассмотреть идеально выкошенные и постриженные холмы, деревья, кусты. Озеро размером в несколько акров посыпало на нас вспышки света, когда ветер поднимал на нем маленькие волны, а на юге, как мне показалось, я увидел начало регулярного сада, а еще дальше, у самого горизонта, очертания дома. Хотя один дом – даже Бромли-хаус – не мог занимать столько места; должно быть, это нечто вроде деревни.

– Ты был... и теперь тоже... ровня Бромли? – шепчу я.

Вопрос, конечно, невежливый, но мной движет удивление и легкий шок. Дикон настоял, чтобы я отправился к его портному на Сэвил-роу¹¹ и заказал для этого визита костюм – у меня еще не было костюмов, которые так хорошо на мне сидели и так мне шли, – и сам его оплатил, но после нескольких проведенных в Европе месяцев я был уверен, что денег у Дикона не особенно много. Теперь мне начинало казаться, что следующее поместье площадью 9000 акров называется Дикон-хаус.

Тот качает головой, вынимает изо рта трубку и печально улыбается.

– Наша семья оставила древнее имя, но не оставила денег последнему, непутевому наследнику... то есть мне. В наше время нельзя официально отказаться от наследственного титула, но будь такое возможно, я сделал бы это не задумываясь. Так что после возвращения с войны я старался совсем не использовать и не упоминать его. Но в прошлом веке я время от времени приезжал сюда поиграть с Чарльзом Бромли, моим ровесником, и его младшим братом Перси, у которого не было ни настоящих друзей, ни товарищей по детским играм –

¹⁰ Мастер (*ang. master*) – вежливое обращение к мальчику или подростку из английской семьи, характерное для XIX в.

¹¹ Улица в Лондоне, где расположены ателье дорогих мужских портных.

по причинам, о которых ты скоро узнаешь. Все закончилось в тот день, когда я расквасил нос Персивалю. Потом Чарльз сам приезжал ко мне.

Я знал, что Дикон родился в том же году, что и Джордж Ли Мэллори – в 1886-м, – но из-за его все еще не тронутых сединами волос и отличной физической формы, благодаря которой он превосходил (кажется, я уже об этом упоминал) и Жан-Клода, и меня в большинстве аспектов альпинистского искусства, в умении работать по снегу и льду, в выносливости, я просто не задумывался, что Ричард Дэвис Дикон первые четырнадцать лет прожил в предыдущем столетии... и пятнадцать лет при королеве Виктории!

Под стук копыт мы движемся вперед.

– Неужели все посетители парка оставляют машины у ворот и садятся в экипаж, чтобы доехать до дома? – громко спрашивает Же-Ка у нашего кучера Бенсона.

– О нет, сэр, – отвечает старик, не поворачивая к нам головы. – Когда в Бромли-хаусе или в Бромли-парке званый ужин или прием – хотя теперь, Бог свидетель, они бывают редко, – прибывшим на машинах гостям позволено подъезжать прямо к дому. Как и самым уважаемым гостям, включая бывших королей и Его нынешнее Величество.

– Король Георг Пятый приезжал в Бромли-хаус? – В своем голосе я слышу благоговение провинциала и гнусавый американский акцент.

– О да, сэр, – с энтузиазмом отвечает Бенсон и легким прикосновением кнута к крупу подгоняет более медленную из двух белых лошадей.

Об английском монархе я знал лишь то, что во время войны он изменил название королевского дома с Саксен-Кобург-Готского на Виндзорский, пытаюсь замаскировать все свои тесные связи с Германией. Тем не менее кайзер приходился Георгу V двоюродным братом, и ходили слухи, что они очень близки. И действительно, монархи были очень похожи внешне. Я почти уверен, поменяйся они орденами и мундирами во время одной из семейных встреч, каждый мог бы править чужой страной и никто бы ничего не заметил.

Однажды я спросил Дикона о правящем короле, и он ответил так:

– Мой друг Джейкоб, боюсь, он делит время между стрельбой по животным и наклеиванием марок в альбомы. Если у Георга – Его Величества – имеется страсть или способности к чему-то еще, то мы, его верные и любящие подданные, пока об этом не знаем.

– А другие королевские особы посещали Бромли-хаус? – спрашивает Жан-Клод достаточно громко, чтобы услышал наш кучер Бенсон.

– О да, конечно, – отвечает кучер и на этот раз оглядывается через обтянутое черной ливреей плечо. – Почти каждый монарх посещал Бромли-хаус и останавливался в нем со времени постройки дома в тысяча пятьсот пятьдесят седьмом, за год до коронации Елизаветы. У королевы Елизаветы здесь были свои покои, которые с тех пор использовались для приема только королевских особ. В так называемых «комнатах Георга» несколько месяцев гостила королева Виктория во время летнего отдыха в восемьдесят четвертом – а потом много раз возвращалась. Говорят, Ее Величеству особенно нравились потолки, расписанные Антонио Веррио.

Следующая минута проходит в молчании; слышен только цокот копыт.

– Да, многие наши короли, королевы и принцы Уэльские приезжали в Бромли-хаус на приемы, останавливались на ночь или проводили здесь каникулы, – прибавляет Бенсон. – Но в последнее время королевские визиты прекратились. Лорд Бромли – четвертый маркиз – умер десять лет назад, а у Его Величества, наверное, есть более важные дела, чем визиты к вдовам... если мне будет позволено так выразиться, сэр.

– Разве не здесь живет старший сын, брат Перси Бромли, который пропал на Эвересте? – шепчу я Дикону. – Пятый маркиз Лексетерский?

– Да. Чарльз. Я его хорошо знаю. Он отравился газами во время войны и стал инвалидом, так до конца и не оправился. Уже несколько лет он не покидает свою комнату и находится на

попечении сиделок. Все думали, что Чарльзу уже недолго осталось и ближе к концу года титул перейдет к Перси, который станет шестым маркизом Лексетерским.

– Как это «отравился газами»? – шепчет Жан-Клод. – Где в британской армии служат лорды?

– Чарльз был майором и участвовал во многих самых ожесточенных сражениях, но в последний год он вместе с другими важными персонами из армии и правительства входил в состав группы Красного Креста, которая посещала передовые позиции и направляла отчеты этой организации, – тихим голосом отвечает Дикон. – Между британским участком фронта и немцами было организовано трехчасовое прекращение огня, но что-то пошло не так, и начался артиллерийский обстрел их позиций... горчичный газ. Большинство членов делегации не взяли с собой противогазы. Но в случае Чарльза это не имело значения, потому что самые тяжелые поражения у него были не в легких, а стали результатом попадания в раны горчичного порошка из снарядов. Понимаешь, некоторые раны – и особенно подвергшиеся воздействию порошка, выделяющего горчичный газ, – не заживают. Их нужно каждый день перевязывать, а боль никогда не проходит.

– Проклятые боши, – шипит Жан-Клод. – Им нельзя верить.

Дикон печально улыбается.

– Стреляла британская артиллерия. Английский горчичный газ, который немного не долетел. Кто-то не получил приказ о прекращении огня. – Он ненадолго умолкает, и мы слышим только грохот колес и стук огромных лошадиных копыт. – Артиллерийской частью, которая убила несколько важных персон из Красного Креста и сделала инвалидом беднягу Чарльза Бромли, командовал Джордж Ли Мэллори, но я слышал, что сам Мэллори в то время отсутствовал... был в Англии, лечился после ранения или от какой-то болезни... Бенсон, расскажешь нам о двери для королевских особ? – громко спрашивает он.

Впереди я замечаю регулярный сад с тщательно ухоженными холмами и лужайками, а над горизонтом – многочисленные шпили и башенки. Слишком много шпилей и башенок для дома – и даже для обычной деревни. Как будто мы приближаемся к городу посреди великолепного сада.

– Конечно, мастер Ричард, – отвечает кучер. Длинные белые усы слегка подрагивают – мне это видно даже сзади. Вероятно, он улыбается. – С шестнадцатого века прибытие королевы Елизаветы, королевы Виктории, короля Георга V и остальных обычно назначали днем или ранним вечером – разумеется, сэры, если это было удобно королевским особам, – поскольку, как вы можете видеть, сотни окон здесь, на западной стороне, специально предназначены для того, чтобы ловить лучи заходящего солнца. Полагаю, стекла подверглись какой-то специальной обработке. Они все отливают золотом, как будто за каждым из многочисленных окон, сэры, горит яркий огонь. Очень красиво и приятно для Его или Ее Величества, даже зимним вечером. А в центре западной стены дома есть золотая дверь, которой пользуются только королевские особы – а если точнее, то резной позолоченный портал, потому что это только внешняя из нескольких прекрасных дверей, сконструированных и изготовленных специально для первого визита Елизаветы. Это было незадолго до смерти первого лорда Бромли. Мне известно, что в тысяча пятьсот пятьдесят девятом королева Елизавета и ее свита приезжали к нам на несколько недель. Между жилыми крыльями дома, сэры, устроен чудесный внутренний дворик – полностью приватный, хотя у вас будет возможность взглянуть на него, когда вы будете пить чай с леди Бромли. Говорят, там несколько раз выступал Шекспир со своей труппой. На самом деле двор специально – в смысле естественного усиления человеческого голоса и всех других аспектов – предназначен для театральных представлений с несколькими сотнями зрителей.

Я прерываю рассказ банальностью:

– Жан-Клод, Дикон, посмотрите на эти древние развалины на холме. Похоже на разрушенную сторожевую башню или маленький средневековый замок. Башня вся заросла плетнем, камни осыпались, а в готическом окне одинокой полуразрушенной стены растет дерево.

– Почти наверняка руинам меньше пятидесяти лет, – говорит Дикон. – Это «причуда», Джейк.

– Что?

– Искусственные руины. Ими увлекались с семнадцатого по девятнадцатый век – они то входили в моду, то выходили из нее. Полагаю, это последняя леди Бромли в конце девятнадцатого века потребовала построить павильон на холме, чтобы она могла видеть его во время прогулок верхом. Хотя большая часть ландшафтных работ была выполнена раньше, в конце восемнадцатого века... кажется, Капабилити Брауном¹².

– Кем? – переспрашивает Жан-Клод. – Это было бы подходящее имя для хорошего альпиниста – Капабилити.

– Его настоящее имя Ланселот, – говорит Дикон. – Но все звали его Капабилити. Он считался величайшим ландшафтным архитектором Англии восемнадцатого столетия и спроектировал сады и уголья для – не уверен в точности цифры – почти двухсот самых роскошных загородных домов и поместий, а также таких величественных сооружений, как Бленхеймский дворец. Я помню, как мать рассказывала мне, что Капабилити Браун сказал Ханне Мор в шестидесятых годах восемнадцатого века, когда они оба были знаменитыми.

– Кто такая Ханна Мор? – спрашиваю я, уже не стесняясь своего невежества. Как оказалось, я совсем не знаю Англию.

– Она была писательницей – очень популярной, писала на морально-религиозные темы, – и до самой своей смерти в тридцатых годах девятнадцатого века оставалась чрезвычайно щедрой благотворительницей. В общем, Капабилити Браун называл свои сады и уголья «грамматическими ландшафтами», а когда однажды показывал Ханне Мор законченное поместье – возможно, ее собственное, хотя я понятия не имею, приглашала ли она его, чтобы оформить свои загородные владения, – то описал свою работу ее собственными словами. Я почти дословно помню, как моя мать, которая была увлеченным садоводом вплоть до самой смерти двадцать лет назад, цитировала монолог Брауна.

Мне кажется, что слушает даже Бенсон на своем кучерском месте – он еще больше наклонился назад, хотя и не забывает править лошадьми.

– *«Вот там, – говорил Капабилити Браун, указывая пальцем на ландшафтный элемент, который он создал, но который выглядел так, словно всегда был на том месте, – там я поставил запятую, а там, – указывая на какой-то камень, поваленный дуб или кажущийся естественным элементом, возможно, на расстоянии сотни ярдов или в глубине сада, – где уместен решительный поворот, я поставил двоеточие; в другой части, где желательно прервать плавную линию, я делаю отступление, а затем перехожу к другой теме».*

Дикон ненадолго умолкает.

– По крайней мере, довольно близко к тексту. Прошло много лет, с тех пор как мать рассказывала мне о Капабилити Брауне.

Взгляд его становится задумчивым, и я понимаю, что он слышит голос матери.

– Может, эти искусственные руины замка на холме – точка с запятой, – говорю я и тут же спохватываюсь. – Нет, постой, ты говорил, что Капабилити Браун не строил «причуд».

– Он не стал бы строить таких павильонов и за миллион фунтов, – с улыбкой отвечает Дикон. – Его специальность – изысканные сады, искусственность которых не должен заметить даже опытный глаз. – Дикон указывает на частично заросший лесом склон холма с удивительным разнообразием кустарников, поваленных деревьев и полевых цветов.

¹² Имя Капабилити в переводе с английского означает «одаренность, талантливость».

Но когда экипаж преодолевает пологий подъем и лошади, цокая копытами по асфальту, поворачивают направо, все разговоры смолкают.

Отсюда уже прекрасно виден регулярный сад с прямыми и кольцевыми аллеями из чисто-белого гравия – а может, дробленых устричных раковин или даже жемчуга. От вида садов и фонтанов захватывает дух, но именно Бромли-хаус, впервые полностью показавшийся позади сада, заставляет меня привстать в экипаже и, глядя поверх плеча Бенсона, ошеломленно про-бормотать:

– Господи. О Боже...

Нельзя сказать, что это самая утонченная фраза из когда-либо произнесенных мной. Скорее всего, так выразились бы американские религиозные фундаменталисты (хотя моя семья в Бостоне принадлежала к вольнодумцам из Унитарной церкви).

Бромли-хаус формально считается тюдоровским поместьем и был построен, как я уже говорил, первым лордом Бромли, который был главным клерком и помощником государственного казначея королевы Елизаветы лорда Берли, когда в 1550-х годах началось строительство дома. Потом Дикон рассказал мне, что Бромли-хаус был одним из нескольких поместий, построенных в Англии в ту эпоху успешными молодыми людьми из простолюдинов. Он также поведал мне, что лорд Бромли с семьей поселился в готовой части дома в 1557 году, хотя строительство Бромли-хауса растянулось на тридцать пять лет.

На тридцать пять лет и еще три с половиной столетия, поскольку даже для моего неопытного в архитектуре глаза очевидно, что многие поколения лордов и леди что-то прибавляли и убавляли, экспериментировали, тысячи раз переделывая поместье.

– Дом... – я слышу торжественность в старческом голосе Бенсона, тихом, но исполненном гордости, – был поврежден во время гражданской войны. Люди Кромвеля были настоящими зверьми, бездушными зверьми, бездушными и безразличными даже к самым прекрасным произведениям искусства, но пятый граф закрыл поврежденную южную часть дома окнами, и получилась большая галерея. Очень светлая и очаровательная, как мне говорили, за исключением зимних месяцев. Позже, уже в семнадцатом веке, при восьмом графе эту галерею потом закрыли и превратили в Большой зал – его гораздо легче обогревать.

– Граф? – шепчу я Дикону. – Мне казалось, мы имеем дело с лордами, леди и маркизами из семьи Персиваля.

Дикон пожимает плечами.

– Со временем титулы меняются и накапливаются, старина. Парнем, который в шестнадцатом веке построил эту громадину, был Уильям Бэзил, первый лорд Бромли. Его сыну Чарльзу Бэзилу, тоже лорду Бромли, в тысяча шестьсот четвертом году, через год после смерти королевы Елизаветы, пожаловали титул графа Лексестера.

Я ничего не понимаю в его объяснении, за исключением слов о смерти Елизаветы. Наш экипаж катится вокруг южного крыла громадной постройки к дальнему входу на восточной стороне.

– Возможно, этот пустой угол вас заинтересует, – говорит Дикон, показывая на угол дома, мимо которого мы проезжаем. На западной стороне два ряда красивых окон поднимаются на высоту шестидесяти или восьмидесяти футов, но угол здания никак не назовешь изящным – у него такой вид, словно его в спешке облицевали грубым камнем. – Несколько сотен лет назад тогдашний лорд Бромли понял, что хотя его высокий Большой зал очень красив и наполнен светом – он почти весь стеклянный, – но в самом крыле слишком много красивых окон и слишком мало опорных стен. Огромный вес крыши из английского дуба в сочетании с весом тысяч колливестонов...

– Что такое колливестон? – спрашивает Жан-Клод. – Похоже на породу английской охотничьей собаки или овчарки.

– Колливестон – это плита из очень тяжелой разновидности серого сланца, который используется в качестве кровельной черепицы во многих больших старинных поместьях Англии. Впервые сланец нашли и стали добывать именно здесь еще римляне. Сегодня встретить сланец колливестон в Англии почти невозможно, только в Бромли-хаусе и еще нескольких отдаленных уголках. В любом случае, вы можете увидеть, где несколько столетий назад встревоженный граф заложил красивые окна и добавил несущие опоры из камня. У этих маленьких окон – наверху, с северной стороны, где должен быть пятый этаж, – есть стекла, но за ними каменная кладка. Эта крыша очень тяжелая.

Размеры Бромли-хауса поражают – со своими многочисленными стенами и внутренними двориками он больше многих деревень в Массачусетсе, которые мне приходилось видеть, – но в данный момент мое внимание привлекает крыша, от которой я не могу оторвать взгляда. (Подозреваю, что рот у меня приоткрылся, но я так захвачен этой картиной, что мне все равно; уверен, что Дикон закроет мне рот, если я уж слишком начну походить на деревенского дурачка.) Бенсон пружинисто спрыгивает с козел, обходит вокруг кареты и открывает для нас створку двери.

Крыша кажущегося бесконечным дома – высоко над нашими головами – представляет собой невероятное скопление вертикальных (а иногда и горизонтальных) выступов: обелиски, похоже, не имеющие определенного назначения, внушительная часовая башня с циферблатом часов, обращенным к предположительно неиспользуемому гостями южному фасаду дома, ряды высоких, похожих на древнегреческие колонн, которые на самом деле представляли собой дымовые трубы бесчисленных каминов в доме размером с город, арки, вздыбившиеся над чем-то невообразимым, зубчатые башенки с высокими, узкими окнами на прямых шпилях и круглыми маленькими окошечками под фаллическими утолщениями, еще окна на горизонтальных, похожих на Старый лондонский мост, нависающих верхних этажах, которые соединяли некоторые более массивные башни с многочисленными окнами, и наконец, ряды более высоких, тонких и вызывающих чувственные ассоциации шпилей, разбросанных как будто в случайном порядке вокруг, между и над остальными элементами загроможденной башенками крыши. Эти последние очень похожи на минареты, торчащие из какой-нибудь ближневосточной мечети.

У открытой двери восточного входа еще один лакей в очень строгой и очень старомодной ливрее – вероятно, этот джентльмен еще старше нашего возницы, но чисто выбритый, лысый, как бильярдный шар, и гораздо более сутулый по причине искривления позвоночника – кланяется нам и произносит:

– Добро пожаловать, джентльмены! Леди Бромли ждет и вскоре присоединится к вам. Мастер Дикон, вы должны простить меня, если я осмелюсь заметить, что вы выглядите необыкновенно здоровым, загорелым и крепким.

– Спасибо, Харрисон, – отвечает Дикон.

– Прошу прощения, сэр? – Харрисон прикладывает сложенную ладонь к левому уху. Похоже, он почти ничего не слышит и явно не очень хорошо читает по губам. Дикон громко, почти крича, повторяет эти два слова. Харрисон улыбается, демонстрируя превосходные вставные зубы, и хрипло выдыхает: – Пожалуйста, следуйте за мной, джентльмены. – Потом поворачивается и ведет нас внутрь.

Пока мы медленно идем за шаркающим лакеем бог знает куда по очереди прихожих, потом через большие залы, Дикон шепчет нам:

– Харрисон – тот самый лакей, что отшлепал меня, когда тридцать лет назад я ударил юного лорда Персиваля.

– Хотел бы я посмотреть, как он попытается сделать это сегодня, – шепчет Жан-Клод со злорадной улыбкой, которую я уже видел прежде и которая почему-то кажется проказливой и привлекательной дамам.

Мы идем вслед за шаркающим лакеем через вереницу фойе с картинами, персидскими коврами и красными портьерами, потом проходим не меньше трех «холлов», где дух захватывает от цвета, размера и мастерства одних только древностей.

Но не золоченая старинная мебель заставляет меня изумленно замереть на месте.

Харрисон слабо машет немощной левой рукой, указывая на потолок и обводя всю комнату, и объявляет своим скрипучим старческим голосом:

– Райская зала, джентльмены. Очень...

Я не могу разобрать последнее слово, но скорее всего это «известная».

Мне она больше напоминает «футбольную залу», поскольку высота потолка здесь не меньше сорока футов, а само помещение по размерам может сравниться с полем для игры в американский футбол. Мне приходит в голову, что вдоль этих золоченых, увешанных картинами стен можно поставить ряды сидений для зрителей и устроить игру между Гарвардом и Йелем.

Но челюсть у меня снова отвисает вовсе не от этого, а при взгляде на бесконечный потолок с искусной росписью.

Я не сомневаюсь, что сотни (сотни!) обнаженных и почти обнаженных мужских и женских фигур должны изображать богов и богинь, которые резвятся так, как положено языческим богам, но, на мой взгляд варвара, это выглядит как самая большая в мире оргия. Просто поразительно, как художнику удалось изобразить столько фигур, спускающихся – свисающих, падающих, стекающих – с потолка на стены, собирающихся в углах мясистыми грудями бедер, бицепсов и грудей; другие переплетенные тела украшают боковые двери и зеркала, словно пытающиеся помешать падению этой беспорядочной массы плоти на покрытый персидскими коврами паркет. Иллюзия объема сбивает с толку и вызывает головокружение.

– Большую часть этих фресок написал Антонио Веррио в тысяча шестьсот девяносто пятом и девяносто шестом, – тихо говорит Дикон, явно предполагая, что наш престарелый сопровождающий его не слышит. – Если вам кажется, что это здорово, то вы не видели фреску «Врата ада» на потолке у подножия главной лестницы – Веррио изображает врата ада как пасть гигантского кота, проглатывающего нагие потерянные души, словно истерзанных мышей.

– *Magnifique*¹³, – шепчет Жан-Клод, тоже глядя на потолок Райской залы. Потом прибавляет, еще тише: – Хотя... как это будет по-вашему?.. Хвастливо. Очень хвастливо.

Дикон улыбается.

– Говорят, за тот год, что Веррио работал здесь, он уложил в постель всех служанок в поместье – а также крестьянских девушек, работавших в поле. На самом деле стены еще не были завершены, когда хозяева пригласили иллюстратора детских книжек – кажется, его звали Стотард, – чтобы закончить этот потрясающий рай.

Я смотрю на сплетенные в объятиях бесчисленные тела, мужские и женские – многие, как я заметил, падают с потолка и, извиваясь в пароксизме страсти, сползают по стенам – и думаю: «И кое-что из этого нарисовал иллюстратор детских книг?»

Следуя за шаркающим, безмолвным лакеем через Райскую залу, я испытываю благодарность к Дикону, который настоял на моем визите к портному на Сэвил-роу за подходящим костюмом. Поскольку Же-Ка как-то сказал мне, что у Дикона, последнего представителя некогда состоятельной семьи, теперь не так много денег, я решительно протестовал, но Дикон заявил, что просто не может позволить мне явиться к леди Бромли в этой «пыльной, бесформенной твидовой штуковине цвета дерьма», которую я использую вместо костюма. Я обиженно ответил, что «штуковина цвета дерьма» – мой лучший твидовый костюм – прекрасно послужила мне на всех официальных мероприятиях Гарварда (по крайней мере тех, где требовался

¹³ Потрясающе, великолепно (фр.).

вечерний костюм), но на моего британского коллегу-альпиниста этот аргумент не произвел впечатления.

Таким образом, когда мы покидали Райский зал и переходили в гораздо более спокойную боковую комнату, я еще раз порадовался элегантности своего сшитого на заказ костюма, выбранного и оплаченного Диконом. Однако Жан-Клод обладал достаточной уверенностью в себе, чтобы надеть свой старый костюм, в котором он, вполне вероятно, сопровождал альпинистов в качестве гида – похоже, к нему прекрасно подходят альпинистские ботинки, и я почему-то не сомневаюсь, что подобное сочетание имело место.

Старый лакей Харрисон наконец останавливается в боковой комнате, отделенной от Райской залы всего двумя нелепыми вычурными галереями и потрясающей библиотекой. После огромных помещений, которые нам пришлось пройти, чтобы попасть сюда, эта маленькая уютная комната кажется кукольным домиком, хотя по размерам приблизительно равняется половине гостиной, какая бывает в домах американского среднего класса.

– Пожалуйста, садитесь, джентльмены. Чай и леди Бромли скоро придут, – говорит Харрисон и удаляется шаркающей походкой. Его слова объединяют чай и хозяйку одного из крупнейших поместий Англии – на равных. Вероятно, одно неразрывно связано с другим.

На мгновение небольшой размер и уютная обстановка этой маленькой комнаты – немногочисленные предметы мебели в центре, на великолепном персидском ковре, окруженном сверкающим паркетом, одно кресло с высокой спинкой, обитое тканью, похоже, XIX века, низкий круглый столик, вероятно, для неизбежного чая, и два изящных стула по обе стороны от него, которые выглядят слишком хлипкими, чтобы выдержать взрослого человека, а также красное канапе прямо напротив кресла – заставляют меня предположить, что это личные покои кого-то из обитателей Бромли-хауса, но я тут же осознаю свою ошибку. Все маленькие картины и фотографии на стенах с нежными обоями – женские. Несколько книжных полок, совсем не похожих на гигантские стеллажи библиотеки, которую мы проходили, почти пусты; на них лишь несколько книг, по виду ручной работы, возможно, альбомы для газетных вырезок и фотографий, сборники кулинарных рецептов или генеалогические таблицы.

Однако эта комната, несмотря на внешнее сходство, не относится к личным покоям хозяев. Я понимаю, что леди Бромли, должно быть, использует ее для того, чтобы в непринужденной обстановке встречаться с людьми из низших социальных слоев. Возможно, беседует со своим ландшафтным архитектором или главным лесничим – или с дальними родственниками, теми, кому не предложат остаться на ночь.

Мы с Жан-Клодом и Диконом втискиваемся на красное канапе и ждем, касаясь друг друга бедрами и выпрямив спины. Это довольно неудобная для сидения мебель – возможно, еще одно напоминание слишком не задерживаться. Я нервно провожу большим и указательным пальцами по острой стрелке брюк своего нового костюма.

Внезапно открывается потайная дверь в библиотеку, и в комнату входит леди Элизабет Мэрион Бромли. Мы втроем поспешно вскакиваем, едва не сбивая друг друга с ног.

Леди Бромли очень высокая, и ее рост подчеркивается тем, что она одета во все черное – кружевное черное платье с высоким, отделанным рюшами воротником, которое вполне могло быть сшито в XIX веке, но выглядит удивительно современным. Ее прямая спина и грациозная, но в то же время непринужденная походка усиливают ощущение высокого роста и величия. Я ожидал увидеть старую даму – лорду Персивалю, пропавшему на Эвересте этим летом, было уже за тридцать, – но в темных волосах леди Бромли, уложенных в сложную прическу, которую я видел только в журналах, видны лишь редкие серебристые пряди, в основном на висках. Ее темные глаза живые и блестящие, и она – к моему глубокому удивлению – быстро идет к нам, огибает стол, подходит вплотную, доброжелательно и, похоже, искренне улыбается и протягивает обе руки, изящные, бледные, с длинными пальцами пианиста, совсем не старческие.

– О, Дики... Дики... – произносит леди Бромли и обеими руками сжимает мозолистую ладонь Дикона. – Так чудесно снова видеть тебя здесь. Кажется, только вчера твоя мать привозила тебя к нам, чтобы поиграть с Чарльзом... и как вы, старшие, раздражались, когда маленький Перси пытался к вам присоединиться!

Мы с Жан-Клодом осмеливаемся обменяться вопросительными взглядами. Дики?!

– Я очень рад нашей встрече, леди Бромли, но также глубоко опечален обстоятельствами, которые снова свели нас вместе, – отвечает Дикон.

Леди Бромли кивает и на секунду опускает наполнившиеся слезами глаза, но затем улыбается и снова поднимает голову.

– Чарльз очень сожалеет, что не может сегодня поздороваться с тобой – как ты знаешь, здоровье у него совсем неважное.

Дикон сочувственно кивает.

– Тебя же тоже ранило на войне. – Леди Бромли по-прежнему держит ладонь Дикона, одна ее рука сверху, другая снизу.

– Легкие ранения, давно зажили, – говорит Дикон. – Не сравнивать с отравлением газом, как у Чарльза. Я тысячу раз вспоминал о нем.

– И спасибо за письмо с соболезнованиями, оно было очень милым, – тихо произносит леди Бромли. – Но я невежлива... пожалуйста, Дики, представь меня своим друзьям.

Знакомство и короткий разговор проходят гладко. Леди Бромли на хорошем французском обращается к Же-Ка, и я могу разобрать, что она выражает восхищение, что такой молодой человек пользуется известностью как превосходный гид по Шамони, а Жан-Клод отвечает ей своей самой широкой, лучезарной улыбкой.

– И мистер Перри, – произносит она, когда приходит время повернуться ко мне, и грациозно берет в свои руки мою неловко протянутую ладонь. – Даже в своей деревенской глуши я слышала о Перри из Бостона – прекрасная семья.

Запинаясь, я бормочу благодарности. Я происхожу из очень известной и старинной семьи «бостонских браминов», и вплоть до предпоследнего поколения – историю семьи можно проследить до 1630-х – члены семьи были известными торговцами и профессорами Гарварда, а несколько смельчаков отличились на полях сражений, таких как Банкер-хилл и Геттисберг.

Но увы, «брамины» Перри из Бостона теперь почти разорены. Хотя уменьшающееся состояние не мешало моим родителям называть футбольный матч между Гарвардом и Йелем просто «матчем», а за скромными рождественскими покупками приходиться в центр города, в семиэтажный магазин «С. С. Пирс Компани», который обслуживал такие семьи, как наша, с 1831 года. Нет, поначалу приближающаяся бедность даже не помешала мне наслаждаться лучшими частными школами, а также теннисными кортами и лужайками Бруклинского загородного клуба (который мы, естественно, называли просто «клубом», словно он был единственным в мире), а моим родителям – оплачивать мое обучение в Гарварде на протяжении всех лет, что окончательно истощило ресурсы семьи. Поэтому я мог посвящать каждую свободную минуту и все летние каникулы в колледже своему увлечению, вместе с друзьями карабкаясь по скалам и покоряя вершины, не думая о расходах. И когда я получил в наследство от тетки 1000 долларов, то даже не подумал отдать их родителям, чтобы помочь оплатить счета – в том числе мои, – а потратил их на то, чтобы провести год в Европе, лазая по Альпам.

– Садитесь, пожалуйста, – обращается ко всем нам леди Бромли.

Она перешла на противоположную сторону низкого столика и устроилась в удобном кресле с высокой спинкой. Тут же, словно по команде, появляются три горничных – или еще какие-то служанки – с подносами с чайником, старинными фарфоровыми чашками и блюдцами, серебряными ложками, серебряной сахарницей, серебряным молочником и пятиярусной сервировочной подставкой с маленькими пирожными и печеньем на каждом ярусе. Одна из служанок предлагает налить чай, но леди Бромли говорит, что справится сама, а затем спра-

шивает каждого – за исключением «Дики», который, как она помнит, добавляет в чай немного сливок, дольку лимона и два кусочка сахара, – с чем мы будем пить чай. Я отвечаю: «Просто чай, мэм», – что звучит довольно глупо, и в ответ получаю улыбку и блюдце с чашкой чая без сливок, лимона или сахара. Ненавижу чай.

После нескольких минут светской беседы, в основном между Диконом и леди Бромли, хозяйка наклоняется вперед и отрывисто говорит:

– Давай обсудим другое твое письмо, Дики. То, что я получила через три недели после милой открытки с соболезнованием. То, в котором говорится, что вы втроем отправляетесь на Эверест на поиски моего Персиваля.

Дикон прочищает горло.

– Возможно, это было самонадеянным, леди Бромли, но обстоятельства исчезновения лорда Персиваля вызывают много вопросов, а ответов на них нет, и я подумал, что могу предложить свои услуги в попытке разгадать загадку, окружающую тот несчастный случай... падение, сход лавины... что бы там ни произошло.

– Да, что бы там ни произошло, – повторяет леди Бромли. Голос ее звучит резко. – Ты знаешь, что тот немецкий джентльмен, который был единственным свидетелем так называемой «лавины», унесшей Перси и немецкого носильщика, – герр Бруно Зигль, – даже не отвечает на мои письма и телеграммы? Он отправил мне одну невежливую записку, в которой утверждает, что ему больше нечего сказать, и упорно молчит, несмотря на требования Альпийского клуба и «Комитета Эвереста» сообщить дополнительные подробности.

– Так нельзя, – тихо говорит Жан-Клод. – Родные должны знать правду.

– Я не до конца убеждена, что Персиваль погиб, – продолжает леди Бромли. – Возможно, он ранен и потерялся в горах, едва живой, или ждет помощи в какой-нибудь близлежащей тибетской деревне.

«Вот оно, – думаю я. – Безумие, которым хочет воспользоваться Дикон». Меня начинает подташнивать, и я ставлю на стол блюдце с чашкой.

– Я понимаю, джентльмены, шансы на это – что мой Перси все еще жив – крайне малы. Я все понимаю. Я живу в реальном мире. Но разве без спасательной или поисковой операции можно быть уверенным? Жизнь юного Персиваля была такой... такой приватной... такой сложной... В последние годы я почти ничего не знала о нем. И теперь чувствую, что должна, по крайней мере, узнать подробности его смерти... или исчезновения. Зачем он вообще отправился в Тибет? Почему именно на Эверест? И почему он был с тем австрийцем... мистером Майером... когда погиб?

Она умолкает, и я вспоминаю все, что слышал о молодом лорде Персивале Бромли, – охотник за удовольствиями, азартный игрок, человек, который много лет провел в Германии и Австрии, вечный скиталец, приезжавший домой, в Англию, с редкими визитами и живший в самых роскошных номерах лучших европейских отелей. Ходили слухи (правда, у меня не хватило смелости спросить об этом у Дикона), что он был содомитом, клиентом немецких и австрийских борделей для мужчин, любителей подобных развлечений. Приватная, сложная... да, жизнь, заполненную такими занятиями и увлечениями, можно назвать приватной и сложной, не так ли?

– Перси был очень хорошим спортсменом... ты должен это помнить, Дики.

– Помню, – говорит Дикон. – Это правда, что Персиваль должен был выступать за Англию в гребле на Олимпийских играх 1928 года?

Леди Бромли улыбается.

– В его возрасте – за тридцать – это звучит странно, правда? Но именно таким был план Перси: поехать на девятые Олимпийские игры в Амстердаме и войти в состав команды гребцов. Ты же помнишь его успехи в гребле, когда он учился в Оксфорде. Он поддерживает... поддерживал... прекрасную физическую форму и тренировался с английскими олимпийцами,

когда приезжал домой. Он тренировался также в Голландии и Германии. Но гребля – лишь один из видов спорта, в которых успешно выступает... выступал Перси.

– У него был большой опыт восхождений, когда он отправился на Эверест? – спрашивает Дикон. – Я давно не общался с Персивалем.

Леди Бромли улыбается и наливает еще чаю каждому из нас.

– Больше пятнадцати лет занятий альпинизмом в Альпах с лучшими гидами и со своим кузеном. – В ее словах слышится гордость. – С юного возраста. Покорил все пять вершин Гранд-Жорас, в том числе поднялся на самую высокую и сложную – кажется, она называется Пойнт-Уокер – еще в двадцатилетнем возрасте. Разумеется, Маттерхорн. Пиц-Бадиль...

– С юга? – перебивает Дикон.

– Не уверена, Дики, но, кажется, да. Кроме того, Перси со своим гидом совершили... как это называется... длинный горизонтальный переход во время восхождения?

– Траверс? – подсказывает Жан-Клод.

– *Oui. Merci*, – благодарит леди Бромли. – Перси и его гид прошли траверсом по Мон-блану от хижины Дом до Гран-Мюль во время, как он выразился, летней бури. Я помню, как он писал о прохождении Гран-Комбен – не знаю, что это, – за очень короткое время... Перси в основном описывал открывающийся с вершины вид. У меня сохранились его открытки, в которых он рассказывает о... траверсе, да, это так называется... Финстераархорна и об успешном восхождении на Нестхорн. – Она печально улыбается. – Все годы, когда Перси занимался опасными видами спорта, в том числе альпинизмом, я провела много тревожных часов, разглядывая в нашей библиотеке эти горы и вершины.

– Однако он так и не вступил в Альпийский клуб, – замечает Дикон. – И официально не входил в состав весенней экспедиции на Эверест, вместе с Нортоном, Мэллори и остальными?

Леди Бромли качает головой, и я снова восхищаюсь утонченной простотой ее прически, которая делает еще выше эту высокую, держащуюся необыкновенно прямо женщину.

– Персиваль никогда не любил к кому-либо присоединяться, – говорит леди Бромли, и по ее лицу вдруг пробегает тень, а глаза становятся печальными – она осознает, что говорит о сыне в прошедшем времени. – В марте я получила от него короткую весточку, отправленную с плантации его кузена Реджи в окрестностях Дарджилинга, где он сообщал, что может отправиться в Тибет вслед за экспедицией мистера Мэллори или вместе с ней, а потом ничего... молчание... пока в июне не пришли ужасные новости.

– Вы можете вспомнить имена гидов, которые сопровождали его в Альпах? – спрашивает Дикон.

– Да, конечно, – лицо леди Бромли немного оживает. – У него были три любимых гида, все из Шамони...

Она называет имена, и Жан-Клод складывает губы в трубочку, словно собирается присвистнуть.

– Лучшие из тех, что у нас есть, – говорит он. – Им нет равных ни на скалах, ни на снегу, ни на льду.

– Персиваль их любил, – кивает его мать. – И еще один англичанин, с которым он часто совершал восхождения в Альпах, его тоже звали Перси. Перси... Ферроу, Феррей?

– Перси Фаррар? – спрашивает Дикон.

– Да, совершенно верно. – Леди Бромли снова улыбается. – Не странно ли, что я помню, как зовут всех его немецких и французских проводников, а имя английского парня забыла?

Дикон поворачивается к Же-Ка и ко мне.

– У Перси Фаррара уже был шестнадцатилетний или семнадцатилетний опыт экстремальных восхождений в Альпах, когда он присоединился к Перси... к молодому лорду Персивалю. – Глядя мне прямо в глаза, Дикон поясняет: – Впоследствии Фаррар стал президентом

Альпийского клуба и первым предложил включить Джорджа Ли Мэллори в состав первой экспедиции на Эверест, в тысяча девятьсот двадцать первом.

– Итак, ваш сын ходил в горы с самыми лучшими, – говорит Жан-Клод, обращаясь к леди Бромли. – Даже если его не пригласили в экспедицию на Эверест, он был превосходным альпинистом.

– Но имени Перси не было в списках ни Альпийского клуба, ни «Комитета Эвереста», – уточняет Дикон. – Вы случайно не знаете, леди Бромли, каким образом ваш сын оказался на Эвересте почти одновременно с командой Мэллори?

Леди Бромли допивает остатки чая и аккуратно ставит чашку на блюдце.

– Как я уже говорила, мне пришло лишь короткое письмо от Персиваля, отправленное в марте на плантации в окрестностях Дарджилинга, – терпеливо напоминает она. – Очевидно, Перси встретил Мэллори и других членов той экспедиции на плантации своего кузена Реджи около Дарджилинга на третьей неделе марта. Мой сын путешествовал по Азии и без предупреждения появился на нашей чайной плантации под Дарджилингом... которой уже много лет владеет и управляет Реджи, кузен Перси.

Кузен Реджи оказал большую помощь в поиске непальских носильщиков – их называют шерпами – для экспедиции Мэллори; у многих родственники много лет работали на нашей плантации. Как вам должно быть известно, руководителем экспедиции в то время был бригадный генерал Чарльз Брюс... Но судя по тому, что после возвращения в Англию рассказывали мне полковник Нортон и остальные, генерал Брюс заболел и был вынужден повернуть назад всего через две недели после того, как экспедиция покинула Дарджилинг, чтобы пройти через Сепола на Кампа-дзонг и Тибет. Насколько я понимаю, полковник Нортон, который уже входил в состав группы, был выбран на замену генерала Брюса в качестве начальника экспедиции, а затем – по словам самого Нортон, который был так добр, что нанес мне визит, – он назначил Мэллори руководить восхождением. Вот и все, что мне известно о последних днях Персиваля. Он не присоединился к лагерю английской экспедиции и не пытался покорить вершину вместе с ними.

– Лорд Персиваль путешествовал один или его сопровождали слуги? – спрашивает Дикон.

– О, Перси всегда предпочитал путешествовать в одиночку, – отвечает леди Бромли. – Это было неудобно – вся эта суета с выбором одежды и багажом, – но таковы были его предпочтения, и полковник Нортон говорит, что на всем протяжении пятинедельного перехода до горы Эверест Перси ставил свою палатку отдельно.

– Никогда не присоединялся к официальной экспедиции? – спрашивает Жан-Клод, и в его голосе сквозит легкое удивление. Почему английский лорд путешествует отдельно от английской экспедиции?

Леди Бромли едва заметно качает головой.

– Ни Альпийский клуб, ни полковник Нортон ничего об этом не говорили. И кузен Реджи тоже не знает, зачем Перси направлялся в Тибет и почему предпочел идти рядом с экспедицией, но не вместе с ней.

– А как насчет тех немцев? – спрашивает Дикон. – Кто такой Майер, который, как говорят, попал под лавину вместе с лордом Персивалем? Или Бруно Зигль, который утверждает, что все видел, находясь ниже на склоне горы? Вы не знаете, был ли Персиваль знаком с этими джентльменами?

– Боже мой! – восклицает леди Бромли. – Я совершенно уверена, что не был. Этот Майер, по всей видимости, был никем – по сведениям Альпийского клуба и моих друзей в правительстве Его Величества... Скажем, он был не тем человеком, с которым стал бы заводить знакомство Персиваль.

Дикон трет лоб, словно у него болит голова.

– Если лорд Персиваль не был с британской экспедицией, когда пропали Мэллори и Ирвин, то каким образом, если верить Бруно Зиглю, его вместе с каким-то неизвестным немцем накрыло лавиной между пятым и шестым лагерями? Пятый лагерь Мэллори располагался в нескольких сотнях метров выше семи тысяч шестисот двадцати пяти метров – это двадцать пять тысяч футов, леди Бромли, очень высоко, – а шестой лагерь, плацдарм для покорения вершины, был устроен выше восьми тысяч метров, или двадцати шести тысяч восьмисот футов. Меньше чем в трех тысячах футов от вершины Эвереста. В газетах высказываются предположения, что лорд Персиваль пытался искать Мэллори и Ирвина через несколько дней, как их потеряли Нортон и другие члены экспедиции. Но никто из альпинистов не видел лорда Персиваля, Майера или этого Зигля во время спуска с вершины. Вы можете предположить, почему Персиваль находился так высоко на склоне горы после того, как Нортон и остальные ушли?

– Понятия не имею, – говорит леди Бромли. – Разве что Персиваль... мой Перси... пытался покорить вершину Эвереста сам... или с этим австрийским альпинистом. Нельзя исключать. Понимаете, Перси... был... очень честолюбивым.

В ответ Дикон молча кивает и смотрит на меня. Нортон и остальные, посчитав Мэллори и Ирвина погибшими, отказались от дальнейших попыток подняться на вершину, причем не только из уважения к мертвым товарищам, но также из опасений, что сезон муссонов начался по-настоящему. Они уходили из базового лагеря на Эвересте в необычно ясную погоду, но боялись, что муссон может прийти со дня на день и захватить их в пути. Совершенно очевидно, что при неминуемой угрозе плохой погоды даже такой новичок, как Бромли, не стал бы пытаться взойти на вершину – или даже подниматься по склону в поисках пропавших Мэллори и Ирвина. Подставить себя под удар муссона на Эвересте – это чрезвычайно глупый и бессмысленный способ самоубийства.

Молчание затягивается и кажется почти невыносимым. Больше не осталось чая, чтобы нас отвлечь, а к еде прикоснулись только мы с Жан-Клодом. Наконец Дикон нарушает молчание:

– Леди Бромли, вы хотите, чтобы мы втроем предприняли... через год после исчезновения лорда Персиваля слишком поздно называть эту экспедицию спасательной, но она вполне может стать поисковой... попытку будущей весной, когда снова откроется путь на Эверест?

Она опускает взгляд, и я вижу, как белые зубы прикусывают полную нижнюю губу.

– «Комитет Эвереста» и Альпийский клуб не планируют экспедицию в тысяча девятьсот двадцать пятом году, правда, Дики?

– Нет, мэм, – отвечает Дикон. – Потеря Мэллори и Ирвина – и, разумеется, вашего сына – потрясла клуб и комитет, и поэтому может пройти еще несколько лет, прежде чем на Эверест будет отправлена официальная экспедиция. Кроме того, тибетские власти, похоже, гневаются на Альпийский клуб и «Комитет Эвереста» – по неизвестным мне причинам. Говорят, премьер-министр Тибета и местные племенные вожди в ближайшее время могут не дать разрешение на экспедицию. Да, конечно, и Альпийский клуб, и «Комитет Эвереста» считают Эверест «английской горой» и не допускают мысли, что иностранец может покорить ее первым, но в Альпах ходят слухи, что к такой попытке готовятся немцы. Хотя я не думаю, что следующим летом. Не в тысяча девятьсот двадцать пятом. Однако мы трое можем это сделать.

– Но ведь в экспедиции Мэллори, к которой присоединился Перси, были десятки людей, сотни носильщиков и еще сотни вьючных животных... Я помню, как в письме с плантации Перси жаловался на их намерение использовать мулов тибетской армии, с которыми, по его словам, просто невозможно справиться. А полковник Нортон рассказывал мне, какой это медленный процесс, устраивать один лагерь за другим, сначала на леднике, затем на том ледяном гребне между Эверестом и соседней вершиной – я изучала географию горы, джентльмены, очень тщательно изучала, – когда европейские альпинисты вырубают ступени для носильщиков через каждые несколько футов ледяной стены того гребня, Северного седла. Всем этим

людям требуется много недель медленного подъема. Как, ради всего святого, вы трое сможете – нет, не покорить вершину, что меня в этой экспедиции не интересует, а подняться достаточно высоко, к пятому и шестому лагерю, чтобы искать моего сына?

Отвечает ей Жан-Клод:

– Леди Бромли, мы будем идти очень быстро, в альпийском стиле¹⁴, а не в стиле военной кампании, как все экспедиции Мэллори. Мы найдем нескольких шерпов в качестве носильщиков, в том числе способных подниматься высоко в горы – возможно, найдем этих опытных людей на вашей чайной плантации с помощью кузена Реджи, – но с того момента, как мы доберемся до горы, нашими главными целями станут скорость и эффективность. Мы будем подниматься, спать и есть, как в Альпах – нести оснащение для бивака с собой в рюкзаках, не тратя время на устройство постоянных лагерей, – и сможем провести тщательные поиски от пятого лагеря на Северном седле до верхнего шестого лагеря за неделю или две... а не за пятьдесят недель, которые потребовались бы такой большой экспедиции, как у генерала Брюса.

Леди Бромли окидывает взглядом нас всех, потом пристально смотрит на Дикона. Ее взгляд неожиданно становится... нет, не холодным, а отстраненным, деловым.

– И во что обойдется эта спасательная... поисковая экспедиция, джентльмены?

Тон у Дикона такой же деловой, как у леди Бромли.

– Альпийский клуб выделил десять тысяч фунтов на две первые попытки – рекогносцировку тысяча девятьсот двадцать первого года и серьезную попытку покорения вершины тысяча девятьсот двадцать второго года. Они предполагали, что рекогносцировка обойдется всего в три тысячи фунтов, а на восхождение пойдут оставшиеся от десяти тысяч. Однако бюджет был превышен – в обоих случаях. А восхождение этого года – тысяча девятьсот двадцать четвертого, во время которого пропали ваш сын, Мэллори и Ирвин, – стоило почти двенадцать тысяч фунтов.

Серьезный взгляд леди Бромли теперь не отрывается от лица Дикона.

– Значит, вы просите у меня двенадцать тысяч фунтов за эту попытку... поисковой... экспедиции, чтобы найти моего сына?

– Нет, мэм, – говорит Дикон. – Нас будет всего трое плюс, возможно, две дюжины опытных носильщиков-шерпов, и, по моим оценкам, вся экспедиция – включая проезд по железной дороге от Калькутты, палатки, альпинистское снаряжение, кислородное оборудование, подобно тому, которое разработал Финч и усовершенствовал Сэнди Ирвин для последней экспедиции, а также аренда лошадей и вьючных мулов, чтобы доставить нас и снаряжение до базового лагеря на Эвересте, – будет стоить не больше двадцати пяти сотен фунтов.

Услышав эту сумму, леди Бромли удивленно моргает. Должен признаться, лично мне цифра не кажется маленькой.

– Мы профессиональные альпинисты, мэм, – говорит Дикон, подавшись к женщине в черном. – Мы поднимаемся быстро и в любую погоду, едим мало, спим в брезентовых мешках, привязанных веревкой к склону горы, или – если это невозможно – проводим ночь, сидя на узком уступе с зажженной под подбородком свечкой, чтобы не заснуть.

Леди Бромли снова обводит взглядом всех троих, затем поворачивается к Дикону. Но ничего не говорит.

– Леди Бромли, – продолжает Дикон, – как вы уже говорили, экспедиция Нортон и Мэллори, за которой следовал ваш сын, везла с собой тонны припасов и снаряжения. Одно лишь Кооперативное общество содействия армии и флоту предоставило шестьдесят банок фуагра, три сотни фунтовых упаковок ветчины и четыре дюжины бутылок шампанского «Монтебелло». Вы должны понимать, что наша экспедиция будет другой – три опытных альпиниста,

¹⁴ Альпийский стиль – последовательный подъем на вершину вместе со всем снаряжением.

идуших быстро, знающих, в каких местах искать вашего сына, и способных быстро подняться на гору, сделать свою работу и спуститься обратно.

Для Дикона это длинная речь, и я не уверен, убедил ли он леди Бромли, пока она не нарушает молчание.

– Я дам три тысячи фунтов на вашу экспедицию, – тихо произносит она. – Но при одном условии.

Мы ждем.

– Я хочу, чтобы с вами был кто-то из членов семьи, – говорит леди Бромли тоном, которого я еще от нее не слышал. Почти царственным, не допускающим возражений, одновременно мягким и решительным. – На счету Реджи, кузена Перси, не одна покоренная вершина в Альпах – вместе с ним и многими превосходными проводниками, о которых я уже упоминала, – и Реджи под силу дойти с вами по крайней мере до окрестностей горы Эверест – возможно, до третьего лагеря или какого-то другого, который вы разобьете на том ледяном гребне между горами. Разумеется, все решения относительно восхождения будешь принимать ты, Дики, но Реджи будет отвечать за всю экспедицию и за расходование средств – на шерпов, на продавцов яков в Кампа-дзонге и на все остальное, что вам потребуется. И кузен Реджи будет вести учет всем квитанциям, каждому потраченному фунту, каждому фардингу. Согласны?

Дикон поворачивается, смотрит на нас с Жан-Клодом, и я понимаю, о чем он думает. Еще один новичок, вроде Перси... вероятно, замедлит наше продвижение или даже подвергнет опасности, если нам придется выручать его на леднике или ледяной стене Северного седла. Но тон леди Бромли не оставляет сомнений: без кузена Реджи не будет никакой экспедиции. И этот «кузен Реджи», очевидно, не будет сопровождать нас в высокогорных восхождениях.

– Да, мэ, мы согласны, – говорит Дикон. – Мы с радостью объединим наши усилия с кузенем Перси, Реджи. Это освободит нас от необходимости следить за расходами – признаюсь, для меня это ужасное бремя.

Леди Бромли внезапно встает, и мы трое поспешно вскакиваем. Она пожимает руку Дикону, потом Жан-Клоду и, наконец, мне. Я вижу, как ее темные глаза наполняются слезами, однако она берет себя в руки.

– Как долго... – начинает леди Бромли.

– Мы завершим экспедицию и предоставим вам полный отчет к середине лета следующего года, – говорит Дикон. – Я беру с собой небольшой фотоаппарат, но обещаю, что мы заберем с собой все, что сможем... личные вещи лорда Персиваля, одежду, письма...

– Если его нет в живых, – перебивает леди Бромли абсолютно бесстрастным тоном. – Я убеждена, что он предпочел бы быть похороненным там, на горе. Но я была бы очень благодарна за несколько памятных вещей, о которых вы упоминали... как бы тяжело ни было на них смотреть... и фотографии.

Мы дружно киваем. У меня нелепое ощущение, что я сам вот-вот расплачусь. И еще я чувствую вину. И радость.

– Если же мой Перси жив, – леди Бромли кажется еще прямее и выше, – я хочу, чтобы вы привезли его домой, ко мне.

Больше она не произносит ни слова – просто поворачивается и выходит из комнаты через потайную дверь в библиотеку.

Прошло несколько секунд, прежде чем я сообразил, что с нами попрощались. И что Дикон добился того, что обещал нам, – финансирования экспедиции из трех человек (а теперь плюс одного бухгалтера) для восхождения на гору Эверест. Если мы найдем тело бедняги Перси, тем лучше. Если нет, то, возможно, покорим самую высокую вершину мира.

Поездка в экипаже до границы поместья кажется бесконечной. Бенсон, наш кучер с морзовыми усами, хранит молчание. Мы трое, сидящие в экипаже, тоже не разговариваем друг с другом. Но воздух вокруг нас словно пропитан эмоциями.

Бенсон высаживает нас на засыпанной белым гравием площадке для машин – пустой, если не считать нашего открытого автомобиля с краю. Мы по-прежнему молчим.

Внезапно Жан-Клод бросается бегом по бесконечному пространству стриженной травы за гравийной площадкой, издает громкий крик и проходится колесом четыре раза. Мы с Диконном смеемся и смотрим друг на друга с улыбками довольных идиотов – что в данный момент недалеко от истины.

Но когда мы едем назад, сквозь мою радость и предвкушение экспедиции, о которой я не мог и мечтать, пробивается одна мысль: здесь, в центре 9400 акров красивейшей в мире местности, томится навеки разбитое сердце и непоправимо поврежденный разум.

Сможем ли мы принести ей хоть каплю душевного покоя? Впервые за все время, пока мы строим планы – «заговор», как я это мысленно называю, – мне в голову приходит этот вопрос. И я понимаю, что должен был подумать об этом сразу же, как только мы стали обсуждать немислимую экспедицию на Эверест в составе трех человек.

Сможем ли мы принести леди Бромли хоть каплю душевного покоя?

Чудесным летним днем, когда только что начавшие удлиняться тени падают на поля и пустое шоссе, мы едем в открытой машине, и я прихожу к выводу, что, наверное, сможем – подняться на гору, найти останки Перси Бромли, привезти что-нибудь, что угодно, оставшееся от этой смерти в горах, которое... Нет, не исцелит разбитое сердце леди Бромли, поскольку ей вскоре суждено потерять старшего сына, страдающего от последствий отравления горчичным газом, прилетевшим в английском снаряде восемь лет назад, а ее младший сын навеки сгинул на горе Эверест. Но, возможно, нам удастся немного успокоить ее, выяснив подробности, обстоятельства бессмысленной гибели лорда Персиваля Бромли на этой горе.

Возможно.

Сидящий за рулем Дикон улыбается, и Жан-Клод на переднем пассажирском сиденье тоже улыбается, склонив голову набок и ловя ветер, словно собака; я решаю присоединиться к их радости.

Мы понятия не имеем, что нас ждет.

Если мы сможем найти останки лорда Персиваля, то, вне всякого сомнения, сможем найти Мэллори или Ирвина... или даже обоих.

* * *

В конце лета и осенью 1924 года в память о Мэллори и Ирвине отслужили множество заупокойных служб, но самая главная, наверное, состоялась 17 октября в соборе Св. Павла. Туда пускали только по приглашению, и из нашей маленькой группы его получил один Дикон. Он идет в собор, но нам почти ничего не рассказывает – однако лондонские газеты заполнены подробностями панегирика, произнесенного епископом Честера. Свою речь епископ заканчивает адаптированной библейской цитатой из плачевной песни царя Давида: «Джордж Мэллори и Эндрю Ирвин, любезные и согласные в жизни своей, не разлучились и в смерти своей».

На следующий день Жан-Клод замечает, что если – а скорее всего, так и случилось – один из них упал первым при подъеме или спуске, то в последние минуты или часы они точно были разлучены.

Во время епископского панегирика смерть лорда Персиваля и Курта Майера упоминалась лишь один раз – «мы помним и других, которые погибли на горе в том же месяце», – а леди Бромли летом и осенью не заказывала заупокойную службу по сыну (возможно, потому

что она все еще верит, что он жив где-то на горе Эверест или на леднике Ронгбук внизу, и действительно верит, что мы трое найдем и вызволим его через год после его исчезновения). Леди Бромли убеждала Дикона начать экспедицию осенью 1924 года и попытаться провести «спасательную» операцию зимой, однако он убедил ее, что зима в Гималаях делает абсолютно недоступными и саму гору, и подходы к ней. В глубине души леди Бромли – даже несмотря на шок и временную неустойчивость психики – понимает, что наша экспедиция весной и летом следующего, 1925 года будет в лучшем случае попыткой *поиска*, а не спасения.

Тем же вечером, 17 октября, состоялся прием в память Мэллори и Ирвина, на который Дикон приводит Же-Ка и меня, хотя народу было столько, что организаторам пришлось арендовать Королевский Альберт-холл. Королевское географическое общество и его Альпийский клуб устроили совместное собрание, чтобы «заслушать отчет об экспедиции 1924 года на гору Эверест». Сказать, что собравшиеся – в основном альпинисты и толпа репортеров – проявляют живейший интерес, значит ничего не сказать.

Последним пунктом стоит отчет альпиниста, фотографа и геолога Ноэля Оделла – многие считали, что именно он, а не юный Ирвин, был партнером Мэллори в той последней попытке покорить вершину, – который рассказывает о своих попытках дождаться пропавших альпинистов в высокогорном лагере, а также о том, что он последний раз видел их со своего места между четвертым и пятым лагерями, когда небо ненадолго очистилось от облаков, хотя Оделл, похоже, временами путается – например, где именно он видел «две черные движущиеся точки», на снежном поле над «первой ступенью» вдоль Северо-Восточного гребня, над «второй ступенью», или даже над меньшей по размеру «третьей ступенью» и на «пирамиде снежных полей», подступающих к самой вершине.

«Остается вопрос о том, – пишет в своем отчете Оделл, – была ли покорена вершина. Он должен быть оставлен без ответа, поскольку никаких прямых свидетельств нет. Но с учетом всех обстоятельств... и принимая во внимание место, где их видели в последний раз, я думаю, существует большая вероятность, что Мэллори и Ирвину сопутствовал успех. На этом я должен остановиться».

Эти слова вызывают перешептывание и негромкие разговоры в толпе лучших английских альпинистов. Многие из них – даже некоторые из товарищей Мэллори и Ирвина по экспедиции – не верят, что свидетельства указывают на покорение вершины двумя смельчаками. Даже если Оделл не ошибся и действительно видел их, было уже поздно для успешной попытки восхождения – пришлось бы спускаться в темноте, – и в такой поздний час их кислородные баллоны были бы почти или совсем пустыми. Поэтому, по мнению большинства альпинистов мирового класса, собравшихся в тот вечер в Альберт-холле, Мэллори и Ирвин продвинулись слишком далеко и слишком поздно, попытались спуститься в темноте – возможно, так и не сумев приблизиться к вершине, – и оба сорвались и разбились насмерть на Северной стене той темной, ветреной и по-лунному холодной ночью где-то там, на высоте более 27 000 футов, а возможно, в непригодном для дыхания, разреженном, как на Марсе, воздухе, на высоте 28 000 футов.

Но я помню, что отчет Оделла вызвал мощную волну возражений, когда тот закончил его словами, что, по его мнению, двое альпинистов умерли от переохлаждения.

Дело в том, что «переохлаждение» – недостаточно благородная смерть для этих двух национальных героев, этих обычных людей, которые быстро превращались в английскую легенду; даже иностранные альпинисты, знавшие Мэллори и поднимавшиеся с ним в горы – люди, обладающие иммунитетом к патриотической лихорадке, охватившей Альберт-холл тем октябрьским вечером, – не верили, что он или, если уж на то пошло, Сэнди Ирвин были настолько глупы, чтобы умереть от переохлаждения. Большинство альпинистов, которых мы слышали после собрания, высказывали предположение, что один из двух пропавших – почти наверняка Ирвин – сорвался в пропасть, вероятно, во время спуска с вершины или высшей

точки, на которую они поднялись в тот вечер, до захода солнца, возможно, в темноте, возможно, на самой Северной стене, в борьбе с сильным ветром, и, падая, потянул за собой товарища навстречу смерти.

Даже официальный руководитель несчастливой экспедиции 1924 года Эдвард «Тедди» Нортон писал из базового лагеря: «Мне очень жаль, что Оделл включил в свой отчет этот фрагмент о переохладении». Обращаясь к «Комитету Эвереста», он прибавляет: «Остальные согласны, что скорее всего это было падение».

Когда в тот октябрьский вечер мы пешком возвращаемся в гостиницу после собрания Альпийского клуба, Жан-Клод спрашивает Дикона:

– *Ри-шар*, ты думаешь, Мэллори и Ирвин добрались до вершины?

– Понятия не имею, – отвечает тот, не вынимая трубки изо рта. Аромат его табака оставляет след в холодном, влажном воздухе у нас за спиной.

– Ты веришь, что они умерли от переохладения? – настаивает Же-Ка. – Или сорвались?

Дикон вынимает трубку изо рта и смотрит на нас. Его серые глаза блестят в свете фонаря на углу.

– В газетах и в «Альпийском журнале» просто нет достаточного количества информации от Оделла или еще кого-либо, кто там был, чтобы делать выводы о том, как и где они погибли. Нам троим нужно поговорить с Нортоном, Джоном Ноэлом, Оделлом, доктором Сомервеллом и другими моими друзьями, которые были членами весенней экспедиции. Затем следует поехать в Германию – в Мюнхен – и встретиться с этим альпинистом, Бруно Зиглем, который говорит, что он поднялся достаточно высоко по склону Эвереста и видел лавину, которая унесла Бромли и таинственного австрийца или немца по фамилии Майер. Согласны?

Мы с Жан-Клодом переглядываемся. По глазам Же-Ка я вижу, что он ни за что не поедет со мной и Диконом в Германию. Немцы убили трех его братьев, и он давно поклялся, что ноги его не будет в этой стране.

– Я знаю, Жан-Клод, – говорит Дикон, хотя Же-Ка не произнес ни слова. – И понимаю. Мы с Джейком можем поехать в Мюнхен в следующем месяце – в ноябре – и сообщить тебе, что этот Зигль рассказывает о смерти лорда Персиваля и того другого, Майера, а также какие подробности ему известны об исчезновении Мэллори и Ирвина. Только задержись в Лондоне, чтобы вместе с нами нанести визиты Нортону и остальным.

– А если этот парень Зигль не знает никаких подробностей? – Мой голос звучит почти жалобно. – А если мы зря потратим время на поездку в Мюнхен в следующем месяце и ничего не узнаем о Мэллори и Ирвине или – что важнее для нашей миссии – о том, что случилось с Персивалем Бромли?

– Ну, – произносит Дикон с хищной улыбкой, – тогда мы просто должны с марта по июнь следующего года пойти на Эверест и сами выяснить, что с ними случилось. Если мы сможем найти останки лорда Персиваля, то, вне всякого сомнения, сможем найти Мэллори или Ирвина... или даже обоих. Сухие ветры горы Эверест высушивают и мумифицируют труп гораздо эффективнее, чем верховные жрецы Древнего Египта.

Лошади были убиты выстрелом в голову.

* * *

Наш разговор с членами экспедиции 1924 года на Эверест, полковником Эдвардом Ф. Нортоном, офицером медицинской службы Р. У. Дж. Хингстоном, доктором Теодором Говардом Сомервеллом, капитаном Джоном Б. Ноэлом и Ноэлем И. Оделлом – последние трое были близкими друзьями Дикона, – состоялся в октябре, после официального богослужения в память Мэллори и Ирвина. Эти бывшие руководители и члены экспедиции пришли в Аль-

пийский клуб при Королевском географическом обществе на Кенсингтон-гор, 1, и нам предложили встретиться с ними в Комнате карт в субботу после полудня.

– Надеюсь, что они предупредили о нашем приходе, – говорю я, когда мы выходим из такси и пересекаем Кенсингтонский сад. Вечерние тени постепенно удлиняются, а громадный купол Альберт-холла нависает над кирпичным зданием Географического общества. Солнце опускается за горизонт, и расцвеченные октябрём листья на бесчисленных деревьях парка по ту сторону бульвара словно вспыхивают огнем, ловя отраженный куполом свет.

– Я член клуба, – отвечает Дикон. – Мы беспрепятственно попадем в Комнату карт.

Мы с Же-Ка переглядываемся.

Если не считать бюста Дэвида Ливингстона в нише стены, окружающей внутренний дворик, ничто не указывает на то, что для географов и путешественников это приземистое кирпичное здание является центром вселенной.

Внутри у нас берут пальто и шляпы, а затем пожилой, седовласый мужчина во фраке и белом галстуке говорит:

– Мистер Дикон. С возвращением, сэр. Мы уже давно не имели удовольствия видеть вас здесь.

– Спасибо, Джеймс, – отвечает Дикон. – Если я не ошибаюсь, полковник Нортон и еще несколько человек ждут нас в Комнате карт.

– Да, сэр. Собрание у них закончилось несколько минут назад, и пятеро джентльменов ожидают в Клубной комнате, примыкающей к Комнате карт. Вас проводить?

– Спасибо, Джеймс, мы сами найдем дорогу.

В широких коридорах с до блеска натертыми полами и стеклянными витринами хочется разговаривать только шепотом, как в церкви, но голос Дикона остается таким же громким, как снаружи.

Комната карт очень красивая – стеллажи с книгами в кожаных переплетах, длинные столы с картами на деревянных распорках, большой глобус, на котором может балансировать акробат, катя его по Кенсингтонскому бульвару, – но не такая огромная, как рисовало мне воображение. Одну сторону помещения занимает один из многооконных портиков построенного в 1875 году здания, во встроеном в противоположную стену камине горит огонь. Когда мы подходим, Хингстон, Ноэл, Нортон, Сомервелл и Оделл встают, Дикон представляет нас с Же-Ка, и затем мы трое садимся в последние из восьми глубоких кожаных кресел, поставленных полукругом напротив камина. В окнах за нашей спиной свет заходящего солнца превратился в рассеянное золотистое сияние.

Пока Дикон нас знакомит и мы обмениваемся рукопожатиями, я понимаю, что хотя раньше не видел никого из этих людей, но представляю, как они выглядят, – по опубликованным фотографиям их многочисленных экспедиций. Но на тех снимках почти у всех бороды – или по меньшей мере пышные усы, – а теперь они чисто выбриты, если не считать пары аккуратно постриженных усиков, так что на улице я, скорее всего, прошел бы мимо, не узнав этих людей.

Полковник Эдвард Феликс «Тедди» Нортон необыкновенно высок – как я понимаю, по крайней мере на дюйм выше моих шести футов и двух дюймов, – и все в нем, от спокойных и уверенных манер до холодного взгляда, выдает военного, который давно привык командовать. 37-летний доктор Ричард Хингстон отличается хрупким телосложением – он не альпинист (в последней экспедиции 1924 года он выполнял обязанности врача и биолога), – но мне известно, что он поднялся в четвертый лагерь на Северном седле, чтобы оказать помощь пораженному снежной слепотой Нортону и другим пациентам, которые там застряли. Во время войны он служил врачом во Франции, Месопотамии и Восточной Африке и был награжден за храбрость

Военным крестом. Может, Хингстон и не альпинист, но я смотрю на него с огромным уважением.

Теодор Говард Сомервелл – друзья называют его Говардом, и Дикон так и представил его нам – тоже хирург и бывший миссионер, но внешность у него как у портового грузчика. Дикон рассказывал нам, что Сомервелл фактически не вернулся в Англию после экспедиции на Эверест в 1922 году, а предпочел жить и работать в медицинской миссии в Нейяуре на юге Индии. Он приехал в Лондон лишь для того, чтобы почтить память Мэллори и Ирвина и присутствовать на собраниях и приемах Альпийского клуба и Королевского географического общества.

Сомервелл – красивый мужчина, даже без густой темной бороды, которой он щеголяет на снимках из Тибета, а его вьющиеся волосы, дочерна загорелое лицо, выразительные черные брови и вспышки белозубой улыбки придают ему щегольской вид. Однако он не таков. Дикон почти никогда не рассказывал о том, что ему пришлось пережить на войне, но однажды ночью, когда в прошлом году мы разбили лагерь высоко в горах, заметил, что Сомервелл – его близкий друг – превратился в убежденного, почти фанатичного пацифиста после того, как в первое утро битвы при Сомме вместе с тремя другими хирургами оперировал в медицинской палатке тысячи раненых солдат, многие из которых были смертельно ранены и понимали это. Дикон сказал, что Сомервелл говорил с сотнями людей, которые лежали снаружи на окровавленных носилках или плащ-палатках; каждый, вне всякого сомнения, знал, что промедление с медицинской помощью будет стоить им жизни, но ни один раненый не попросил помочь ему первому. Ни один.

Я пожимаю Сомервеллу руку – мозолистую руку хирурга, смотрю в его ясные глаза и размышляю над тем, может ли подобный опыт мгновенно превратить просто чувствительного человека в пацифиста. Дикон также рассказывал, что Сомервелл глубоко верующий христианин, но ни в коем случае не догматик. «Единственная проблема с христианством, – сказал Сомервелл Дикону, когда они делили двухместную палатку на заснеженном высокогорном перевале во время экспедиции 1922 года, – заключается в том, что оно никогда по-настоящему не применялось».

Капитан Джон Ноэл – худой мужчина с морщинистым лицом и глубоко посаженными глазами, в которых словно застыла тревога. Возможно, на это есть причина: Ноэл оплатил экспедицию 1924 года, 8000 фунтов, в обмен за права на все киносъемки и фотографии – он доставил специально сконструированные фотоаппараты и кинокамеры на самое Северное седло, чтобы снимать общие планы и альпинистов, предположительно Мэллори и Ирвина, поднимающихся на вершину Эвереста, – и даже предыдущей весной привез в базовый лагерь полноценную фотолабораторию, разместив ее в отдельной палатке. Он платил посыльным, которые доставляли проявленные снимки от Эвереста в Дарджилинг, откуда их пересылали в ведущие лондонские газеты. Теперь Ноэл монтирует свой фильм «Поэма об Эвересте», но из-за того, что облака закрыли – по крайней мере, с Северного седла, Мэллори и Ирвинга в последние минуты их жизни, – то, как говорили злые языки, у капитана Ноэла не оказалось удовлетворяющей его концовки. Он каким-то образом ухитрился привезти с собой в Лондон труппу танцующих лам из тибетского монастыря – не монастыря Ронгбук в окрестностях горы Эверест, а другого, – чтобы оживить свои сеансы, но это намерение, а также «ужасные сцены, в которых тибетцы едят вшей» из его будущего фильма, по всей видимости, уже вызвали дипломатические проблемы. Если картина Ноэла не станет громадным хитом здесь, в Англии, а также в Америке, то бедняга потеряет большую часть из вложенных 8000 фунтов.

Разглядывая Оделла, я понимаю, что в тот осенний вечер 1924 года у него есть веская причина выглядеть обеспокоенным и рассеянным.

Именно капитан Джон Оделл получил записку от Джорджа Мэллори, однако последним, кто, как полагают, видел Мэллори и Ирвина живым, был геолог и альпинист, близкий друг Дикона, Ноэль И. Оделл.

Он был один в четвертом лагере в ночь перед тем, как Мэллори и Ирвин предприняли попытку восхождения из своей ненадежной палатки в шестом лагере, и один поднялся в шестой лагерь на следующий день, который должен был стать благоприятным для восхождения. Именно Оделл в 12:50 вскарабкался на 100-футовую скалу на высоте 26000 футов и, как он писал вечером в своем дневнике, «видел на гребне М. и И., приближающихся к основанию последней пирамиды».

Но их ли он видел?

Уже теперь, всего через несколько дней после поминальной службы по Мэллори и Ирвину и многолюдного собрания Альпийского клуба, взбудоражившего всю Англию, альпинисты – и даже другие члены той экспедиции – высказывали сомнения относительно того, что видел Оделл. Могли ли Мэллори и Ирвин уже в 12:30 подниматься на так называемую третью ступень, так что их силуэты были видны на фоне последней снежной пирамиды, как утверждал Оделл? Возможно, но сомнительно. Скорость их подъема в этом случае должна была быть очень большой, даже с кислородными масками. Некоторые возражают, что Оделл, наверное, видел их на «второй ступени». Нет, утверждают другие специалисты, не подходившие к Эвересту ближе 5000 миль, так рано Мэллори и Ирвин могли проходить только «первую ступень». Должно быть, Оделл ошибается, хотя фотографии и карты местности свидетельствуют, что высокие гребни и громада горы заслоняли вид на первую ступень с его наблюдательного пункта на скале. Облака расступились всего на минуту, позволив увидеть две карабкающиеся вверх человеческие фигурки – если это вообще были человеческие фигурки, а не «просто камни на снежном поле», как утверждают многие альпинисты, – а затем сомкнулись, закрывая обзор.

Мы все рассаживаемся, и когда еще один слуга во фраке и белом галстуке принимает наши заказы на напитки, полковник Нортон нарушает молчание:

– Рад видеть тебя, Ричард. Жаль, но у нас есть только двадцать минут до начала официального ужина Альпийского клуба. Поскольку ты член Королевского географического общества и принимал участие в экспедиции, мы всегда найдем для тебя место...

Дикон отмахивается от предложения.

– Я неподобающе одет для такого случая, да и вряд ли это будет уместно. Нет, мы с друзьями только хотели бы задать вам, джентльмены, несколько вопросов, а затем мы уйдем.

Приносят напитки: виски, чистый и янтарный, восемнадцатилетней выдержки, в бокалах для хереса. По телу разливается тепло. Мои руки не дрожат, но я понимаю, что вполне могли бы. И еще я понимаю, что, наверное, больше никогда не окажусь в этом благородном обществе лучших альпинистов мира. Должно быть, это и есть причина моей скованности. Меня не пугает попытка покорить Эверест, но мне почти страшно сидеть в присутствии этих людей, которые стали знаменитыми, пытаясь это сделать и потерпев неудачу.

– Полагаю, о Мэллори и Ирвине? – обращается Нортон к Дикону довольно прохладным, как мне показалось, тоном. Сколько раз за последние четыре месяца этим людям задавали вопросы о пропавших «героях»?

– Вовсе нет, – отвечает Дикон. – Летом я нанес визит леди Бромли и обещал ей помочь выяснить все подробности об исчезновении ее сына.

– Молодого Персиваля Бромли? – спрашивает кинорежиссер Ноэл. – Чем, черт возьми, мы можем ей помочь? Ты же знаешь, Ричард, Бромли был *не* с нами.

– У меня сложилось впечатление, что он вместе с вами шел от Дарджилинга до Ронгбука. – Дикон делает глоток виски. С моего места виден его орлиный профиль, освещенный пламенем камина.

– Не с нами, Ричард, – возражает Говард Сомервелл, – а за нами. Самостоятельно. Только он, на тибетской лошади, и его снаряжение на одном муле. Всегда в дне или двух пути позади. Он догонял нас и приходил к нам в лагерь... сколько раз, Джон? – Сомервелл обращается к режиссеру. – Три?

– Думаю, всего два, – говорит Ноэл. – Первый раз в Кампа-дзонге, где мы провели три ночи. Последний раз в Шекар-дзонге, перед тем, как мы повернули на юг, к монастырю Ронгбук и леднику. В Шекар-дзонге у нас было две ночевки. Похоже, молодой Бромли нигде не проводил больше одной ночи. У него была простая палатка Уимпера, одна из самых маленьких и легких.

– Значит, по пути он вас не обгонял? – спрашивает Жан-Клод; он явно наслаждается виски. – Я хочу сказать, если в некоторых местах вы проводили несколько ночей, а Бромли останавливался всего на одну...

– В самом деле, – усмехается Хингстон. – Я понял, о чем вы. Нет... Бромли, похоже, отклонялся от маршрута. Например, на юг вдоль реки Йяру Чу, после того, как мы провели две ночи у Тинки-дзонга. Возможно, чтобы взглянуть на гору Эверест оттуда, с невысоких гор. В любом случае, когда мы прибыли в Шекар-дзонг, он снова был позади нас.

– Очень странная вещь, – говорит полковник Нортон. – Когда молодой лорд Персиваль приходил к нам, то приносил свою еду и напитки – оба раза. Не принимал нашего гостеприимства, хотя, Бог свидетель, у нас было достаточно еды, чтобы в конце оставить после себя целую тонну консервов.

– Значит, у него было достаточно провизии? – спрашивает Дикон.

– На недельный поход по Линкольнширу, – замечает Джон Ноэл. – Но не для одиночной экспедиции в Тибет.

– Как он мог путешествовать один, без официального разрешения от тибетского правительства? – Я слышу свой голос и чувствую, как кровь приливает к щекам, теплая, словно виски в желудке. Я не собирался сегодня говорить.

– Хороший вопрос, мистер Перри, – говорит полковник Нортон. – Мы сами удивлялись. Тибет – довольно варварская страна, но местные *дзонгпены* – племенные вожди и старосты деревень, – а также правительство выставляют посты охраны и солдат, особенно на высокогорных перевалах, которые невозможно обойти. Охрана проверяла там наши документы, и поэтому я должен предположить, что у лорда Персиваля было официальное разрешение – возможно, полученное через губернатора Бенгалии. Плантация Бромли в окрестностях Дарджилинга – теперь Бромли-Монфор – давно установила хорошие отношения с тибетцами и всеми правителями Бенгалии и Сиккима.

– Я один или два раза ездил в лагерь лорда Персиваля, – вступает в разговор Ноэль Оделл. – В самом начале экспедиции, сразу после того, как мы вошли в Тибет через перевал Джелеп Ла. По всей видимости, молодой Персиваль получал огромное удовольствие от одиночества – он был достаточно дружелюбен, но не слишком гостеприимен, когда я однажды сел у его очага. Понимаете, я беспокоился о его здоровье – у многих из нас к тому времени уже была дизентерия или начиналась горная апатия, – но Бромли, похоже, прекрасно себя чувствовал. При каждой нашей встрече он выглядел здоровым и бодрым.

– А он следовал за вами от Шекар-дзонга до базового лагеря у подножия ледника Ронгбук? – спрашивает Дикон.

– О нет, – отвечает полковник Нортон. – Бромли продолжал движение на запад, прошел миль двенадцать или пятнадцать к Тингри, после того как мы повернули на юг к Эвересту. Больше мы его не видели. У меня сложилось впечатление, что он намеревался исследовать местность дальше на запад и север, за Тингри. Понимаешь, Ричард, большая часть этого района практически не изучена. Сам Тингри – это устрашающе примитивный бывший тибетский

форпост на вершине горы. Насколько я помню, ты был тогда с нами, в двадцать втором, когда все изо всех сил пробивались к Тингри-дзонгу.

– Да, – говорит Дикон, однако этим и ограничивается.

– Кроме того, когда мы встречались с юным Бромли на семейной чайной плантации, у меня сложилось впечатление, что он собирался в Тибет, чтобы с кем-то встретиться. Похоже, у него было достаточно провианта и снаряжения, чтобы попасть на место randevu где-то за Шекар-дзонгом.

– А как насчет альпинистского снаряжения? – спрашивает Дикон. – Бруно Зигль сообщил немецкой прессе, что лорд Персиваль и еще один человек погибли под лавиной на Эвересте. Кто-нибудь из вас видел альпинистское снаряжение у лорда Персиваля?

– Веревки, – говорит Нортон. – Хорошая веревка в Тибете всегда пригодится. Но ее недостаточно для попытки подняться на Эверест... и недостаточно провианта, палаток, примусов и всего остального, что ему могло бы потребоваться, чтобы подняться до третьего лагеря, не говоря уже о Северном седле... и гораздо, гораздо меньше, чем огромное количество снаряжения, которое понадобилось бы для выхода к пятому лагерю или даже на стену.

– Этот Бруно Зигль... – начинает Дикон.

– Лжец, – перебивает его полковник Нортон. – Извини, Ричард. Я не хотел быть грубым. Просто все, что Зигль сказал прессе, – полная чушь.

– То есть вы никогда не видели Зигля или других немцев, включая этого предполагаемого австрийца Майера, который якобы погиб вместе с Персивалем? – спрашивает Дикон.

– Никогда не слышал и намека, что какие-то немцы находились в радиусе тысячи миль от нас, пока мы были на горе или леднике, – говорит полковник Нортон.

На его острых скулах проступают красные пятна. Я невольно думаю, что порция виски, которую он допивает, не первая за этот вечер. Причина румянца либо в этом, либо в том, что сама мысль, что немцы были где-то поблизости, пока они пытались в этом году покорить Эверест, непереносима для Нортон и приводит его в ярость.

– Признаю, что я в некоторой растерянности, – говорит Дикон. – Последние члены вашей группы покинули базовый лагерь... когда? Шестнадцатого июня, через восемь дней после исчезновения Мэллори и Ирвина, так?

– Да, – подтверждает Оделл. – Мы задержались, чтобы дать отдых выбившимся из сил альпинистам, а также сложить пирамиду из камней в память о Джордже и Сэнди – а также носильщиков, которых мы потеряли в двадцать втором году, – и последние из нас вышли в долину Ронгбук к полудню шестнадцатого июня. Мы все были в плохой форме, кроме меня, что довольно странно: у полковника Нортон последствия снежной слепоты, и у всех обморожения, усталость, постоянные приступы высотной болезни, головные боли. Всех мучил кашель.

– Этот кашель меня едва не убил на горе, – замечает Говард Сомервелл.

– В любом случае, мы уходили несколькими группами, в большинстве своем инвалиды, и большинство отправились с полковником Нортон, чтобы исследовать долину Ронгшар у подножия Гаришанкара, где еще никто никогда не был, – мы имели на это разрешение – и восстановить силы в течение десяти дней на небольшой высоте перед трудной обратной дорогой.

– Я должен был привезти свой фильм и поэтому направился напрямик в Дарджилинг вместе с носильщиками и мулами, – говорит капитан Ноэл.

– Джон де Вер Хазард, наш главный картограф, хотел закончить съемку, начатую твоей экспедицией двадцать первого года, Ричард, – говорит полковник Нортон. – Мы разрешили ему в течение нескольких дней сопровождать Хари Синг Тапу из Индийской геологической службы в регион Восточного Ронгбука. Мы попрощались с ними, и они с несколькими носильщиками направились на запад – шестнадцатого июня, когда большинство пошли на север и восток.

– А у меня был свой маршрут, – замечает Оделл. – Я хотел еще немного заняться геологией.

Остальные четверо знаменитостей рассмеялись. Геологическое рвение Оделла на Эвересте, на высоте более 27 000 футов, похоже, стало предметом для шуток среди этих серьезных альпинистов, оставшихся в живых.

– Я сказал Оделлу, что на обратном пути он может совершить свое маленькое путешествие в сотню миль, если возьмет с собой нашего начальника транспорта, и. о. Шеббера, – говорит Нортон. – В горах Тибета много бандитов. Шеббер, по крайней мере, немного говорит по-тибетски.

Оделл смотрит на полковника.

– И Шеббер неделей позже признался мне, что вы, Эдвард, предупреждали его, что после окончания нашего маленького путешествия больше не желаете меня видеть. Убежден, что он точно процитировал ваши слова: «Мой дорогой Шеббер, возможно, вам захочется больше никогда не видеть Оделла».

Полковник Нортон опускает взгляд в свой бокал, и два розовых пятна на его скулах становятся ярко-красными.

– Но мы с Шеббером наслаждались каждым днем наших геологических изысканий, – продолжает Оделл. – И наша дружба еще больше окрепла. Благодаря этим десяти дням отдыха, которые были у основной партии в долине Ронгшар в тени хребта Гаришанкар, мы догнали их как раз по прибытии в Дарджилинг, перед тем как Хазард отправился назад с Хари Синг Тапой и носильщиками, которых они взяли с собой, на Западный Ронгбук для картографической съемки.

Дикон достает из кармана жилета часы, смотрит на них и говорит:

– Остается несколько минут, прежде чем вам всем нужно будет идти на ужин, друзья мои. И я признаю, что мы совсем потеряли след лорда Персиваля, не говоря уже о немцах – Майере и Зигле. Сообщение о гибели лорда Персиваля – и этого неизвестного Майера – в горах опубликовано в «Таймс» на той же неделе, что и полный отчет о случившемся с Мэллори и Ирвином. Я считал, что вы отправили это сообщение из Дарджилинга. Если вы не видели Бромли после двадцать второго апреля, когда ваша экспедиция повернула на юг к Эвересту, а Бромли продолжил путь к Тингри, тогда как...

– Мы приносим свои извинения, Ричард, – перебивает полковник Нортон. – Это довольно-таки запутанная история, но именно так мы узнали о смерти Бромли. Позволь объяснить. Когда Джон Хазард и Хари Синг Тапа приближались к Западному Ронгбуку, предмету своих исследований, религиозные паломники рассказали им (их слова перевел Хари Синг Тапа), что два английских сахиба в Тингри – один по имени Бромли и «другой не говорящий по-английски сахиб» по имени Майер – наняли шесть яков и вместе с ними направились на юг, потом на восток вдоль реки Чобук, а потом снова на юг к леднику Ронгбук и Джомолунгме.

– Тибетцы прямо сказали, что Бромли и этот Майер вместе направлялись к горе Эверест? – Дикон допивает виски и аккуратно ставит пустой бокал на плетеный столик рядом со своим креслом.

– Именно так, – кивает полковник Нортон. – Два других паломника – все они направлялись в монастырь Ронгбук – рассказали Хазарду и Хари Синг Тапе то же самое, когда они возвратились назад, к перевалу Панг Ла и Шекар-дзонгу. Однако они прибавили, что на следующий день после того, как Бромли и Майер покинули Тингри, туда пришли еще семь «не говорящих по-английски английских сахибов», которые тут же оставили деревню и направились на юго-восток, словно по следам Бромли.

– Очень странно, – замечает Дикон.

– Более того, – продолжает Нортон. – Хазард и Хари сами видели Бромли и Майера. И семерых людей, следовавших за ними.

– Где теперь Джон Хазард? – спрашивает Жан-Клод.

Джон Ноэл неопределенно разводит руками.

– Полагаю, где-то в Индии, делает картографические съемки для правительства.

– А Хари Синг Тапа? – интересуется Дикон.

– Тоже занимается картографическими работами в Индии, – отвечает полковник Нортон. – Но отдельно от Джона.

– Вы можете рассказать, что именно видел Хазард? – спрашивает Дикон.

Слово берет доктор Хингстон. Я чувствую, как еще сильнее напрягаются мышцы спины и шеи – несколько минут, которые согласились уделить нам эти люди, скоро истекут, а мы не получили никакой достоверной информации.

– Хазард и Хари направлялись на северо-восток и только начали подниматься по древней торговой тропе к Панг Ла, когда Хари – у него было более острое зрение – сказал, что видит две группы всадников,двигающиеся на юг. До всадников было несколько миль, но погода стояла ясная – Хазард сказал, что они могли видеть гору Эверест, курящуюся сильнее, чем когда-либо, так что облачный шлейф тянулся над вершинами миль на тридцать к востоку от нашей горы. Хазард и Хари свернули к ближайшему склону, и Джон взял полевой бинокль, чтобы рассмотреть все как следует. Дальняя группа состояла из двух человек – Джон сказал, что, вне всякого сомнения, узнал лошадь Бромли и мула, которого тот купил в Дарджилинге, но теперь у Бромли и его нового товарища были еще шесть яков – а довольно далеко от них, часах в пяти или семи езды, двигались семь человек на более крупных лошадях. Либо на настоящих верховых лошадях, либо – как назвал их Хари – этих больших лохматых монгольских пони.

– Это выглядело как преследование? – спрашивает Дикон.

– Хазарду это показалось очень странным, – говорит Нортон. – Когда они догнали нас в Дарджилинге, он рассказывал, что потом подумал, что им с Хари Синг Тапой следовало повернуть на юг и узнать, что, черт возьми, там происходит – не собирается ли Бромли и следующие за ним люди посягнуть на нашу гору. Но из-за картографических съемок Хазард и так уже отставал от нас на несколько дней. Он хотел догнать нас до прибытия в Калькутту, и в конечном итоге они с Хари повернули на север, к перевалу Панг Ла.

– Какого числа они видели всадников? – уточняет Дикон.

– Девятнадцатого июня. Всего через три дня после того, как наша группа разделилась на выходе из долины ледника Ронгбук.

– Все это очень увлекательно, – замечает Дикон, – но никак не подтверждает сообщение, что лорд Персиваль погиб под лавиной на горе Эверест. Полагаю, вы получили дополнительную информацию из какого-то другого надежного источника?

– Получили, – подтверждает Оделл. – Когда мы с Шеббером завершали нашу довольно приятную геологическую экспедицию и направлялись на север, к главному проходу на восток, то встретили трех шерпов, которые сопровождали нас на гору Эверест, опытных высокогорных носильщиков. Возможно, по экспедиции двадцать второго года вы помните одного из них, который лучше всех говорил по-английски... Иемба Чиринг, но все почему-то звали его «Ками».

– Я очень хорошо помню Камы, – говорит Дикон. – Он таскал тяжелые грузы в пятый лагерь... без кислородной маски.

– Совершенно верно, – кивает Оделл. – И он был таким же надежным во время экспедиции этого года, окончившейся так печально. Но мы с Шеббером очень удивились, когда снова повернули на северо-восток и встретили Камы и двух его не говорящих по-английски двоюродных братьев, Дасно и Нему. Они так спешили, что буквально хлестали своих маленьких тибетских лошадок... вам известно, что шерпы редко так обращаются с животными. Они вернулись на ледник Ронгбук, а теперь бежали, словно спасаясь от смерти.

– Какого числа это было? – спрашивает Дикон.

– Двадцать второго июня.

Полковник Нортон прочищает горло.

– Ками и его кузены пошли назад вместе с нами, но попросили разрешения отделиться от основной группы. Я позволил, полагая, что они самостоятельно пойдут домой. Очевидно, они собирались вернуться в базовый лагерь... а может, и в верхние лагера.

– С какой целью? – спрашивает Жан-Клод. – Могу ли я предположить... уборку мусора? Нортон хмурится.

– Вполне возможно. Хотя мы не оставили после себя ничего ценного, если не считать таковым запасы ячменя и консервов в разных лагерях.

– Впоследствии Ками убеждал меня, что они случайно оставили там какой-то религиозный талисман, – говорит Оделл. – Он подумал, что забыл талисман в базовом лагере или прикрепленным к одной из каменных стен сангха во втором лагере. Говорил, что не может без него вернуться к семье и в деревню. Я ему поверил.

– И что, по его словам, они видели? – спрашивает Дикон.

Я тайком бросаю взгляд на часы. Остается не больше трех минут, прежде чем эти уважаемые альпинисты должны будут отправиться на официальный прием, устраиваемый Королевским географическим обществом в этом же здании. Оглянувшись, я вижу, что фонари на пересечении Экзибишн-роуд и Кенсингтон-роуд уже горят. Октябрьский вечер уже опустился на город.

– Ками рассказал, что вместе с двоюродными братьями вернулся в наш старый базовый лагерь двадцатого июня, – говорит Оделл. – Они обыскали лагерь, но талисмана там не было. Однако они нашли там то, что повергло их в недоумение... семь хромых монгольских лошадей, пасущихся ниже памятной пирамиды из камней, ниже озерца из талой воды, где растет немного той жесткой травы.

– И никто не приглядывал за лошадьми? – спрашивает Дикон.

– Ни души, – подтверждает Оделл. – А чуть дальше в долине, до начала лабиринта из ледяных шпилей, они наткнулись на палатку Уимпера, принадлежавшую лорду Персивалю – ту самую, в которой он спал каждую ночь, когда мы видели его во время перехода, Ками ее сразу узнал – и двух мертвых тибетских пони. Лошади были убиты выстрелом в голову.

– Застрелены! – вырывается у Жан-Клода.

Оделл кивает.

– Ками рассказал нам, что он и его младшие братья встревожились. Нема не хотел ни идти дальше, ни оставаться рядом с мертвыми лошадьми, и поэтому Дасно повел его назад, к базовому лагерю, а Ками продолжил подъем по леднику ко второму лагерю. Он говорит, что должен был найти талисман. И еще он удивлялся и немного беспокоился за Бромли, который был добр к нему, когда приходил к нам в лагерь во время перехода.

– А он больше не видел Бромли? – спрашиваю я.

– Нет, – отвечает Оделл. – Ками нашел свой талисман – между камнями *сангха*, которую они построили во втором лагере, именно там, где и предполагал.

– Что такое *сангха*? – интересуется Жан-Клод.

Ему отвечает Дикон:

– Каменные стены, которые мы вместе с носильщиками строим в первом лагере и выше. Они окружают наши палатки и не дают вещам улететь, если поднимается ветер. Носильщики часто спят внутри *сангха*, на подстилке, под брезентовой крышей, держащейся на шесте. – Дикон поворачивается к Оделлу. – Что видел Ками?

Оделл трет щеку.

– Ками признался нам, что нужно было повернуть назад и догонять кузенов, как только он нашел талисман, но любопытство взяло верх, и он стал подниматься к третьему лагерю.

– Наверное, это было опасно – принесенный муссоном снег скрыл трещины, – говорит Жан-Клод.

– Странное дело, – замечает полковник Нортон. – Мы думали, муссон развернется во всю силу в первую неделю июня... и действительно, несколько дней перед последней попыткой Мэллори и Ирвина шли сильные снегопады. Но шестнадцатого июня, когда мы двинулись в обратный путь, муссон еще не пришел на Ронгбук – а по словам вернувшегося Ками, и двадцатого июня тоже. Немного снега, очень сильный ветер, но это не настоящий муссон. Он разыгрался только после нашего возвращения в Дарджилинг. Очень странно.

– Ками сказал, что когда он был во втором лагере, задолго до того, как преодолел последние четыре мили по леднику через поле высоких *кальгаспор*, он слышал нечто вроде грома, и этот звук доносился с верхней части горы, над Северным седлом, – говорит Оделл.

– Грома? – переспрашивает Дикон.

– Ками показалось это очень странным, – продолжает Оделл, – потому что день был ясным – яркое голубое небо, хорошо различимая снежная шапка на вершине Эвереста. Но, по его словам, звук был похож на гром.

– Лавина? – предполагает Же-Ка.

– А может, эхо от пистолетного или ружейного выстрела? – прибавил Дикон.

Нортон, похоже, удивился этому предположению, но Оделл кивает.

– Ками провел ночь на леднике, а в утреннем свете увидел новые палатки на месте нашего третьего лагеря и другие палатки на уступе Северного седла, где мы разбивали четвертый лагерь. Он также сказал, что видел три фигуры высоко на склоне горы, над тем местом, где Северо-Восточный гребень соединяется с Северным гребнем. По его словам, далеко на западе, между первой ступенью и второй ступенью... где находится валун. Этот валун формой похож на гриб. Три крошечные фигурки остановились у того камня, а потом вдруг осталась только одна фигурка. Через несколько часов он наблюдал, как люди спускались по отвесной ледяной стене Северного седла, используя веревочную лестницу, которую сплел Сэнди Ирвин. По его мнению, их было четверо или пятеро.

– Даже шерпа с его острым зрением не способен без полевого бинокля различить фигурки людей на таком расстоянии, – задумчиво произносит Дикон.

– Да, конечно, – с улыбкой говорит полковник Нортон. – Ками признался, что «позаимствовал» добрый цейссовский бинокль в одной из пустых немецких палаток третьего лагеря.

– Вы оставили веревочную лестницу Ирвина? – спрашивает Дикон Нортон. – Она все еще там, на ледяных утесах Северного седла?

– Мы собирались снять ее, поскольку она была опасной, потертой и изношенной, – отвечает полковник. – Но в конце концов выяснилось, что это слишком хлопотно, а некоторые считали, что она продержится до нашей следующей экспедиции, и мы оставили ее на месте. И, честно говоря, отчасти в память о Сэнди.

Дикон кивает.

– Я понимаю, вам уже пора, но что такого вам рассказал Ками, что заставило вас сообщить о смерти лорда Персиваля, свидетелем которой был некто Бруно Зигль из Германии?

Оделл прочищает горло.

– Ками испугался грома, но остался поблизости от третьего лагеря в этот второй день, чтобы посмотреть, что за люди спускаются с ледника – надеялся, что это Бромли, – но когда он уже отчаялся ждать и решил уйти, кто-то приказал ему остановиться – по-английски, но с сильным акцентом. У кричавшего человека в руке был пистолет. Ками считает, что это был «люгер». Ками остановился.

– Пистолет на горе Эверест, – шепчет Жан-Клод. Я слышу отвращение в его голосе. И полностью разделяю его чувства.

– По крайней мере, вот ответ на вопрос, кто застрелил пони Бромли и Майера, – предполагаю я.

Дикон качает головой.

– Животные могли охреть. Возможно, Бромли и Майер их сами застрелили, рассчитывая спуститься к Тингри или Шекар-дзонгу с яками.

– Как бы то ни было, бедняга Ками подумал, что его пристрелят за проникновение в палатку и кражу цейссовского бинокля, – продолжает Оделл. – По его словам, он надеялся лишь на то, что двоюродным братьям хватит смелости отыскать его тело и похоронить здесь же, в расселине, соблюдая установленный обряд. Но немец с «люгером» спросил по-английски – Ками довольно долго жил в Калькутте и мог узнать немецкий акцент, – кто он такой. Ками ответил, что он шерпа из экспедиции Нортон и Мэллори и что он вместе с другими вернулся забрать забытые вещи и его ждут. «Сколько вас?» – спросил немец. «Девять, – солгал Ками. – Включая двух сахибов, которые ждут в монастыре Ронгбук».

– Умный парень, – замечает Дикон.

– В любом случае, немец убрал пистолет, назвал себя европейским исследователем Бруно Зиглем, который занимается рекогносцировкой вместе с двумя товарищами – в это Ками не поверил, потому что видел семь монгольских лошадей и четыре или пять человек на веревочной лестнице Ирвина, – и что он, Зигль, видел, как двадцать часов назад Бромли и сопровождавшего его австрийца по имени Курт Майер накрыла лавина. У Ками хватило самообладания спросить, где погиб сахиб Бромли, и Зигль ответил, что это случилось на склоне горы выше четвертого лагеря, на Северном седле. Ками сказал, что очень опечален этой новостью – и действительно, он плакал в присутствии Зигля, отчасти, как он сам признался, потому что знал, что немец лжет ему насчет места гибели Бромли, и думал, что его самого, скорее всего, застрелят. Но Зигль просто махнул рукой, чтобы тот уходил, и сказал держаться подальше от Ронгбука. Ками послушался, – завершает рассказ Оделл, – и буквально съехал вниз по опасным языкам ледника, пока не догнал Нему и Дасно. Двоюродные братья принялись нахлестывать своих пони, чтобы оказаться как можно дальше оттуда, и ехали всю ночь, пока не наткнулись на нас с Шеббером, когда мы направлялись на север, к торговым путям.

– Таким образом, в нашем первом полном отчете об экспедиции в «Таймс» из Дарджилинга мы высказали предположение о несчастном случае и гибели Бромли, – говорит полковник Нортон. – Не прошло и двух дней, как мы сели на поезд и отбыли в Калькутту, в Дарджилинге объявился сам Зигль и телеграфировал свою версию гибели Бромли немецкой «Фёлькишер Беобахтер».

– Это одна из правых газет, так? – спрашивает Жан-Клод.

– Да, – отвечает Говард Сомервелл. – Газета национал-социалистической партии. Но Зигль – известный немецкий альпинист, и историю почти сразу перепечатал «Шпигель», потом «Берлинер тагеблатт» и «Франкфуртер цайтунг». Рассказ Зигля был практически дословно повторен «Таймс» меньше чем через день после нашего первого, краткого сообщения – и включен в наш отчет, хотя, честно говоря, это мне не очень нравится.

Нортон и остальные кивают.

– Но у вас есть свидетельства Хазарда, Хари Синг Тапы, тибетских паломников и Ками, которые подтверждают, что Бромли дошел до Эвереста и начал восхождение, – отвечает Дикон. – Вряд ли я могу дать какую-то надежду или утешить леди Бромли, предположив, что сообщения о его исчезновении на горе – это ошибка.

– Вероятно, – говорит Говард Сомервелл, – но все это чертовски странно. Оставляет неприятный осадок, не так ли? Мы все знаем Бруно Зигля – он уже много лет является известным немецким альпинистом, но, насколько я знаю, никогда не был исследователем. А как насчет Курта Майера? Почему Бромли выбрал именно этого немца или австрийца для попытки покорения Эвереста, даже первого этапа?

Полковник Нортон пожимает плечами.

– Альпийский клуб связался с немецкими и австрийскими клубами альпинистов, но они сообщили, что в их списках нет человека по имени Курт Майер. Это странно.

Затем мы жмем друг другу руки, и прощание выглядит гораздо сердечнее, чем знакомство.

Снаружи северный ветер дует поперек широкой улицы от Кенсингтонского сада. Он несет с собой аромат зелени и еще не увядших цветов, но его перебивает более резкий, печальный запах опавших, гниющих листьев. Не очень приятный запах осенней смерти. Облака низко нависают над городом, и я чувствую, что скоро пойдет дождь.

– Нам лучше взять кеб, – говорит Дикон.

Всю дорогу до гостиницы никто из нас не произносит ни слова.

Дурацкое место, чтобы оставлять трубку.

* * *

После октябрьских поминальных служб, отчетов Альпийского клуба и нашего разговора с Нортоном, Сомервеллом, Ноэлом, Оделлом и Хингстоном, но еще до нашей ноябрьской поездки в Мюнхен мы с Жан-Клодом выражаем желание начинать сборы на Эверест. Дикон нас отговаривает. Говорит, что, прежде чем планировать снаряжение и логистику для такой экспедиции, нужно сделать две вещи.

Во-первых, утверждает он, мы должны как можно больше узнать о Джордже Мэллори – нечто важное о трудной задаче восхождения на Эверест, которая стоит перед нами, – а для этого нужно поехать в Уэльс. (Я ничего не знаю об Уэльсе, за исключением того, что у них в языке нет гласных. Неужели всех гласных?.. Ничего, скоро выясню.)

До нашей с Диконом поездки в Германию остается еще несколько недель. Он договорился о встрече с Бруно Зиглем в Мюнхене в ноябре. Тем временем Дикон напомнил мне, что во время войны Жан-Клод потерял не только всех трех старших братьев, но также двух дядек и несколько других родственников мужского пола.

Узнав об этом, я удивился, что Же-Ка принимает немецких клиентов в качестве гида Шамони и, по словам Дикона, относится к ним с такой же заботой, вниманием и терпением, как к французам, итальянцам, британцам, американцам и другим клиентам.

Но в ноябре нас ждет поездка в Мюнхен.

– Во-первых, – говорит Дикон, после того как мы заполняем большую часть заднего сиденья и весь багажник рюкзаками и альпинистским снаряжением, в том числе большим количеством дорогой новой веревки, которую изобрел сам Дикон – «волшебной веревки Дикона», как мы с Же-Ка ее называем; сочетание разных материалов в ней обеспечивает гораздо большую прочность на разрыв, чем у легко рвущейся альпинистской веревки, которую мы использовали в Альпах, и, как я полагаю, что все это поедет с нами на Эверест, – мы едем в Пен-и-Пасс.

– Пенни Пасс?¹⁵ – переспрашиваю я, хотя он произнес название явно иначе. – Похоже на какое-то место из вестерна с Томом Миксом.

Дикон не отвечает, а молча заводит двигатель и везет нас из города на запад, в Уэльс.

Выясняется, что Пен-и-Пасс – это район высоких утесов и вертикальных каменных плит в окрестностях горы Сноудон на севере Уэльса. Мы проезжаем гостиницу, расположенную в верхней точке перевала, которая, по словам Дикона, использовалась многими группами на заре британского альпинизма. Многие из этих групп привозил сюда выдающийся скалолаз своего времени, старший товарищ Мэллори, Джеффри Уинтроп Янг, с которым Мэллори познакомился в 1909 году.

¹⁵ Грошовый проход (анг.).

Я бы не отказался от плотного ланча и пинты пива в гостинице, но мы едем дальше. В рюкзаках у нас есть сэндвичи и вода, но я втайне надеюсь на что-нибудь более питательное.

Прямо у самой грунтовой дороги, по которой мы едем уже целый час, видны многочисленные утесы, прекрасно подходящие для скалолазания, но Дикон едет мимо, пока в какой-то невероятной глуши не останавливает нашу машину с открытым верхом и говорит:

– Забирайте свои рюкзаки и все снаряжение из багажника, парни. И свяжите все покрепче. Нас ждет долгий переход.

Так и есть. Больше двух часов по пересеченной местности, прежде чем мы добираемся до выбранного им утеса. (Не помню, как он назывался, то ли Лливедд, то ли Ллехог, но это был большой утес, вертикальная стена футов 400 с нависающим карнизом во всю ширину приблизительно в 50 футах от вершины.) Нам дают понять, что Дикон взбирался на него до войны с Мэллори, его женой, Клодом Эллиотом, Дэвидом Паем, превосходным скалолазом Гарольдом Портером – который в 1911 году первым покорил многие из этих утесов и проложил новые маршруты, – а также Зигфридом Херфордом, лучшим альпинистом того времени и, возможно, самым близким другом Мэллори.

Мы с Жан-Клодом готовы сесть, изучить поверхность утеса – должен признаться, устрашающую – и съесть свой жалкий ланч, но Дикон настаивает, чтобы мы потерпели и прошли чуть дальше.

К нашему удивлению, он ведет нас вокруг массивного утеса к обратной стороне, по которой подняться на вершину – детская забава. Нужно просто карабкаться на разбросанные в беспорядке камни и пологие выступы. Так мы и поступаем, и это меня раздражает. Я очень не люблю легкие пути к вершине, даже если это лучший способ разведки вертикальной скальной стены. Многие великие скалолазы так и делали, даже спускались на веревке вниз, чтобы все проверить, прежде чем начать восхождение – хотя Дикон рассказывает нам, что Мэллори после разведывательного спуска позволил идти первым своему тогдашнему партнеру, Гарольду Портеру.

Дикон не разрешает нам поесть даже после того, как мы затащили все наши вещи на вершину утеса. Выясняется, что узкий пятачок вершины практически бесполезен для разведки, поскольку обзор заслоняет карниз в 40 или 50 футах ниже.

– Страхуй, – говорит Дикон и протягивает мне одну из длинных бухт веревки, которую мы послушно притащили с собой на вершину. Выбор меня в качестве страхующего вполне логичен – я самый тяжелый, высокий и, вероятно, сильный из нас троих, а страховать с этого места задача не из легких, – но мое раздражение не проходит. Я не хочу впустую тратить силы, которые понадобятся для подъема на скалу – по всей видимости, именно это Дикон и планирует.

К счастью, вдоль края вершины тянется каменный гребень, в который я мог надежно упереть обе ноги, что уменьшало опасность скольжения и повышало надежность моей одиночной страховки. Я чувствую, как стоящий позади меня Жан-Клод берет конец веревки, хотя если мы с Диконом сорвемся, вероятность того, что маленький и легкий Же-Ка остановит падение, практически равна нулю. Он просто упадет вместе с нами с высоты 300 футов.

Невозмутимо посасывая трубку, Дикон начинает спускаться по веревке спиной вперед и исчезает из поля зрения за краем скалы. Он спускается быстро, каждым прыжком преодолевая восемь или десять футов, и веревка сильно натягивается. Я напрягаюсь в классической для страховки позе, когда веревка перекинута через плечо, и радуюсь трещине на вершине вертикального утеса, в которую можно упереться каблуками ботинок.

Не выпуская из рук движущийся конец веревки, Жан-Клод подходит к краю пропасти, наклоняется, смотрит вниз и сообщает:

– Его теперь не видно за краем выступа.

Натяжение веревки внезапно ослабевает. Дикон по-прежнему движется – я чувствую, как выбирается веревка, – но движется горизонтально, вдоль какого-то карниза, и полноценная страховка ему не нужна. Потом веревка останавливается. Я остаюсь на месте, а Жан-Клод наклоняется еще дальше и говорит:

– Над выступом поднимается дым. Черт возьми, Дикон сидит на каком-то карнизе и курит свою трубку.

– А я тем временем умираю от голода.

– Я хочу выпить вина, которое захватил с собой, – говорит Жан-Клод. – Это совсем не интересно. Какое отношение имеет скалолазание к подъему на Эверест – независимо от подвигов Мэллори и Дикона на этих дурацких скалах еще до войны? Гора Эверест – это не голые скалы, а снег и лед, ледники и расщелины, ледяные стены, высокие гребни и крутые ледяные поля. Поездка в Уэльс – пустая трата времени.

Словно услышав нас, Дикон дергает за веревку, и я возвращаюсь к страховке, отклонившись назад, чтобы принять на себя его вес – слава Богу, не очень большой, поскольку он худой, как Шерлок Холмс, – когда он начинает подниматься на выступ и преодолевать около 50 футов, отделяющих его от вершины. При подъеме он тоже отклоняется назад, держа тело почти горизонтально.

Наконец Дикон переступает через край площадки на вершине скалы и оказывается рядом с нами, развязывает узлы страховочной веревки и, уже не посасывая свою чертову трубку, которую, должно быть, теперь сунул в карман рубашки, говорит:

– Давайте перекусим, а потом спустимся и займемся тем, для чего приехали.

– Я хочу, чтобы вы вдвоем поднялись наверх, – говорит Дикон, и мы с Же-Ка смотрим на устрашающую вертикальную стену утеса.

– На вершину? – спрашивает Жан-Клод и опускает взгляд на груды веревок, карабинов, крюков и другого снаряжения, которое мы тащили в такую даль. Для надежного закрепления потребуется вбивать крюки – как делают немцы, – а также использовать стремена и нечто вроде подвесной веревочной лестницы, чтобы повиснуть под этим громадным карнизом, а затем с помощью узлов Прусика постепенно перемещаться вверх, пытаясь найти опору для рук или прижимаясь всем телом к широкой кромке, чтобы перебраться через нее.

Дикон качает головой.

– Только до того места, где я забыл трубку, – говорит он и указывает на поросший травой карниз приблизительно в трех четвертях пути до вершины, прямо под нависающим выступом. – Я хочу ее вернуть.

Нас с Же-Ка так и подмывает сказать: «Тогда лезь за ней сам», – но мы молчим. Это должно иметь какое-то отношение к Мэллори и к нашей попытке покорить Эверест.

– И никакого железа, – прибавляет Дикон. – Только вы двое, веревки и, если хотите, ледорубы.

Ледорубы? Мы с Жан-Клодом снова обмениваемся тревожными взглядами и смотрим на вертикальную стену.

Карниз с травой, на котором Дикон оставил свою проклятую трубку, находится на высоте около 250 футов, прикрытый нависающим выступом, но достаточно широкий, чтобы на него можно было сесть, свесить ноги, закурить и любоваться окрестными видами с высоты 25-этажного дома. Именно так и поступил Дикон.

Ему понадобилось пару минут, чтобы спуститься на этот карниз по веревке с вершины утеса, включая не самый простой участок с нависающим выступом. Но взобраться на него отсюда?..

Утес относится к той категории почти непреодолимых препятствий, которые заставляют даже самых сдержанных альпинистов использовать цветистые выражения.

– Я знаю, – говорит Дикон, словно читая наши мысли. – Страшная, зараза.

Скала ниже поросшего травой карниза, шириной от 50 до 75 футов и даже больше, представляет собой громадную, гладкую, крутую каменную выпуклость – словно брюхо гигантской свиноматки или полностью опустившегося бывшего профессионального боксера. Я хороший скалолаз – начинал с бесчисленных скал в Массачусетсе и других местах, а затем использовал полученные навыки в горах Колорадо и Аляски. И я считал, что могу забраться практически на любую скалу, которую вообще можно преодолеть.

Однако эта проклятая каменная стена под карнизом с травой просто непреодолима. По крайней мере, по стандартам 1924 года – с теми возможностями и снаряжением. (Наверное, это под силу немцам со всем их железом – карабинами, крюками и прочим, что мы притащили с собой, – но Дикон запретил нам использовать при подъеме это тевтонское снаряжение.) Я не вижу ни выступов, ни трещин, чтобы ухватиться за них пальцами или использовать как опору для ног. Гладкое свиное брюхо выдается далеко вперед, а затем спускается к тому месту, где мы стоим. Удержать скалолаза на подобной вертикальной стене (над похожим на живот выступом) может только скорость и сила трения – иногда для этого требуется прижиматься к скале всем телом, включая ладони, щеку и туловище, пытаюсь слиться с камнем, чтобы не соскользнуть с высоты 200 футов навстречу смерти. Но в нижней трети этого выпуклого свиного брюха не может быть никакой речи о трении – придется висеть почти горизонтально, без каких-либо опор, не говоря уже о крюках. Падение неизбежно. Но если бы даже нам было позволено пользоваться крюками, я не вижу на этой сплошной гранитной глыбе трещин, расселин или участков мягкой породы, куда их можно было бы вбить.

Итак, придется попрощаться с *direttissima*¹⁶ маршрутом – прямым путем к поросшему травой карнизу, на котором лежит трубка Дикона. Это исключено.

Значит, остается трещина, которая проходит футах в 50 справа от карниза и поднимается до высоты 250 футов.

Мы с Жан-Клодом подходим к основанию скалы и смотрим вверх. Нам приходится отклониться назад, чтобы увидеть, как трещина постепенно сужается и исчезает у большого нависающего выступа.

Первые футов 30 подъема будут относительно легкими – эрозия привела к образованию валунов, камней и выступов на этом первом коротком участке, – но дальше идет только узкая трещина, и можно лишь надеяться на опоры для рук и ног, которых отсюда не видно.

– Ненавижу карабкаться по долбаным трещинам, – бормочет Жан-Клод.

Я потрясен. До этой секунды я ни разу не слышал от своих товарищей ни настоящих ругательств, ни подобных грубостей. Вероятно, думаю я, Жан-Клод не до конца понимает, что в английском языке это слово считается неприличным.

Но при взгляде на него становится ясно, что Жан-Клоду такие упражнения явно не по душе. Больше 200 футов нам придется втискивать ладони, ободранные предплечья, окровавленные пальцы и носки ботинок в неуклонно сужающуюся извилистую трещину. Сомневаюсь, что на этой жалкой маленькой трещине найдется хотя бы полдюжины точек страховки – и по-прежнему не вижу надежных опор для рук и ног по обе стороны от нее.

– Ты пойдешь первым, Джейк, – говорит Жан-Клод; он не спрашивает, а утверждает. Не имеющий себе равных на снегу и льду, превосходно себя чувствующий на высокогорных хребтах и каменных стенах, молодой талантливый альпинист просто не любит эту разновидность скалолазания.

– Стоит ли нам связываться? – спрашивает он.

Я снова смотрю на поверхность скалы и трещину – от поросшего травой карниза с оставленной трубкой ее отделяют 50 футов, и из верхней точки придется перемещаться горизон-

¹⁶ Кратчайший (*utm.*).

тально, если это вообще возможно, – и задумываюсь над вопросом. Точек страховки практически нет, и поэтому если один из нас сорвется, то шансов на то, что второй его удержит, почти или совсем нет.

Но даже маленький шанс лучше, чем никакого.

– Да, – отвечаю я. – Десяти метров веревки будет достаточно.

Жан-Клод стонет. Такая короткая связка слегка повышает шансы удержать сорвавшегося товарища – поскольку если ведущий, то есть я, упадет, то страхующему (Же-Ка) придется иметь дело с инерцией 60-футового падения, а при падении второго, Жан-Клода, на ведущего придется меньшая нагрузка (если у меня найдется надежная опора). Но короткая веревка означает замедление подъема, поскольку каждый будет страховать товарища. Неуверенный, медленный, опасный подъем – противоположность качественной, скоростной работе на скале.

– Но нам придется тащить с собой чертову уйму веревки, – прибавляю я. – Чтобы спуститься с карниза с трубкой. Не хочу ползти вниз по этой проклятой скале.

Жан-Клод сердито смотрит на почти невидимый «карниз с трубкой» почти в 250 футах над нами, потом переводит взгляд на Дикона и говорит:

– Это *много* веревки для полного спуска.

– Мы сделаем это в два этапа, Же-Ка, – говорю я с большим вдохновением и уверенностью, чем чувствую. – Где-то посередине трещины или чуть ниже должна найтись точка страховки, и ведущий спустится к ней по веревке, а оттуда организует вторую часть спуска. Проще простого.

В ответ Жан-Клод снова стонет.

Я поворачиваюсь к Дикону и обнаруживаю, что мой тон не менее сердитый, чем взгляд Же-Ка, которым он сверлит нашего «лидера».

– Полагаю, ты объяснишь нам, какое отношение этот дурацкий и опасный подъем за трубкой имеет к Мэллори и нашей попытке покорения Эвереста.

– Я все объясню после того, как вы вернете мне трубку, парни, – говорит Дикон тем высокомерным британским тоном, от которого у американцев начинают чесаться кулаки.

Мы с Жан-Клодом садимся, прислонившись спиной к скале, и начинаем сматывать дополнительную веревку – нам понадобится много веревки, обмотанной вокруг туловища, – и опустошать рюкзаки, чтобы взять с собой еще. Я беру рюкзак, в основном для ледоруба, который мне, возможно, придется использовать, хотя Жан-Клод полагает это сумасшествием – тащить его с собой по этой каменной громадине без льда и снега.

Он в изумлении – явно не сомневаясь в моем безумии – смотрит, как я снимаю альпинистские ботинки и надеваю старенькие кеды, которые привез с собой в рюкзаке, с дырками от многолетних занятий теннисом на летних грунтовых кортах в подготовительной школе и колледже. Мне понятно изумление моего французского друга. Подъем по трещине требует самых тяжелых и самых жестких альпинистских ботинок, которые только можно найти: вдавливаешь носок этого альпинистского ботинка в малейший выступ или площадку, и жесткая подошва удерживает тебя, пока ты ищешь следующую опору. Мои теннисные туфли гарантируют лишь то, что после этого подъема ноги будут точно так же сбиты в кровь, как и голые руки.

Но я думаю лишь о 50-футовом траверсе к карнизу с трубкой – по гладкой округлости свиного брюха 250-футовой скалы, на которой, похоже, не за что зацепиться. На такой поверхности я всегда использовал самую мягкую обувь, которая была под рукой – американский аналог туфель с рифленой подошвой, которые новое поколение немецких скалолазов называет *Kletterschuhe*. Сегодня это мои старые, дырявые теннисные туфли.

Мы с Жан-Клодом связываемся веревкой и начинаем подъем. Вскоре уже приходится пользоваться трещиной, и она оказывается еще уже, чем я думал. Мои руки – огрубевшие и покрытые мозолями, приспособленные для такой работы на скале – сильно кровоточат уже к

концу первой веревки. На теннисных туфлях прибавилось дыр, ноги у меня тоже в синяках и кровоподтеках.

Но мы находим свой ритм – и вскоре поднимаемся максимально быстро, насколько позволяют частые паузы для организации страховки. Жан-Клод выискивает невероятные места, куда я вдавливаю руки или ставлю ноги, и следует за мной; вскоре мы уже довольно спорно поднимаемся по скале. Только редкие проклятия – на американском английском и более эмоциональном французском – срываются вниз и летят к Дикону, который сидит, прислонившись к дереву, и время от времени поглядывает на нас.

Когда мы поднимаемся по скале на три веревки и примерно на 100 футов, на поверхность всплывает мысль, все время присутствовавшая в моем подсознании: большинство скалолазов предпочитают утесы и скальные стены рядом с дорогой. Падение с вертикальной стены может иметь ужасные последствия, и если пострадавший выживет, но лишится возможности передвигаться из-за сломанных конечностей или травмы позвоночника, то его нужно как можно скорее доставить в медицинское учреждение – если его вообще можно перемещать – или привезти врача, если раненого нельзя двигать, не рискуя сломать ему позвоночник или шею. Двухчасовой переход до этой скалы и невозможность доехать сюда по камням на машине или даже конной повозке показывают, что Мэллори, Дикон, Гарольд Портер, Зигфрид Херфорд и остальные, покоряя эту скалу до войны, демонстрировали необыкновенную уверенность в себе и смелость. А может, высокомерие и глупость.

«Нужно поговорить о подобном высокомерии и глупости других людей», – думаю я, напрягаю свою истерзанную, кровоточащую ладонь, снова превращая ее в клин, который просовываю в трещину так высоко, как только могу достать. Затем, не имея опоры для ног, начинаю подтягиваться.

Когда я нахожу в трещине выступы, на которые можно поставить хотя бы одну из моих рваных теннисных туфель, и зацепку для хотя бы одной руки, более надежную, чем держащийся силой трения клин, то кричу: «Страхую!» – и жду, пока Жан-Клод не преодолеет десять метров или около того, и его голова не окажется под моей свободно болтающейся ногой.

Поднявшись по скале футов на 200, мы останавливаемся, чтобы отдышаться – если долго висеть на таких ненадежных опорах, то устаешь еще больше, но нам нужен перерыв хотя бы на несколько секунд, – и Жан-Клод говорит:

– *Mon ami*, этот подъем – *merde*.

– *Oui*, – соглашаюсь я, используя половину своих знаний разговорного французского. Возможно, мизинец моей левой руки сломан – по крайней мере, у меня такое ощущение, – и это не предвещает ничего хорошего в свете нашей попытки покорения Эвереста, даже с учетом того, что до этой попытки еще восемь месяцев.

– Жан-Клод, – кричу я вниз, – мы должны добраться до самого конца чертовой трещины, чтобы иметь хоть какой-то шанс на траверс. До самого нависающего выступа.

– Знаю, Джейк. Тебе предстоит нечто среднее между свободным восхождением и скольжением вниз к карнизу с трубкой. Почти двадцать метров по тому плохому участку почти вертикальной скалы. Мы свяжемся дополнительной веревкой – если сможем найти для меня точку страховки, – но если хочешь знать мое мнение, я не верю, что это возможно. Когда ты сорвешься со стены, то выдернешь меня из трещины, как пробку из бутылки.

– Спасибо за красочную картину и за поддержку, – бормочу я и уже громче команду: – Вперед!

Потом как можно глубже втискиваю разбитую левую руку в трехдюймовую трещину над моей головой и, повиснув на ней всей тяжестью, ищу очередной выступ, за который можно зацепиться или в который можно упереться моей теннисной туфлей.

Мы всем телом прижимаемся к скале прямо под нависающим выступом толщиной в шесть футов, как будто этот каменный потолок может сорвать нас с ненадежных опор в последних жалких остатках трещины, теперь почти горизонтальной. Вид с высоты двадцать пятого этажа великолепен, но у нас нет времени оценить его, а также отвлекаться от своих жалких опор. Поскольку мы находимся всего в 40 футах или чуть выше заросшего травой карниза – кажется, что до него почти полмили гладкой выпуклости практически вертикальной скалы, – запланированное заторможенное скольжение будет сложнее, чем я надеялся.

Осторожно, одной рукой, я вытаскиваю из рюкзака до сих пор не пригодившийся ледоруб и как можно глубже втыкаю длинный изогнутый клюв в трещину. К счастью, трещина ныряет вниз, а затем вверх в виде буквы «V». Затем я отпускаю другую руку и переношу вес тела на ледоруб. Изгиб щели точно совпадает с формой острого клюва.

Ледоруб держит, но я не могу быть абсолютно уверен – хотя, честно говоря, очень на это надеюсь, – что он выдержит слишком долго.

– Вот твоя точка страховки, – говорю я Жан-Клоду, который приблизился ко мне справа вдоль сужающейся трещины и теперь находится впереди меня, и мы впервые за все время подъема оказываемся лицом к лицу.

– Висеть. На твоём ледорубе, – без всякого выражения говорит Жан-Клод.

– Да. Упираясь левым ботинком в эту часть вертикальной трещины, которая только что порвала верх моей теннисной туфли.

– Длины моих ног не хватит, чтобы достать до трещины, вися на твоём ледорубе. – Голос Жан-Клода все так же бесстрашен. Этот подъем уже отнял у нас почти все силы. В глубине души я понимаю, что Же-Ка предпочел бы свободное восхождение на непреодолимый нависающий выступ, а не помощь мне в попытке добраться до проклятого карниза с трубкой.

– Вытяни одну ногу, – говорю я и протягиваю ему конец второй 50-футовой бухты веревки, которую втащил на скалу. Жан-Клод лучше меня вяжет узлы.

Теперь мы готовы и привязаны к новой веревке. Длина привязи между нами 80 футов. Именно столько нужно для той голой скалы, которую я собираюсь преодолеть – 60 футов до карниза и еще запас для вертикального перемещения, – но это означает, что Же-Ка остановит меня только после 80-футового падения. Я смотрю на его позу. Он вытянул левую ногу, но висит почти горизонтально; одна нога упирается в край щели чуть выше того места, где была моя, левая ладонь сжимает ледоруб, а правое предплечье (на него приходится почти весь вес тела) упирается в трехдюймовый выступ, который Жан-Клод нашел ниже трещины.

Я вспоминаю картину, которую он нарисовал: если я сорвусь, то выдерну его с ненадежной позиции, как пробку из бутылки – а в данном случае и того хуже: он вылетит, подобно пробке из шампанского.

Но если я собираюсь страховать его, когда доберусь до карниза, то мы должны быть связаны. Мне кажется, будь я на месте Жан-Клода, в свободную правую руку я бы взял раскрытый нож, чтобы в случае моего падения перерезать веревку раньше, чем она натянется. Возможно, он так и сделал – его правую руку заслоняет от меня скала.

– О'кей, – говорю я. – Была не была.

Обычно Дикону и Жан-Клоду нравятся мои американизмы, но на этот раз я стараюсь зря: Дикон, похоже, дремлет в 250 футах под нами, прислонившись спиной к теплой скале и надвинув на глаза фетровую шляпу, а Жан-Клод не в том настроении, чтобы реагировать на мой жаргон.

Я перемещаюсь с трещины на гладкую, почти вертикальную поверхность скалы. Потом сползаю вниз, но всего на один или два фута, прежде чем сила трения останавливает меня. Всем телом – рубашкой, лицом, животом, бедрами и изо всех сил напряженными лодыжками – я прижимаюсь к скале, чтобы усилить трение, которое по большей части обеспечивается

носками теннисных туфель, согнутых почти под прямым углом к остальной части туфель и ступням. Ощущение не очень приятное, но все же лучше, чем падать 250 футов.

Оставаться на месте мне нельзя. Я начинаю соскальзывать, одновременно сдвигаясь влево к проклятому карнизу, от которого меня отделяет приблизительно 25 футов по вертикали и 60 футов по горизонтали.

Мои пальцы ищут, за что зацепиться, но поверхность скалы просто неприлично гладкая. Я продолжаю двигаться влево, удерживаясь на почти вертикальном утесе только трением и скоростью. Если ты достаточно быстр, иногда гравитация замечает тебя не сразу. 80 процентов работы приходится на мои теннисные туфли, удерживающие меня на свином брюхе выпуклой скалы.

Это непросто – ползти влево, словно краб, и одновременно стравливать для Жан-Клода веревку. Большая ее часть лежит у меня в рюкзаке, который пытается сбросить меня со скалы весом дополнительной веревки и еще нескольких мелочей, но остальную мне пришлось намотать на правое плечо, откуда ее легче подавать Жан-Клоду. Сама бухта веревки не дает прижаться к скале, уменьшая трение, и когда я снимаю с плеча очередное кольцо, то каждый раз сползаю чуть ниже, пока снова не прижимаю ладони, пальцы и предплечья к скале.

Преодолев чуть больше половины пути до карниза, где лежит трубка, я соскальзываю. Мое тело просто не держится на гладком, как стекло, участке громадной скалы.

Я отчаянно пытаюсь остановиться, цепляясь пальцами за каждый выступ, каждую шероховатость, каждую неровность скалы, но все равно сползаю вниз, сначала медленно, но затем все быстрее и быстрее. Я уже ниже уровня карниза с трубкой Дикона, который все еще далеко от меня, и соскальзываю к тому участку, который закругляется вниз, так что его можно назвать обрывом. Если я сорвусь, то рухну прямо к ногам дремлющего Дикона. И поташу за собой Же-Ка, если он не догадается перерезать веревку ножом. Думаю, я должен крикнуть ему, чтобы он это сделал – он всего лишь в 40 футах от меня, ерзает в неудобном положении, пытаюсь перенести вес тела на правое предплечье, упирающееся в узкий выступ, – но времени у меня нет. Если перережет, то перережет. Если нет, то умрет вместе со мной. На решение остаются секунды.

Меня ведет влево, и через несколько мгновений я уже переворачиваюсь головой вниз, по-прежнему распластанный на скале; лицо и верхняя половина туловища расцарапаны до крови о скалу, внезапно ставшую шероховатой.

Шероховатой.

Мои окровавленные пальцы превращаются в когти, пытаются найти достаточно большой выступ, чтобы остановить ускоряющееся падение, а затем перевернуть меня. Я теряю один или два ногтя, но это не останавливает и не замедляет скольжение – положение вниз головой еще больше осложняет дело.

Я уже в 20 метрах ниже поверхности своего траверса, а скорость все увеличивается – веревка еще не натянулась, и остатки ее слетают с моего плеча к Жан-Клоду, и когда дело дойдет до 40 футов в моем рюкзаке, я уже перелечу через край, всего в нескольких метрах от меня, и буду падать вниз.

Внезапно носок моей правой туфли находит среди неровностей скалы глубокую выемку прямо над обрывом, и я резко останавливаюсь.

Уф!

Рюкзак пытается перелететь через мою голову, но не сбрасывает меня вниз.

Долгие несколько секунд – а может, часов – я вишу головой вниз, по-прежнему распластавшись на скале; кровь из ладоней и расцарапанной щеки стекает на скалу подо мной. Затем я начинаю медленный процесс принятия решения – как перевернуться головой вверх, держась только на одном носке теннисной туфли, и что делать дальше.

Первая часть задачи имеет одно реальное решение, и оно мне не нравится. Удерживаясь на месте носком одной ноги, я должен изогнуться в виде буквы «U», насколько это возможно, вытянув вверх руки и окровавленные пальцы, и ухватиться за этот выступ, прежде чем неудобная поза вырвет носок моей туфли из углубления, и мы с Же-Ка полетим вниз. Движение должно быть точным, поскольку когда моя нога освободится, я снова начну соскальзывать.

Не очень изящный кульбит, по любым меркам. Меня охватывает странное чувство – я радуюсь, что Дикон, сидящий в 200 футах подо мной, не видит меня в эти мгновения, которые могут стать для меня последними.

Я вишу вниз головой, и это отнимает силы и мешает ясно мыслить – из-за прилива крови к голове, – и чем больше я об этом думаю, тем больше слабею. Носок правой туфли может сорваться в любую секунду.

Используя шероховатости скалы как опору для пальцев, я изо всех сил выгибаюсь вправо и поднимаю туловище, складываясь пополам. Носок теннисной туфли срывается раньше, чем я рассчитывал, и мои ноги начинают скользить вниз, к обрыву, но инерция поворота помогает мне вытянуться и достать до углубления, где раньше была моя нога.

Слава богу, это не просто узкая складка, а настоящая трещина, достаточно глубокая, чтобы просунуть обе ладони, и теперь я вишу головой вверх, и даже мои ноги нащупали опору на неровной скале в том месте, где несколько секунд назад была моя голова. Я вижу, что эта трещина – примерно шесть дюймов шириной и не меньше восемнадцати дюймов глубиной – тянется влево до участка скалы под карнизом, футах в 25 ниже. В самом конце горизонтальная трещина даже загибается вверх, приближаясь к карнизу с трубкой Дикона.

До меня доносится крик Жан-Клода, скрытого изгибом скалы:

– Джейк! Джейк?

– Я в порядке! – кричу я в ответ как можно громче. Мой голос эхом отражается от соседних скал.

В порядке? Я могу ползти влево, переставляя руки в трещине, но для скалолаза это не лучший выход.

Я внимательно изучаю скалу и нахожу над трещиной выступы, за которые можно ухватиться пальцами. Оставив левую руку в трещине, чтобы в случае неудачи остановить падение, протягиваю правую руку к одной из складок. Длины руки не хватает, и мне приходится помогать себе коленями и носками теннисных туфель, карабкаясь вверх, как персонаж одного из тех новых американских короткометражек Диснея, в которых роли героев «Алисы в Стране чудес» исполняют актеры и неуклюжие рисованные фигурки. В данном случае неуклюжая рисованная фигурка с гибкими ногами без суставов и нелепыми разлапистыми ступнями – это я.

Нащупав опору для руки, которая оказывается вполне приемлемой, я бросаю тело влево и вверх – это опасно, но скорость и трение должны на какое-то время пересилить гравитацию и помочь мне переползти выше трещины.

Получается. Теперь мои ноги в трещине, и, чтобы двигаться влево, нужно лишь медленно перемещать их. Надежной расселины или выступа, за которые можно зацепиться руками, у меня нет, но тут помогает контакт верхней части тела со скалой. Мне ничто не мешает, и через несколько минут я уже в верхней точке трещины, которую от того проклятого карниза с трубкой Дикона отделяет 15 футов гладкой скалы.

Я смотрю вверх. Мне не хочется убирать ноги из этой спасительной трещины. Не хочется снова прижиматься всем телом к камню, надеясь на удачу. Длинная веревка к Жан-Клоду тянется вправо и исчезает из виду. Выпуклость скалы скрывает Же-Ка от меня.

Мало-помалу ко мне возвращается уверенность. Я учился карабкаться на скалы в Массачусетсе и в Новой Англии, потом дважды в Скалистых горах и один раз во время летней экспедиции на Аляску. После двух лет тренировок с моими товарищами из Гарварда я стал лучшим скалолазом группы.

Какие-то вшивые 15 футов гладкой скалы. Давай, Джейк, – чистой вертикальной инерции, коленей, носков теннисных туфель и, если понадобится, зубов должно быть достаточно, чтобы продержаться на одном месте три секунды и подняться на эти 15 футов.

Я тянусь вверх, широко раскинув руки, вытаскиваю ноги из спасительной трещины и начинаю ползти, карабкаться вверх.

На краю карниза у меня заканчиваются силы, и я вынужден сделать паузу и висеть на руках несколько секунд, прежде чем подтянуться и перебросить тело через край, на мягкую траву.

Чертов Дикон. Он рисковал нашими с Жан-Клодом жизнями ради... чего?

Его проклятая трубка лежит на траве футах в десяти справа от меня. Я встаю и окидываю взглядом действительно впечатляющий вид, которым любовался Дикон, с моей помощью спустившись сюда на веревке. На карнизе есть также тонкий камень, загибающийся назад и вверх, который прекрасно подходит для крепления веревки для спуска. Я накидываю на него веревку, делаю несколько оборотов, смещаюсь влево и машу Жан-Клоду, который вернулся к вертикальной трещине, и мой ледоруб теперь у него под ногой. Новая позиция для страховки – с одной рукой глубоко в трещине, балансируя на изогнутой стали ледоруба, – могла бы остановить меня, сорвись я с обрыва.

Возможно.

Скорее всего, нет.

Несколько секунд я пытаюсь восстановить дыхание, затем кричу:

– Готов! Страхую!

Отвечает мне только эхо.

Же-Ка предстоит непростая задача – оставить узкую полоску моего ледоруба, потом спуститься по вертикальной трещине под него, выдернуть ледоруб и вставить в петлю в своем рюкзаке.

Затем он машет мне – расстояние между нами кажется странно большим, – криком предупреждает меня и выходит на поверхность скалы.

Жан-Клод срывается после третьего участка траверса. Начинает сползать, как я, но натянутая между нами веревка не позволяет ему перевернуться головой вниз, когда он скользит к обрыву и падению в пропасть.

Но этого не произойдет. Между нами теперь меньше 40 метров веревки, и я упираюсь ногой в камень, чтобы увеличить рычаг и без труда удержать его на страховке, которую я организовал, обмотав веревку вокруг невысокого остроконечного камня за моей спиной. Веревка растреплется, когда мы будем поднимать Жан-Клода, но с этим ничего не поделаешь. Мы тщательно проверим ее и при необходимости используем для спуска другую.

Жан-Клод не пытается остановить падение самостоятельно – бережет пальцы, ногти и колени, – а просто раскачивается внизу, описывая широкую дугу, и возвращается к поверхности скалы прямо подо мной.

Затем он подтягивается, пока подошвы его ботинок не упрутся в поверхность скалы, и я напрягаюсь, несмотря на страховку в виде камня у меня за спиной. Же-Ка начинает карабкаться вверх – с единственной опорой из натянутой, истрепанной веревки, – и я страхую его так быстро, как только могу, чтобы веревка не терлась о скалу дольше, чем необходимо. У нас хорошая пеньковая веревка, самая дорогая из тех, что смог найти Дикон, но это всего лишь спасательный трос толщиной в полдюйма.

И вот он наверху, перебирается через край карниза и падает на траву.

Я сматываю веревку, внимательно осматривая ее.

– Проклятый Дикон, – бормочет Же-Ка по-французски, тяжело дыша.

Я киваю. Эта фраза составляет вторую половину моего французского словарного запаса. И я полностью разделяю его мнение.

Жан-Клод освобождается от последнего витка веревки, подходит к трубке Дикона и поднимает ее.

– Дурацкое место, чтобы оставлять трубку, – говорит он по-английски. Потом сует эту чертову штуковину в большой нагрудный карман, застегивающийся на пуговицу, откуда она точно не выпадет.

– Может, приготовимся и начнем спуск? – спрашиваю я.

– Джейк, дай мне три минуты, чтобы полюбоваться видом, – говорит он. Я вижу, что подъем отнял у него все силы.

– Отличная идея, – соглашаюсь я, и пять или десять минут мы просто сидим на мягкой траве, свесив ноги с обрыва и прислонившись спинами к нагретому солнцем кривому каменному шпилью, который собираемся использовать как опорную точку для спуска по веревке.

Вид, открывающийся с этой почти 250-футовой скалы – как из большого окна на 25-м этаже какого-нибудь нью-йоркского небоскреба, – необыкновенно красив. Я вижу другие утесы, выше, тоньше и труднее для скалолазания, и лениво размышляю, забирались ли на них Джордж Мэллори, Гарольд Портер, Зигфрид Херфорд и Ричард Дэвис Дикон в те годы, после окончания Мэллори и Диконом Кембриджа в 1909-м и до начала войны в 1914-м.

Что касается меня, то я только что покорил одну-единственную валлийскую скалу, и больше не собираюсь в этом году – а может, и вообще. Очень весело, но одного раза достаточно – спасибо.

Приятно сознавать, что ты жив.

Насладившись видом и дав Жан-Клоду немного отдышаться, мы крепим веревки для спуска. Тот кусок, с помощью которого я поднимал Же-Ка, используя скалу как опорную точку для страховки, выглядит нормально, но мы прячем его в мой рюкзак, на крайний случай.

Спуск на веревке – это весело. В конце первого 80-футового участка мы раскачиваемся у гладкой поверхности скалы – в вертикальном положении, как маятники, – пока Жан-Клод наконец не хватается за край вертикальной трещины, по которой мы карабкались вверх, и останавливает наше движение. Секунду спустя он уже в трещине, упоры для ног и неровности которой мы запомнили при подъеме – одна надежная площадка на всей вертикальной трещине, – и еще через несколько секунд я присоединяюсь к нему.

Же-Ка завязал надежный узел для нашего спуска на двух веревках, поскольку застрявшая веревка, которую невозможно выбрать, может стать настоящим кошмаром на таком длинном участке, и для последнего отрезка нам нужно 160 футов веревки, два куса по 80 футов.

– Тяни веревку! – одновременно кричим мы с Жан-Клодом. Если потянуть не ту веревку, то хитрый узел, навязанный Же-Ка на петле, накинутой на камень, затянется, и нам придется трудно.

Я проверяю концы веревки, расправляю несколько небольших перекрученных мест и развязываю предохранительные узлы, которые мы навязали на концах волокон. Затем сильно тяну веревку – левую, о которой мы только что напоминали друг другу. Когда она приходит в движение и падает, я кричу: «Веревка!» Это и давняя привычка, и необходимость. Восемьдесят футов падающей веревки способны сбить скалолаза с узкого выступа, даже самого надежного.

Мы вытягиваем первый кусок и сматываем его, а затем я снова кричу: «Веревка!» – и стягиваю второй.

Ничего не застряло. Никакой мусор не свалился нам на голову. Мы поднимаем вторую веревку, сворачиваем ее, и Же-Ка начинает связывать их вместе своим безупречным узлом из арсенала «Гидов Шамони», которым всегда сращивает веревки.

Пять минут спустя мы уже на земле, тянем длинную веревку и отскакиваем в сторону, когда она со всего размаху шлепается на землю, поднимая в воздух пыль и сосновые шишки.

Вместо того чтобы, как положено, сразу же осмотреть и свернуть ее, мы оба идем к камню, у которого сидит Дикон и, похоже, спит.

Я не верю своим глазам. Мне казалось, что он будет наблюдать за нами на самых сложных участках подъема и на траверсе.

Разодранной теннисной туфлей я толкаю колено Дикона, чтобы привлечь его внимание. Он сдвигает шляпу вверх и открывает глаза.

Я понимаю, что мой голос очень похож на рычание.

– Ты нам расскажешь, какого... какого черта... какое это имеет отношение к Эвересту?

– Да, – говорит Дикон. – Если вы принесли мою трубку.

Жан-Клод без улыбки извлекает трубку из кармана. Мне даже жалко, что она не раскололась надвое во время спуска.

Дикон кладет ее в нагрудный карман своей куртки, встает и смотрит на каменную стену. Мы втроем смотрим вверх.

– Я поднимался на нее вместе с Джорджем Мэллори в тысяча девятьсот девятнадцатом, – говорит он. – После как минимум пятилетнего перерыва в скалолазании – четыре военных года войны и год, когда я пытался найти работу после войны.

Мы с Жан-Клодом мрачно молчим и ждем. Нам не нужны старые сказки о героизме – ни в горах, ни на войне. Наши души и сердца теперь стремятся к горе Эверест, к восхождению по снегу, ледникам, расселинам, ледяным стенам, обледенелым каменным плитам, продуваемым ветрами гребням, громадной Северной стене, и мы не хотели отвлекаться от этого.

– Мэллори спустился на разведку на веревке с вершины и остановился на том поросшем травой карнизе, чтобы выкурить трубку, – продолжал Дикон. – В этом восхождении участвовали только он, я и Рут – его жена; и Рут не захотела подниматься до самого верха. Слева от карниза с травой Мэллори обнаружил единственное углубление в нависающем выступе, по которому можно было подняться без крюков, веревочных лестниц и всего этого современного снаряжения. Я согласился. Но траверс от трещины до карниза с травой, а потом подъем на нависающий выступ отнял все мои силы – и даже больше. Мы были связаны вместе, но точек страховки там нет, как вы сами только что убедились. Мы с Мэллори выполнили тот же траверс на той же скале.

– Какое отношение это имеет к Эвересту, кроме сообщения о том, что Мэллори... был... хорошим скалолазом? – В моем голосе еще остались сердитые нотки.

– Когда мы спустились сзади и обошли скалу, чтобы забрать снаряжение и идти назад, – говорит Дикон, оглядываясь на утес, – Мэллори сказал нам, что забыл трубку на том поросшем травой карнизе, и не успел я ответить, что у него есть другие трубки и что я, черт возьми, куплю ему новую, Джордж уже снова карабкался на скалу, до того места, где ты страховал, Жан-Клод, а потом выполнил траверс по той гладкой скале... один.

Я пытался это представить. Но видел лишь большого черного паука, ползущего по скале. Один? Без надежды на страховку или помощь? Даже в 1919 году такие одиночные восхождения, без какой-либо страховки, считались дурным тоном, бахвальством, грубым нарушением правил Альпийского клуба при Королевском географическом обществе, членом которого был Мэллори.

– Затем он взял шестидесятифунтовый моток веревки, с которым поднимался по скале и выполнял траверс, и спустился вниз, – продолжает Дикон. – С трубкой. К Рут, которая была в ярости из-за того, что он фактически повторил восхождение, кроме нависающего выступа, причем в одиночку.

Мы с Же-Ка молча ждем. Кажется, в этом все же есть какой-то смысл. День не потрачен впустую.

– В последний день на Эвересте Мэллори и Ирвин около девяти утра вышли из шестого лагеря на высоте двадцать шесть тысяч восемьсот футов. Они задержались с выходом, – говорит Дикон. – Вы оба видели фотографии и карты, но нужно попасть на тот гребень, на шквальный ветер и пронизывающий холод, чтобы это понять.

Мы с Жан-Клодом внимательно слушаем.

– Если вы подниметесь на Северо-Восточный хребет, – говорит Дикон, – и если ветер позволит остаться на нем, то путь до вершины будет пролегать по крутым, покрытым льдом и наклоненным вниз каменным плитам. За исключением трех «ступеней».

Мы с Жан-Клодом переглядываемся. Мы видели три «ступени» хребта на карте Эвереста, но на карте и на снимках, сделанных с большого расстояния, они выглядят именно так – как ступени. Не препятствие.

– Первую ступень можно обойти вдоль Северной стены, прямо под ней, затем снова взобраться на гребень, если удастся, – продолжает Дикон. – О третьей ступени ничего не знает ни одна живая душа. Но вторая ступень... я до нее добирался. Вторая ступень...

На лице у Дикона появляется странное выражение, страдальческое, словно он рассказывает какую-то ужасную историю, случившуюся на войне.

– Вторую ступень обойти невозможно. Она появляется внезапно, из вихря облаков и метели, как серый нос дредноута. Для Мэллори и Ирвина, а также нас троих единственный шанс преодолеть вторую ступень – свободное восхождение. На высоте двадцать восемь тысяч триста футов или около того, когда после одного шага ты останавливаешься, а потом две минуты хрипишь и хватаешь ртом воздух. Вторая ступень, друзья мои, эта серая громадина, похожая на корпус линкора, стоит на пути от Северо-Восточного хребта к вершине и имеет высоту около сотни футов – гораздо меньше, чем вам пришлось преодолеть сегодня, когда вы лазили за трубкой, – но состоит она из крутых, шатких и ненадежных камней. Единственный путь, который мне удалось увидеть, прежде чем ветер и болезнь моего товарища, Нортон, вынудили нас повернуть назад... единственный возможный маршрут – это пятнадцати- или шестнадцатифутовая вертикальная плита в верхней части, которая в свою очередь расколота тремя широкими трещинами, идущими к вершине второй ступени.

Этот маршрут, который вы только что прошли, включая нависающий выступ, относится к категории «очень сложный». С технической точки зрения свободное восхождение на вторую ступень – на высоте более двадцати восьми тысяч футов, не забывайте, пожалуйста, где, даже если вы тащите с собой тяжелое кислородное снаряжение, тело и мозг умирают каждую секунду, пока вы остаетесь на этой высоте или поднимаетесь выше, – выходит за пределы категории «очень сложный» по классификации Альпийского клуба. Возможно, эта скала на такой высоте просто непреодолима. А есть еще и третья ступень, которая ждет нас выше, последнее реальное препятствие – я убежден, – если не считать заснеженного конуса, который нужно преодолеть перед последним гребнем. Эта третья ступень может оказаться еще неприступней.

Жан-Клод долго смотрит на Дикона. Потом произносит:

– Значит, тебе нужно было проверить, сможем ли мы – а если точнее, то Джейк – совершить сравнимое по сложности свободное восхождение. А потом поднять меня, как тюк с бельем. И он смог... но... я не понимаю. Значит ли это, что ты веришь, что мы способны на такое восхождение на высоте двадцати восьми тысяч футов?

Дикон улыбается, на этот раз искренне.

– Я верю, что мы можем попытаться, и это не будет самоубийством, – говорит он. – Я верю, что смогу преодолеть вторую ступень, а теперь думаю, что и Джейк тоже; а ты, Жан-Клод, будешь надежным третьим партнером. Это не гарантирует нам вершину Эвереста – мы просто не знаем, что нас ждет за второй ступенью, за исключением, возможно, замерзших тел Мэллори и Ирвина, которые могут также быть у подножия второй ступени, – но это значит, что у нас есть шанс.

Я сворачиваю остатки веревки и прикрепляю ее к рюкзаку, обдумывая услышанное. Злость прошла, и я прощаю Дикона за то, что он заставил нас пройти это испытание с трубкой. Мэллори поднялся по этой скале один, после того, как свободным стилем забрался на скалу

вслед за Диконом – плевое дело, как, по словам Дикона, выразился сам Мэллори, поскольку у него, Мэллори, было преимущество от рекогносцировочного спуска на веревке.

Мы направляемся к оставленной машине, до которой нужно идти почти два часа по пересеченной местности, после целого дня скалолазания, и у меня такое чувство, что мои внутренности стали невесомыми. Сердце – или душа, или что там еще у нас внутри – словно освободилось и парит над нами.

Мы втроем собираемся покорить Эверест.

Неизвестно, найдем ли мы останки лорда Персиваля – думаю, вероятность этого очень мала, – но мы втроем попытаемся покорить в альпийском стиле самую высокую гору в мире. И Дикон теперь считает, что нам по силам взобраться на ту вертикальную стену второй «ступени», похожую на нос дредноута. По крайней мере, мне по силам.

С этой секунды во мне загорается яростное пламя, которое не угаснет много недель и месяцев.

Мы собираемся взойти на ту проклятую гору. Выбора или альтернативы уже нет.

Мы втроем хотим стоять на вершине мира.

Человек, которого невозможно опорочить.

* * *

За год, проведенный в Европе, я ни разу не был в Германии, почти все восхождения совершая во Франции и Швейцарии, хотя в Швейцарии мы встречали довольно много немцев; одни были настроены дружелюбно, другие не очень. Когда я познакомился с Жан-Клодом и Диконом, мы втроем стояли у Северной стены горы Эйгер, соглашаясь, что эта стена недоступна для современного снаряжения и техники скалолазания. Неподалеку стояла группа из пяти очень упорных, очень самонадеянных и очень недружелюбных немцев, которые вели себя так, словно на самом деле собирались подняться по der Eigerwand – стене Северного склона. Разумеется, им это не удалось. Они едва преодолели расщелину и первые 100 футов склона, а затем отказались от своей безрассудной попытки.

По пути в Германию мы с Диконом сначала вернулись во Францию, где он должен был уладить какие-то финансовые дела, пересекли Швейцарию и из Цюриха направились на север, к границе, где пересели на другой поезд, поскольку ширина железнодорожных рельсов в Германии отличалась от той, что была принята в окружающих странах. Это была оборонительная мера, принятая соседями Германии, даже несмотря на то, что, согласно Версальскому договору, бывшая империя кайзера подлежала разоружению. Дикон приглушенным голосом – несмотря на то, что мы ехали в отдельном купе (благодаря средствам на расходы, выделенным леди Бромли) – рассказал мне, что нынешнее правительство Веймарской республики довольно слабое и больше похоже на дискуссионный клуб людей с левыми взглядами.

Утром мы прибываем в Мюнхен.

День выдался дождливым, и низкие серые тучи быстро бегут на запад, навстречу поезду. Мои первые впечатления от Германии ноября 1924 года немного сумбурные.

Аккуратные деревни – нависающие карнизы, современные строения вперемежку с домами и общественными зданиями, которые выглядят так, словно были построены в Средние века. Мокрая от дождя брусчатка отражает слабый дневной свет. Редкие люди на деревенских улицах одеты в комбинезоны, как крестьяне или рабочие, но среди них попадаются и мужчины в современных двубортных костюмах серого цвета, с кожаными портфелями в руках. Однако все, кого я вижу из окна поезда – крестьяне, рабочие и бизнесмены, – выглядят... какими-то придавленными. Словно сила тяжести в Германии больше, чем в Англии, Франции и Швейцарии. Даже молодые люди в деловых костюмах, спешащие по своим делам под мокрыми зон-

тами, кажутся немного согнутыми, сгорбленными – головы у них опущены, взгляд обращен вниз, как будто каждый несет на плечах невидимый груз.

Затем мы проезжаем промышленную зону, состоящую из длинных грязных зданий из кирпича и шлакоблоков посреди гор шлака. Несколько башен и заводских труб выбрасывают в небо огромные языки пламени, от которых бегущие дождевые облака приобретают оранжевый оттенок. Я не вижу ни одного человеческого существа среди этого ландшафта – миля за милей мимо окна нашего вагона скользят под дождем только эти уродливые громадины, а также горы угля, шлака, песка и просто мусора.

– В январе прошлого года, – говорит Дикон, – немецкое правительство отказалось выплачивать репарации, которые были одним из условий мирного договора. Курс марки упал с семидесяти пяти за доллар в тысяча девятьсот двадцать первом году до семи тысяч за доллар в начале двадцать третьего. Немецкое правительство попросило союзников объявить мораторий на выплаты репараций, по крайней мере, пока марка не начнет укрепляться. Ответ от лица союзников дала Франция. Бывший президент и нынешний премьер-министр Пуанкаре отправил французские войска, чтобы оккупировать Рур и другие промышленные районы в самом сердце Германии. Когда войска прибыли – в январе прошлого, двадцать третьего года, – курс марки обвалился до восемнадцати тысяч за доллар, затем достиг ста шестидесяти тысяч за доллар, а к первому августа прошлого года за доллар давали уже миллион марок.

Я пытаюсь осмыслить сказанное Диконом. Экономика всегда навевала на меня скуку, и хотя я читал в газетах, что французские войска вошли в Германию, чтобы оккупировать промышленные районы, но уж точно не обращал внимания, что эта оккупация точно так же угнетала немецкую экономику, как последствия мировой войны.

– К ноябрю прошлого года, – продолжает Дикон, наклоняясь ко мне и понижая голос почти до шепота, – один доллар стоил четыре *миллиарда* немецких марок. Французские войска в Руре контролировали все промышленное производство, речной транспорт, экспорт стали, и Германия фактически оказалась разделенной надвое. Поэтому в прошлом году немецкие промышленные рабочие, трудившиеся под вооруженной охраной и надзором оккупационных французских войск на всех заводах, которые мы проезжаем, объявили всеобщую забастовку – и благодаря пассивному сопротивлению немецких рабочих, саботажу и даже партизанским действиям на большинстве этих предприятий, а также во всем Руре производство стали и всего остального практически остановилось. Французы арестовывали, депортировали и даже расстреливали предполагаемых зачинщиков, но это ни к чему не привело.

– Господи, – бормочу я.

Дикон кивком указывает на мужчин и женщин на улице.

– В прошлом году эти люди узнали, что даже если у них на банковском счету миллионы марок, этого не хватит, чтобы купить фунт муки или несколько вялых морковок. И забыли о возможности заплатить за несколько унций сахара или фунт мяса.

Он тяжело вздыхает и указывает на мокрый от дождя пригород Мюнхена, в который мы въезжаем.

– Здесь очень много отчаяния и злости, Джейк. Будь осторожен, когда мы пойдем на встречу с Зиглем. Американцы, даже несмотря на то, что они помогли выиграть войну, тут экзотика. Но многие, хотя и не все, открыто ненавидят британцев и французоз, и Жан-Клоду не гарантируется личная безопасность на улицах Мюнхена.

– Буду осторожен, – обещаю я, хотя не имею ни малейшего представления ни о характере этой «осторожности», ни о ее размерах в этой странной, печальной и обозленной стране.

Дикон не бронировал нам места в гостинице. У нас билеты в спальный вагон поезда на Цюрих, отправляющегося в десять вечера. Меня это удивляет, потому что на деньги, которые выдала нам на расходы леди Бромли, можно снять роскошные номера в отелях Мюнхена. Я знаю, что, в отличие от Жан-Клода, Дикон не испытывает ненависти к Германии или немцам

– мне также известно, что он часто приезжал сюда после войны, – и поэтому из города сегодня вечером нас гонит, не давая провести ночь в достойных условиях, вовсе не тревога и не страх. Я чувствую, что Дикона почему-то беспокоит этот простой разговор с альпинистом Бруно Зиглем, но не понимаю почему.

В краткой телеграмме Зигль выражал согласие встретиться с нами – ненадолго, поскольку он очень занятой человек (его собственные слова) – в Мюнхене, в пивном зале под названием «Бюргербройкеллер» на юго-восточной окраине города. Встреча назначена на семь вечера, и у нас с Диконом есть время, чтобы оставить нераспакованный багаж на железнодорожном вокзале, немного привести себя в порядок в туалете для пассажиров первого класса и побродить под нашими черными зонтами час-другой по странным улицам без магазинов в центре Мюнхена, а затем взять такси и поехать на окраину города.

Мюнхен выглядит старым, но не кажется мне живописным или привлекательным. Сильный дождь по-прежнему барабанит по черепичным крышам, а на улицах темно и холодно, как ноябрьским вечером в Бостоне. Вся свою сознательную жизнь я считал, что мое знакомство с Германией начнется с прогулки по Унтер-ден-Линден при роскошном вечернем свете, а сотни хорошо одетых и дружелюбных немцев будут гулять рядом и кивать мне: «Guten Abend»¹⁷.

Дождь льет, как из ведра, и стеклоочистители такси бесполезно хлопают по ручейкам воды на ветровом стекле. Мы переезжаем реку по широкому, пустому мосту, и через несколько минут угрюмый водитель на ломаном английском объявляет, что мы «hier»¹⁸ – у *die Bürgerbräukeller na Rosenheimer Strasse* в районе *Haidhausen*, – и требует с нас сумму, в три раза превышающую официальную. Дикон безропотно платит, отсчитывая огромную стопку купюр с многочисленными нулями, как будто это игрушечные деньги.

В пивной зал ведет громадная каменная арка со словами:

Bürger

Bräu

Keller

Эти слова теснятся вдоль полукруглого, тяжелого венка, неуклюжего каменного овала с замковым камнем внизу. С арки стекают капли воды, которая льется с крутой черепичной крыши и нескольких переполненных водосточных труб. Мы идем через арку к дверям, и это больше похоже на вход на железнодорожный вокзал, а не в бар или ресторан. По крайней мере, в фойе не идет дождь.

Войдя в зал «Бюргербройкеллер», мы с Диконом застываем в изумлении.

Помимо самого факта, что здесь присутствуют две или три тысячи человек – в основном мужчины, жадно глотающие пиво из каменных кружек за столами, настолько грубыми, словно их вырезали в лесу сегодня днем, – сам зал просто огромен, гораздо больше, чем в любом ресторане или пабе, который мне приходилось видеть. Шум голосов и звуки аккордеонов – если это не крики людей, которых пытаются, – обрушиваются на меня, словно удар кулака. Следующий удар – вонь: три тысячи плохо или совсем не мытых немцев, в основном рабочих, судя по их грубой одежде, и с этой стеной пота, накрывшей нас, словно громадная волна, смешивается запах пива, такой сильный, что мне кажется, что я упал в пивной чан.

– Герр Дикон? Идите сюда. *Сюда!* – Этот приказ, а не приглашение, выкрикивает мужчина, стоящий у занятого стола посередине битком набитого зала.

Стоящий мужчина – как я полагаю, Бруно Зигль – наблюдает, как мы пробираемся сквозь этот бедлам, пристальным взглядом своих холодных голубых глаз. В Европе у Зигля репутация опытного альпиниста – судя по специализированным журналам, ему особенно хорошо удается прокладывать маршруты на непокоренных скальных стенах в Альпах, – но если не считать

¹⁷ Добрый вечер (нем.).

¹⁸ Здесь (нем.).

мощных предплечий, выглядывающих из закатанных рукавов темно-коричневой рубашки, он совсем не похож на покорителя гор. Нарочито и чрезмерно мускулистый, со слишком массивной верхней частью туловища, слишком коренастый, слишком тяжелый. Белокурые волосы Зигля на макушке пострижены так коротко, что похожи на плоскую щетку, а по бокам головы гладко выбриты. У многих сидящих за столом мужчин, еще более массивных, точно такие же прически. Зиглю она не очень идет, потому что его большие уши нелепо торчат по обе стороны гранитной глыбы лица.

– Герр Дикон, – говорит Зигль, когда мы подходим к столу. Низкий голос немца проходит сквозь гул пивного зала, словно нож сквозь мягкую плоть. – *Willkommen in München, meine Kolleginnen und Kletterer*¹⁹. Я читал о многих ваших блестящих восхождениях в «Альпийском журнале» и других местах.

По-английски Бруно Зигль, как и следовало ожидать, говорит с немецким акцентом, но свободно и бегло – по крайней мере, для моего нетренированного уха.

Я знал, что Дикон говорит по-немецки так же свободно, как и по-французски, по-итальянски и на некоторых других языках, но до сих пор удивляюсь, как быстро и уверенно он отвечает Зиглю.

– *Vielen Dank, Herr Sigl. Ich habe von Ihrer Erfolge und Heldentaten zu lesen als auch*²⁰.

Ночью, когда мы возвращались в поезде домой, Дикон по памяти переведет все, что говорили Зигль и другие немцы, а также свои собственные ответы. Я правильно догадался, что Дикон отвечает Зиглю комплиментом на комплимент, говоря, что тоже читал о достижениях и успехах немца в горах.

– Герр Джейкоб Перри, – произносит Зигль, сжимая мою ладонь словно гранитными тисками, так что я чувствую мозоли скалолаза. – Из бостонских Перри. Добро пожаловать в München.

Из бостонских Перри? Что этот немецкий альпинист знает о моей семье? И Зигль каким-то образом умудрился произнести имя «Джейкоб», по-немецки смягчив первый звук, так что оно стало похоже на еврейское.

Зигль одет в ледерхозен – кожаные шорты и нагрудник – поверх коричневой рубашки военного образца с высоко закатанными рукавами – и выглядит довольно странно среди всех этих мятых деловых костюмов, заполнивших гигантский пивной зал, но его массивные загорелые бедра, руки и слишком большие, словно вылепленные Роденом ладони придают ему властный вид – почти как у бога.

Взмахом руки он указывает на скамью напротив себя – несколько человек сдвигаются, чтобы освободить место, не отрываясь от своих кружек с пивом, – и мы с Диконом садимся, готовые к разговору. Зигль подзывает официанта и заказывает пиво. Я разочарован. Я ожидал, что пиво будут разносить *Fräuleins*²¹ в крестьянских блузах с низким вырезом, но все официанты здесь мужчины в ледерхозенах, с подносами гигантских каменных кружек. Очень хочется есть – прошло много времени с тех пор, как мы с Диконом съели легкий ланч в поезде, но все столы вокруг нас пустые, если не считать пятен от пива и волосатых мужских рук. Очевидно, либо время еды уже прошло, либо тут ничего не подают, кроме пива.

Наши кружки приносят почти мгновенно, и должен признаться, что мне еще не приходилось пить такого вкусного, крепкого немецкого пива из ледяной каменной кружки. Подняв эту штуковину три раза, я начинаю понимать, почему у всех мужчин на нашей стороне стола такие громадные бицепсы.

¹⁹ Добро пожаловать в Мюнхен, мой коллега и скалолаз (нем.).

²⁰ Благодарю вас, герр Зигль. Я читал о ваших успехах и героических поступках (нем.).

²¹ Девушки (нем.).

– Джентльмены, – говорит Зигль, – позвольте представить нескольких моих друзей, сидящих за этим столом. Увы, никто из них не знает ваш язык достаточно хорошо, чтобы говорить по-английски сегодня вечером.

– Но они понимают? – спрашивает Дикон.

Зигль тонко улыбается.

– Не особенно. Слева от меня – герр Ульрих Граф.

Герр Граф – высокий, худой мужчина с густыми и нелепо черными усами. Мы киваем друг другу. Думаю, никаких рукопожатий больше не будет.

– Ульрих был его личным телохранителем и в ноябре прошлого года заслони́л его своим телом, получив несколько серьезных пулевых ранений. Но, как вы видите, он быстро поправляется.

Я слышу странное, почти благоговейное выделение слова «его», но понятия не имею, о ком они говорят. Похоже, Зигль не собирается меня просвещать, и я, не дожидаясь дальнейших знакомств, поворачиваюсь к Дикону в надежде на подсказку. Но Дикон смотрит на людей на противоположной стороне стола, которых ему представляют, и не отвечает на мой вопрошающий взгляд.

– Слева от герра Графа – герр Рудольф Гесс, – продолжает Зигль. – Герр Гесс командовал батальоном СА во время акции в минувшем ноябре.

У Гесса странная внешность: слишком большие уши, темная пятнадцатичасовая щетина – вероятно, он относится к той категории людей, которые бреются два или три раза в день, если у них есть достойная работа или им приходится общаться с людьми, – и печальные глаза под густыми, словно нарисованными бровями, которые все то время, что я на него смотрю, либо удивленно подняты, либо сердито опущены. Гесс напоминает мне сумасшедшего, которого я как-то встретил в городском сквере Бостона, когда был еще мальчишкой, – безумца, сбежавшего из ближайшей психушки, которого мирно задержали три одетых в белое санитаров в тридцати футах от меня. Тот сумасшедший шаркающей походкой шел вокруг озера прямо ко мне, как будто ему поручена миссия, справиться с которой может только он, и при взгляде на Гесса у меня мурашки бегут по коже, как в детстве, около лодочного павильона.

Я по-прежнему не понимаю, что это за «акция в минувшем ноябре», но подозреваю, что речь идет о боевых действиях. Это может объяснить, почему столько мужчин за столом одеты в коричневые рубашки армейского покроя с погонами.

Попытка вспомнить, какие новости приходили из Германии в ноябре 1923 года, ни к чему не приводит, поскольку тот месяц я провел на Монблане и соседних вершинах, и не помню, что слышал по радио или читал в газетах – большинство из них были на французском или немецком – те несколько раз, когда мы останавливались в швейцарских гостиницах. Прошлый год был для меня каникулами, посвященными исключительно альпинизму, когда я был практически полностью отрезан от мира – до тех пор, пока мы не прочли об исчезновении Мэллори и Ирвина на Эвересте, – и какая бы «акция» ни происходила в Мюнхене в минувшем ноябре, она не привлекла мое внимание. Полагаю, это была очередная политическая глупость, которые совершали обе стороны политического спектра, с тех пор как после свержения кайзера власть перешла к Веймарской республике.

Но в любом случае это не имеет отношения к причине, которая заставила нас приехать в Мюнхен для разговора с Зиглем.

А вот имена шестерых альпинистов, которых нам теперь представляет Зигль, шестерых мужчин с волосатыми руками, сидящих на скамье у длинного стола, имеют к этому самое прямое отношение.

– Во-первых, позвольте мне представить нашего второго ведущего альпиниста наряду со мной, – говорит Зигль, протягивая раскрытую ладонь к загорелому мужчине с худым лицом, бородой и мрачным взглядом, сидящим справа от меня. – Герр Карл Бахнер.

– Знакомство с вами – большая честь, – произносит Дикон. Затем повторяет по-немецки. Бахнер слегка наклоняет голову.

– Герр Бахнер, – продолжает Зигль, – был учителем многих лучших мюнхенских и баварских альпинистов – то есть, естественно, лучших альпинистов мира – в *Akademischer Alpenverein München*, альпинистском клубе Мюнхенского университета...

Сколько раз за время учебы в Гарварде я мечтал, чтобы мой колледж имел официальные связи с таким альпинистским клубом, как мюнхенский? Несмотря на то что несколько наших профессоров занимались альпинизмом и помогали организовывать экспедиции на Аляску и в Скалистые горы, до основания Гарвардского альпинистского клуба оставалось еще несколько лет.

– Герр Бахнер также является руководителем объединенного *Deutschen und Österreichischen Alpenvereins*, – говорит Зигль.

Эту фразу по-немецки могу понять даже я. Из альпинистских журналов мне известно, что Карл Бахнер был инициатором объединения немецкого и австрийского альпинистских клубов.

Зигль указывает на следующих двух молодых людей, сидящих за Бахнером.

– Полагаю, вы читали о последних подвигах Артура Фольценбрехта на ледниках...

Тот, который сидит ближе ко мне, кивает нам.

– ...а это его партнер, Ойген Оллвайс.

Я знаю, что этот молодой человек изобрел короткий ледоруб – на самом деле молоток для льда, – который позволяет с помощью крюков и ледобуров быстро взбираться по ледяным стенам, которые успешно отражают наши старомодные попытки вырубить ступени во льду. Британские альпинисты вроде Дикона презрительно называют эту технику «висеть и рубить».

– На прошлой неделе Артур и Ойген поднялись по прямому маршруту на северную стену Дан д'Эран за шестнадцать часов.

Я удивленно присвистываю. Шестнадцать часов на подъем по северной стене, одной из самых сложных в Европе? Если это правда – а немцы, похоже, никогда не лгут насчет своих восхождений, – тогда эти два человека, пьющие пиво справа от меня, открыли новую эру в истории альпинизма.

Дикон на беглом немецком произносит какую-то фразу, которую впоследствии переводит мне:

– Джентльмены, у вас, случайно, нет с собой ваших новых ледорубов?

Артур Фольценбрехт опускает руку под стол и достает не один, а два коротких ледоруба, рукоятки которых раза в три меньше деревянной рукоятки моего, а наконечники более острые и изогнутые. Фольценбрехт кладет это революционное альпинистское снаряжение на стол перед собой, но не протягивает Дикону или мне для более тщательного осмотра.

Но это не имеет значения. Одного взгляда на укороченные молотки для льда (это более подходящий термин) достаточно, чтобы представить, как двое альпинистов карабкаются на скованную льдом северную стену Дан д'Эран, на всем пути вбивая длинные крючья или вкручивая недавно изобретенные немецкие ледобуры, которые обеспечивают их безопасность. И еще я не сомневаюсь, что они также использовали «кошки» с 10 зубьями, которые изобрел в 1908 году англичанин Оскар Экенштейн, но которые не пользовались популярностью у английских альпинистов. С помощью «кошек» и ледорубов прокладывали путь по гигантской ледяной стене. Это не просто изобретательно – блестяще. Только я не уверен, что это *честно* и что в этом есть смысл.

Зигль представил нам трех остальных альпинистов – Гюнтера Эрика Ригеле, который два года назад, в 1922 году, успешно приспособил немецкий крюк для работы на льду, очень молодого Карла Шнайдера, о котором я читал удивительные вещи, и Йозефа Вьена, альпиниста постарше, с наголо обритой головой, мечтавшего – судя по сообщениям в журналах для

альпинистов – повести совместные советско-германские экспедиции на пик Ленина и другие неприступные вершины в горах Памира и Кавказа.

Дикон на своем хорошем немецком говорит, что для нас с ним знакомство с выдающимися баварскими альпинистами – это большая честь. Шестеро мужчин – семеро, если считать Бруно Зигля, – выслушивают комплимент, не моргнув глазом.

Дикон, не торопясь, делает большой глоток пива из каменной кружки и обращается к Бруно Зиглю:

– Теперь можно открывать дискуссию?

– Это будет не «дискуссия», как вы это называете, – рявкает тот. – Это будет допрос – как будто я в английском суде.

Я изумленно смотрю на него, но Дикон лишь улыбается в ответ.

– Вовсе нет. Будь мы в английском суде, я надел бы смешной белый парик, а вы бы сидели на скамье.

Зигль хмурится.

– Я всего лишь свидетель, герр Дикон. В английском суде на скамье сидит ответчик, обычно виновная сторона, разве не так? Свидетель сидит... где? На стуле рядом с судьей, *ja*?²²

– *Ja*, – соглашается Дикон, не переставая улыбаться. – Постараюсь исправиться. Может, вы предпочитаете общаться по-немецки, чтобы ваши друзья могли понимать нас? Джейку я переведу позже.

– *Nein*²³, – отвечает Бруно Зигль. – Мы будем говорить по-английски. Ваш берлинский акцент неприятен для моего баварского уха.

– Мне жаль, – говорит Дикон. – Но мы согласились, что вы были единственным свидетелем того, как лорд Персиваль Бромли и его товарищ Курт Майер погибли под снежной лавиной, так?

– Какие власти уполномочили вас, герр Дикон, допрашивать... или даже *распрашивать* меня?

– Никакие, – спокойно отвечает Дикон. – Мы с Джейком Перри приехали в Мюнхен поговорить с вами в качестве личного одолжения леди Бромли, которая по вполне понятным причинам просто хочет знать подробности внезапной гибели в горах своего сына.

– Одолжения леди Бромли. – Даже сильный немецкий акцент Зигля не в силах скрыть явный сарказм. – Полагаю, за этим... одолжением стоят деньги.

Дикон ждет, продолжая улыбаться.

Наконец Зигль с грохотом ставит на стол пустую каменную кружку, машет бдительному официанту, чтобы тот принес еще одну, и угрюмо бормочет:

– Все, что я видел, я сообщил немецким газетам, немецкому альпинистскому журналу и вашему Альпийскому клубу Королевского географического общества.

– Очень короткое сообщение, – замечает Дикон.

– Лавина сошла очень быстро, – огрызается Зигль. – Вы участвовали в обеих предыдущих экспедициях Мэллори на Эверест. Надеюсь, вы видели снежные лавины? По крайней мере, в Альпах?

Дикон дважды кивает.

– Тогда вам известно, что человек может стоять в каком-то месте, а через секунду его уже нет.

– Да, – соглашается Дикон. – Только мне трудно понять, что лорд Персиваль и человек по имени Майер вообще делали на той горе. Зачем они туда пришли? А вы с шестью вашими немецкими друзьями? Журналы передавали ваши слова о том, что вы и еще несколько немец-

²² Да (нем.).

²³ Нет (нем.).

ких... исследователей... пришли в Тибет через Китай. Что вы получили разрешение от китайских, а не от тибетских властей, но по какой-то причине дзонгпены воспринимали его как официальный пропуск. Газете «Франкфуртер цайтунг» вы сообщили, что изменили маршрут, когда в Тингри узнали, что немец и англичанин наняли яков и приобрели альпинистское снаряжение в тибетском городе Тингри-дзонг и что вы с друзьями отправились на юг... из чистого любопытства. И всё.

– Все, что я рассказал газетам, – правда. – Тон Зигля категоричен. – Вы с вашим американским другом специально приехали в Мюнхен, чтобы я подтвердил то, что уже объяснял?

– Большая часть этих объяснений почти или полностью лишена смысла, – говорит Дикон. – Леди Бромли, мать молодого лорда Персиваля, будет очень благодарна, если вы сможете восстановить отсутствующие факты. Это все, что ей нужно.

– И вы проделали весь этот путь, чтобы помочь старой леди узнать еще несколько... как это будет по-английски... пикантных подробностей о смерти ее сына? – Улыбка Зигля больше похожа на оскал. Я удивляюсь, как Дикону удается сохранять самообладание.

– А Курт Майер был членом вашей... э-э... исследовательской группы? – спрашивает он.

– *Nein!* Мы никогда не слышали о нем, пока тибетцы в Тингри-дзонге не назвали его имя, сообщив, что он вместе с лордом Персивалем Бромли из Англии поехал на юго-восток, к Ронгбуку.

– Значит, Майер не альпинист?

Зигль делает большой глоток пива, рыгает и пожимает плечами.

– Никто из нас не слышал о Курте Майере. О нем мы узнали только от тибетцев из Тингри, которые с ним разговаривали. Сидящие за этим столом знакомы почти со всеми настоящими альпинистами Германии и Австрии. *Ja, meine Freunde?* – этот вопрос Зигль адресует своим немецким товарищам. Они кивают, и кто-то отвечает: «*Ja*», – хотя Зигль только что убеждал нас, что они не понимают английского.

Дикон вздыхает.

– Я задаю вам вопросы, герр Зигль, отчего у вас может сложиться впечатление, что вы на заседании суда. Может, просто подробно расскажете нам, почему вы оказались там, на подходах к Эвересту, и что вы видели – касательно лорда Персиваля Бромли и Курта Майера? Возможно, вам даже известно, почему их лошади были застрелены.

– Когда мы прибыли, лошади уже лежали там, мертвые, – говорит Зигль. – В районе первого лагеря, как вам известно, герр Дикон, очень неровная морена. Возможно, лошади переломали себе ноги. А может, герр Бромли или герр Майер сошли с ума и пристрелили лошадей. Кто знает? – Немецкий альпинист снова пожимает плечами и продолжает: – А что касается причины нашего «преследования» Бромли и Майера до ледника Ронгбук, я открою вам то, о чем не говорил никому, даже местным газетам. Я и шесть моих друзей просто хотели познакомиться с Джорджем Мэллори, полковником Нортоном и другими альпинистами, которые, по нашим сведениям, собирались покорить Эверест той весной. Совершенно очевидно, что, поскольку большая часть нашего маршрута проходила через Китай, мы не знали о гибели Мэллори и Ирвина, и даже о том, что экспедиция достигла горы. Но когда тибетцы в Тингри сказали нам, что Бромли направился к горе, которую они называют Джомолунгма, мы подумали – как выражаетесь вы, англичане и американцы: «почему нет?» И поэтому повернули на юго-восток вместо того, чтобы возвращаться на север.

(Итак, мы пошли скорее на юго-восток, чем обратно на север. Акцент Зигля почему-то становится мне неприятен.)

– Однако, – вежливо, но настойчиво продолжает Дикон, – когда вы увидели, что базовый лагерь Нортона и Мэллори пуст, за исключением обрывков палаток и груд несъеденных консервов, то должны были понять, что экспедиция уже ушла. Почему вы продолжили подъем по леднику до самого Северного седла и даже выше?

– Потому что увидели две фигуры, спускающиеся с Северного хребта, и нам было очевидно, что они в беде, – огрызается Зигль.

– Вы смогли это увидеть из базового лагеря, в двенадцати милях от горы Эверест? – спрашивает Дикон, но скорее с удивлением, чем с вызовом.

– *Nein, nein!* Когда мы нашли мертвых лошадей, то поднялись во второй лагерь, подумав, что Бромли и этот Майер, о котором мы никогда не слышали, попали в беду. Мы видели их на гребне из второго лагеря Мэллори. У нас были немецкие полевые бинокли – «Цейсс», лучшие в мире.

Дикон кивает, подтверждая этот факт.

– Значит, вы поставили палатки на месте третьего лагеря Мэллори, прямо под тысячефутовым подъемом к Северному седлу, затем взобрались на само седло. Вы пользовались веревочной лестницей, которую группа Нортон оставила на последнем, вертикальном участке высотой около ста футов?

Щелчком пальцев Зигль отмечает это предположение.

– Мы не использовали ни старых веревочных лестниц, ни закрепленных веревок. Только наши новые ледорубы и другие немецкие приспособления для подъема по ледяным стенам.

– Ками Чиринг сообщил, что видел несколько ваших людей, которые спускались с седла по веревочной лестнице Сэнди Ирвина, – говорит Дикон.

– Кто такой Ками Чиринг? – спрашивает Зигль.

– Шерпа, которого вы встретили в тот день около третьего лагеря и на которого направили револьвер. Кому вы рассказали о смерти Бромли.

Бруно Зигль пожимает плечами и ухмыляется.

– Шерпа. Вот, значит, что... Шерпы все время лгут. И тибетцы. Я вместе со своими шестью друзьями даже не приближался к старой веревочной лестнице. Видите ли, в этом про-сто не было нужды.

– Значит, у вас была чисто исследовательская экспедиция в Китай, но вы захватили с собой альпинистское снаряжение для скал и льда. – Дикон достает трубку и начинает ее набивать. В огромном зале так накурено, что одна трубка ничего не изменит.

– В Китае есть горы и крутые перевалы, герр Дикон. – Тон Зигля меняется с угрюмого на презрительный.

– Я не хотел прерывать ваше повествование, герр Зигль.

Зигль снова пожимает плечами.

– Мое... повествование, как вы его назвали... подходит к концу, герр Дикон. Мы с друзьями поднялись на Северное седло потому, что увидели, что двум фигуркам, спускавшимся с Северного хребта, нужна помощь. Один, похоже, был поражен снежной слепотой, и второй его вел, буквально держал.

– Значит, вы разбили лагерь на Северном седле? – спрашивает Дикон, раскуривая трубку и затягиваясь.

– Нет! – вскрикивает Зигль. – У нас не было лагеря на Северном седле.

– Ками Чиринг видел как минимум две палатки на том же карнизе седла, что Нортон и Мэллори использовали для четвертого лагеря, – говорит Дикон. И снова в его голосе звучит лишь удивление, а не вызов. Человек просто пытается прояснить кое-какие факты, чтобы помочь убитой горем матери узнать обстоятельства странного исчезновения сына.

– Палатки принадлежали Бромли, – отвечает Зигль. – Одна уже была изодрана сильным ветром. Тем ветром, который заставил Бромли и Майера отступить с вершины гребня на ненадежный снег склона прямо над пятым лагерем. Я кричал им по-английски и по-немецки, чтобы они не ступали на склон – что снег там ненадежен, – однако они либо не слышали меня из-за ветра, либо не послушались.

Густые брови Дикона слегка приподнимаются.

– Вы находились достаточно близко, чтобы разговаривать с ними?

– Кричать, – поясняет Зигль тоном, каким обычно разговаривают с непонятливым ребенком. – До них было метров тридцать, не меньше. Затем снег у них под ногами пришел в движение, и ревушая белая масса понеслась вниз. Они исчезли под лавиной, и мы больше их не видели.

– Вы не попытались спуститься и посмотреть – может, они живы? – В голосе Дикона нет осуждения, но Зигль вспыхивает, словно его оскорбили.

– Спуститься по склону было невозможно. Там не осталось склона. Весь снег был унесен лавиной, и у нас не оставалось сомнений, что молодой Бромли и Курт Майер погибли – погребены под тоннами снега в нескольких тысячах футов под нами. Мертвы. *Карит.*

Дикон понимающе кивает, словно соглашаясь. Я вспоминаю, что он видел – и предупреждал Мэллори против попыток подняться по нему – длинный снежный склон, ведущий к Северному седлу, тот самый склон, на котором в 1922 году во время экспедиции на Эверест лавина убила семерых носильщиков Мэллори.

– В своих газетных интервью вы говорили, а теперь повторили еще раз, что ветер на грабене²⁴, поднимающемся к шестому лагерю, был настолько силен, что лорд Персиваль и герр Майер были вынуждены отступить к скалам и ледяным полям Северной стены и спуститься к пятому лагерю.

– Да, совершенно верно.

– По всей видимости, герр Зигль, вы тоже были вынуждены спуститься с гребня на склон, когда искали двоих людей. Это значит, что вы встретили их, видели их, кричали им – а они вам – уже на склоне, а не на гребне. Что объясняет лавину, которой не могло быть на самом гребне.

– Да, – подтверждает Зигль. Тон у него решительный, словно этим словом он ставит точку в нашем разговоре.

– И тем не менее, – продолжает Дикон, складывая ладони словно в молитвенном жесте, вы говорите мне, что и вы, и двое несчастных могли слышать друг друга на расстоянии более тридцати метров – сотни футов, – несмотря на рев ветра на гребне.

– На что вы намекаете, *Englander?*²⁵

– Я ни на что не намекаю, – говорит Дикон. – Просто вспоминаю, что когда я сам был на том гребне в тысяча девятьсот двадцать втором и вместе с двумя другими альпинистами был вынужден из-за ветра спуститься на скалы Северной стены, мы не слышали криков друг друга даже на расстоянии пяти шагов, не говоря уже о тридцати метрах.

– То есть вы называете меня лжецом? – Голос у Зигля тихий, но очень напряженный. Он убирает локти со стола, и его правая рука опускается к широкому ремню, словно он собрался что-то выхватить – маленький пистолет или нож.

Дикон медленно вынимает изо рта трубку и кладет обе руки – с длинными пальцами, все в шрамах, какие бывают у скалолаза, – на стол.

– Герр Зигль, я не называю вас лжецом. Я просто пытаюсь восстановить последние минуты жизни Бромли и его товарища, австрийского альпиниста, чтобы во всех подробностях передать их леди Бромли, которая места себе не находит от горя. До такой степени, что вообразила, что ее сын все еще жив, где-то там, на горе. Я предполагаю, что когда вы покинули гребень, чтобы продолжить подъем по склону, то рев ветра утих и Бромли смог услышать ваши крики с расстояния тридцати метров.

– *Ja*, – подтверждает Зигль, его лицо все еще перекошено от гнева. – Именно так все и было.

²⁴ Грабен – участок земной коры, опущенный относительно окружающей местности по крутым или вертикальным тектоническим разломам.

²⁵ Англичанин (*нем.*).

– Что именно, – спрашивает Дикон, – вы кричали им, и особенно Бромли, и что они вам успели ответить, прежде чем сошла лавина? И кто из них, по всей видимости, был поражен снежной слепотой?

Зигль колеблется, словно дальнейшее участие в разговоре будет равносильно поражению. Но потом отвечает. Его товарищ со странными бровями и тревожным взглядом, герр Гесс, похоже, внимательно следит за обменом репликами по-английски, но я не уверен. Возможно, он просто пытается понять отдельные слова или с нетерпением ждет, когда Зигль переведет ему. Как бы то ни было, происходящее ему явно интересно.

Кроме того, я убежден – хотя причину объяснить не могу, – что сидящий справа от меня человек, знаменитый альпинист Карл Бахнер, точно понимает английские фразы, которыми обмениваются Дикон и Зигль.

– Я крикнул Бромли, который, похоже, вел ослепшего и спотыкавшегося Майера, зачем они забрались так высоко, а потом спросил, не нужна ли им помощь.

– А шесть ваших немецких друзей, исследователей, тоже были с вами на гребне, когда вы обращались к Бромли? – спрашивает Дикон.

Зигль качает своей коротко стриженной и частично бритой головой.

– *Nein, nein.* Мои друзья хуже переносили условия высокогорья, чем я. Одни отдыхали в третьем лагере – как его называла ваша английская экспедиция, – а другие просто поднялись на Северное седло. На Северный гребень и к пятому лагерю я пошел один. Я уже объяснял разным газетам и альпинистским журналам, что был один, когда встретил Бромли и его пораженного снежной слепотой товарища. Полагаю, вы все это читали, прежде чем прийти сюда.

– Разумеется, – говорит Дикон и снова берет трубку.

Немец вздыхает, словно жалуясь на непроходимую тупость своего английского собеседника.

– Если вы не против, я хотел бы узнать, какова была ваша цель, герр Зигль? Куда вы направлялись со всеми этими монгольскими лошадьми, мулами и снаряжением?

– Попытаться встретиться с Джорджем Мэллори и полковником Нортон и, возможно, герр Дикон, провести рекогносцировку Эвереста на расстоянии. Как я уже говорил.

– И возможно, *взойти* на вершину? – спрашивает Дикон.

– *Взойти?* – повторяет Бруно Зигль, затем смеется резким, неприятным смехом. – У нас с друзьями было только самое примитивное альпинистское снаряжение – с таким невозможно даже думать о покорении такой горы. Кроме того, муссон и так задерживался на несколько недель и мог обрушиться на нас в любую минуту. Именно ваш Бромли был настолько глуп, что решил, что может взойти на Эверест, используя несколько банок консервов, потертые веревочные лестницы и засыпанные снегом закрепленные веревки, которые оставила после себя экспедиция Мэллори. Бромли был дураком. Полным дураком. И оставался им до самых своих последних шагов по ненадежному снегу. Он убил не только себя, но и моего соотечественника.

Несколько немецких альпинистов справа от меня согласно кивают; тот парень, Рудольф Гесс, тоже. Здоровяк с бритой головой рядом с Зиглем, Ульрих Граф, которого представили как *чьего-то* телохранителя, продолжает смотреть прямо перед собой, и взгляд у него отрешенный, словно он пьян или ему все это неинтересно.

– Мой дорогой герр Дикон, – продолжает Зигль. – По общему мнению, гора Эверест не подходит для одиночного восхождения. – Он пристально смотрит на меня. – Или даже для двух... или трех... честолюбивых альпинистов, поклонников альпийского стиля из разных стран. Гору Эверест не покорить альпийским стилем. Или в одиночку. Нет, я всего лишь хотел взглянуть на гору издали. Кроме того, это ведь английская гора, не так ли?

– Все нет, – говорит Дикон. – Она принадлежит тому, кто покорит ее первым. Что бы там ни думал Альпийский клуб Королевского географического общества.

Зигль усмехается.

– В тот последний день вы кричали Бромли и Майеру, находящимся на склоне... – продолжает Дикон. – Вы не могли бы еще раз повторить, что именно?

– Как я уже говорил, всего несколько слов, – говорит Зигль; похоже, он раздражен.

Дикон ждет.

– Я спросил их – крикнул, – зачем они поднялись так высоко, – повторяет Зигль. – А потом спросил, не нужна ли помощь... они явно в ней нуждались. Майер, по всей видимости, страдал от снежной слепоты и так выбился из сил, что не мог стоять без поддержки Бромли. Сам британский лорд выглядел смущенным, потерянным... ошеломленным.

Он делает паузу и прихлебывает пиво.

– Я предупредил их, чтобы они не ступали на снежный склон, но они не послушались, а потом сошла лавина, положившая конец нашему разговору... навсегда, – говорит Зигль, явно не желая вновь пересказывать всю историю.

– Вы говорили, что кричали по-немецки и по-английски, – продолжает Дикон. – Майер отвечал вам по-немецки?

– *Nein*, – говорит Зигль. – Человек, которого тибетцы называли Куртом Майером, выглядел очень измученным, страдал от снежной слепоты и не мог говорить. Он не произнес ни слова. Ни единого, до той самой секунды, когда лавина накрыла его.

– Вы им что-нибудь еще говорили... кричали?

Зигль качает головой.

– Снег под ними сдвинулся, и лавина смела их со склона Эвереста, а я вернулся на более надежный гребень – почти полз из-за шквального ветра, – потом спустился к четвертому лагерю, потом на Северное седло и к подножию горы.

– Вы не видели каких-либо признаков тел? – спрашивает Дикон.

Зигль явно злится. Губы у него побелели, голос похож на лай.

– От той точки на Северной стене до ледника Ронгбук внизу больше пяти ваших *verdammte*²⁶ английских миль! И я не искал их тела в восьми километрах ниже себя, герр Дикон, я использовал свой ледоруб, чтобы выбраться со своей ненадежной глыбы снега – которая в любую секунду могла присоединиться к остальной лавине – и вернуться на обледенелые скалы Северного гребня, чтобы потом как можно скорее спуститься к Северному седлу.

Дикон понимающе кивает.

– Как вы думаете, каковы были намерения тех двоих? – В его голосе нет ничего, кроме искреннего любопытства.

Бруно Зигль смотрит на сидящих за столом Бахнера и других немецких альпинистов, и я снова задаю себе вопрос: «Сколько человек следят за этим разговором на английском языке?»

– Это совершенно очевидно, – тон Зигля явно выражает презрение. – Я же говорил несколько минут назад. Вы не слушали, герр Дикон? Разве для вас это не очевидно, герр Дикон?

– Скажите мне еще раз, пожалуйста.

– Ваш Бромли – совершивший несколько восхождений с проводниками в Альпах – решил, что может использовать остатки веревок и лагерей, оставленных группой Нортон и Мэллори, чтобы самому подняться на Эверест с этим идиотом Куртом Майером в качестве единственного носильщика и партнера. Это было чистым *Arroganz*²⁷... *Stolz*²⁸... есть такое греческое слово... *hubris*²⁹. Чистая спесь.

Дикон медленно кивает и постукивает по нижней губе чубуком трубки с таким видом, словно разрешилась какая-то серьезная загадка. Потом говорит:

²⁶ Проклятых (*нем.*).

²⁷ Высокомерие (*нем.*).

²⁸ Гордыня (*нем.*).

²⁹ Высокомерие, спесь (*гр.*).

– Как вы думаете, насколько высоко им удалось подняться, прежде чем они повернули назад?

Зигль презрительно фыркает.

– Какая, к черту, разница?

Дикон терпеливо ждет.

Наконец немец нарушает молчание.

– Если вы думаете, что эти два глупца могли покорить вершину, выбросьте это из головы. Они исчезли из виду всего на несколько часов и не могли подняться выше пятого лагеря... возможно, шестого лагеря, если воспользовались кислородными аппаратами, оставленными в пятом... если их там вообще оставили. В чем я сомневаюсь. Во всяком случае, не выше шестого лагеря, я в этом уверен.

– Почему вы так уверены? – спрашивает Дикон рассудительным, заинтересованным тоном. Он по-прежнему постукивает по нижней губе чубуком трубки.

– Ветер, – непререкаемым тоном выносит приговор Зигль. – Холод и ветер. Он был просто непереносим на вершине гребня прямо над пятым лагерем, где я их встретил. Попытка двигаться дальше, рядом с шестым лагерем, на высоте больше восьми тысяч метров, по открытому Северо-Восточному гребню или по отвесной стене была бы равносильна самоубийству. Шанса дойти так далеко у них не было, герр Дикон. Ни одного шанса.

– Вы с большим терпением отвечали на наши вопросы, герр Зигль, – говорит Дикон. – Примите мою искреннюю благодарность. Эта информация, возможно, поможет леди Бромли успокоиться.

Зигль в ответ только усмехается. Потом смотрит на меня.

– Что вы там разглядываете, молодой человек?

– Красные флаги на той стене в отгороженном веревками углу, – признаюсь я, указывая за спину Зиглю. – И символ в белом круге на красных флагах.

Зигль пристально смотрит на меня, но его голубые глаза холодны, как лед.

– Вы знаете, что это за символ, герр Джейкоб Перри из Америки?

– Да. – В Гарварде я довольно долго изучал санскрит и культуру долины Инда. – Этот символ происходит из Индии, Тибета и некоторых других индуистских, буддистских и джайнских культур и означает «пожелание удачи», а иногда «гармонию». Кажется, на санскрите он называется свасти. Мне рассказывали, что его можно увидеть во всех древних храмах Индии.

Теперь Зигль смотрит на меня так, словно я смеюсь над ним или над чем-то, что для него священо. Дикон раскуривает трубку и поднимает на меня взгляд, но не произносит ни слова.

– В сегодняшней *Deutschland*, – наконец говорит Зигль, едва шевеля тонкими губами, – это *свастика*. – Он произносит это слово по буквам, специально для меня. – Славный символ NSDAP – *Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei* – Национал-социалистической немецкой рабочей партии. Она, а также человек на тех фотографиях будут спасением Германии.

У меня хорошее зрение, но я не могу разглядеть «человека на тех фотографиях». На стене под красными флагами в отгороженном углу висят две рамки с довольно маленькими снимками, а прямо в углу, футах в шести от пола, – еще один свернутый красный флаг. Мне кажется, что этот флаг такой же, как те два, которые висят на стене.

– Идем, – командует Бруно Зигль.

Все немцы, включая Гесса и бритоголового мужчину рядом с Зиглем на противоположной стороне стола, а также Бахнер, все альпинисты с нашей стороны и Дикон, продолжающий попыхивать трубкой, – встают и направляются в угол зала вслед за мной и Зиглем.

Веревка, отгораживающая этот мемориальный угол – он похож на импровизированное святилище, – оказывается обычной альпинистской веревкой толщиной в полдюйма, покрытой золотистой краской и подвешенной на двух маленьких столбиках, похожих на те, на которых метрототтели вешают бархатный шнур, перекрывая вход в шикарные рестораны.

На обеих фотографиях присутствует один и тот же человек, и я вынужден предположить, что именно он – а также эта социалистическая партия со свастикой на флаге – является «спасением Германии». На снимке, висящем под красным флагом на правой стене, он один. Издалека можно подумать, что это фотография Чарли Чаплина – из-за нелепых маленьких усиков под носом. Но это не Чаплин. У этого человека темные волосы с аккуратным пробором посередине, темные глаза и напряженный – можно даже сказать, неистовый – взгляд, направленный на камеру или фотографа.

На снимке слева тот же человек стоит в дверях – я понимаю, что в дверях этого зала, – с двумя другими. Эти двое в какой-то униформе военного образца, а человек с усиками, как у Чарли Чаплина, одет в мешковатый гражданский костюм. Он самый низкорослый и явно самый невзрачный из трех мужчин, позирующих перед камерой.

– Адольф Гитлер, – произносит Бруно Зигль и пристально смотрит на меня, ожидая реакции.

Я теряюсь. Кажется, мне уже приходилось слышать это имя в связи с беспорядками здесь, в Германии, в ноябре 1924 года, которые не произвели на меня особого впечатления. Очевидно, он какой-то коммунистический лидер в этой национал-социалистической рабочей партии.

За моей спиной раздается голос великого альпиниста Карла Бахнера:

– *Der Mann, den wir nicht antasten liessen.*

Я смотрю на Зигля в ожидании перевода, но немецкий альпинист молчит.

– Человек, которого невозможно опорочить, – переводит Дикон. Трубку он теперь держит в руке.

Я замечаю, что красный флаг с белым кругом и свастикой на полотнище изодран – словно прошит пулями – и испачкан кровью, если засохшие бурые пятна действительно кровь. Я протягиваю руку к флагу, намереваясь задать вопрос.

Бритоголовый мускулистый человек, молча сидевший рядом с Зиглем на протяжении всего разговора, молниеносным движением отбивает мою руку вниз и в сторону, чтобы я не притронулся к изодранной ткани.

Потрясенный, я опускаю руку и вопросительно смотрю на разъяренного громилу.

– Это *Blutfahne* – Знамя Крови, – священное для последователей Адольфа Гитлера и *Nationalsozialismus*, – говорит Бруно Зигль. – К нему запрещено прикасаться неарийцам. И *Auslander*³⁰.

Дикон не переводит, но я по контексту догадываюсь о значении этого слова.

– Это кровь? – ошеломленно спрашиваю я. Все, что я делал, говорил или чувствовал в этот вечер, кажется мне глупым. И я умираю от голода.

Зигль кивает.

– С резни девятого ноября прошлого года, когда полиция Мюнхена открыла по нам огонь. Флаг принадлежал Пятому штурмовому отряду СА, а кровь на нем – это кровь нашего товарища, убитого полицией мученика Андреаса Бауридля, который упал на флаг.

– Неудачный «Пивной путч», – объясняет мне Дикон. – Начался в этом самом зале, если я правильно помню.

Зигль пристально смотрит на него сквозь облако дыма от трубки.

– Мы предпочитаем называть его *Hitlerputsch*³¹ или *Hitler-Ludendorff-Putsch*³², – резко возражает альпинист. – И он не был... как вы изволили выразиться... неудачным.

³⁰ Иностранец (нем.).

³¹ Путч Гитлера (нем.).

³² Путч Гитлера и Людендорфа (нем.).

– Неужели? – удивляется Дикон. – Полиция подавила восстание, рассеяла марширующих нацистов, арестовала руководителей, в том числе вашего герра Гитлера. Кажется, он отбывает пятилетний срок за государственную измену в тюрьме старой крепости Ландсберг, на скале над рекой Лех.

Улыбка у Зигля какая-то странная.

– Адольф Гитлер стал героем немецкого народа. Он выйдет из тюрьмы еще до конца этого года. Но даже там так называемая охрана обращается с ним по-королевски. Они знают, что когда-нибудь он поведет нацию за собой.

Дикон выколачивает трубку, прячет ее в карман твидового пиджака и понимающе кивает.

– Благодарю вас, герр Зигль, за сообщенные сведения и за то, что вы – как говорят у Джейка в Америке – исправили мои ошибочные представления и неверную информацию о *Hitler-putsch* и нынешнем статусе герра Гитлера.

– Я провожу вас до дверей «Бюргербройкеллер», – говорит Зигль.

Наш поезд на Цюрих отходит от станции ровно в десять часов. Я начинаю понимать, что точность – это типично немецкая черта.

Я рад, что у нас отдельное купе, в котором можно вытянуться на мягких диванах и подремать, если захотим, пока ночью на швейцарской границе мы не сменим рельсы и поезда. Пока такси везет нас от пивной «Бюргербройкеллер» до железнодорожного вокзала Мюнхена, я понимаю, что весь взмок – потом пропитался даже шерстяной пиджак, а не только белье и рубашка. Руки у меня дрожат, и я вглядываюсь в огни Мюнхена, которые постепенно гаснут в относительной темноте сельской местности. Думаю, я еще никогда так не радовался, наблюдая, как огни какого-то города исчезают у меня за спиной.

Наконец, когда мне удастся справиться с дрожью в голосе, такой же сильной, как раньше дрожь в руках, я нарушаю молчание:

– Этот Адольф Гитлер – мне знакомо его имя, но я ничего о нем не запомнил, – он местный коммунистический лидер, призывающий к ниспровержению Веймарской республики?

– Скорее, наоборот, старина, – отвечает Дикон, растянувшийся на втором диване купе, мягком и довольно длинном. – Гитлер был – и есть, поскольку суд дал общенациональную аудиторию для его напыщенных разглагольствований – известен и любим за свои *крайне правые* взгляды, пещерный антисемитизм и все такое.

– Ага, – бормочу я. – Но ведь его посадили в тюрьму на пять лет за государственную измену во время попытки переворота в прошлом году?

Дикон садится, снова раскуривает трубку и приоткрывает окно купе, чтобы дым вытягивался наружу, хотя мне все равно.

– Я убежден, что герр Зигль был прав в обоих случаях... то есть что Гитлер к Новому году будет на свободе, не пробыв в заключении и года, и что в той тюрьме над рекой власти обращаются с ним как с королевской особой.

– Почему?

Дикон слегка пожимает плечами.

– Мой слабый разум не в состоянии понять немецких политиков образца тысяча девятьсот двадцать четвертого года, но крайне правое крыло – нацисты, если быть точным – явно выражают мнение многих людей, отчаявшихся после начала этой суперинфляции.

Я понимаю, что мне совсем не интересен низенький человечек с усами, как у Чарли Чаплина.

– Кстати, – прибавляет Дикон, – ты помнишь того бритоголового, круглолицего, мрачного джентльмена, который сидел за столом напротив и ударил тебя по руке, подумав, что ты хочешь прикоснуться к священному Знамени Крови?

– Да?

– Ульрих Граф был личным телохранителем Гитлера – и именно поэтому он принял на себя несколько пуль, предназначенных Гитлеру, во время этого нелепого и плохо организованного ноябрьского путча. Но Граф храбрый парень, и я уверен, что он с радостью еще раз спасет этого нацистского героя немецкого народа. Прежде чем стать нацистом и телохранителем их вождя, Граф был мясником, полупрофессиональным борцом, а также наемным уличным громилой. Иногда он вызывается избивать – или даже убивать – евреев и коммунистов, но так, чтобы подозрение не пало на его боссов.

Я надолго задумываюсь, а когда решаюсь заговорить, мой голос звучит тихо, чуть громче шепота – несмотря на отдельное купе.

– Ты веришь рассказу Зигля о том, как погибли лорд Персиваль и тот австриец Майер?

Лично я, несмотря на неприязнь к Зиглю и некоторым его товарищам, не вижу другого выхода.

– Ни единому слову, – говорит Дикон.

Я резко выпрямляюсь, отодвигаясь от спинки дивана.

– Нет?

– Нет.

– В таком случае, что, по твоему мнению, случилось с Бромли и Майером? И зачем Зиглю лгать?

Дикон снова слегка пожимает плечами.

– Вполне возможно, что Зигль и его друзья готовились к нелегальной попытке восхождения, когда в Тингри им сказали, что остатки группы Мэллори ушли. У Зигля явно не было разрешения тибетских властей ни на восхождение, ни на проход к горе. Возможно, Зигль и шесть его друзей догнали Бромли ниже Северного седла и заставили его и Майера идти с ними на гору в эту ненадежную погоду, в преддверии муссона. Когда Бромли и Майер были сметены лавиной в пропасть – или погибли другой смертью на склоне горы, – Зиглю пришлось повернуть назад и сочинить историю о том, как двое безумцев карабкались наверх одни и были накрыты лавиной.

– Ты не веришь в эту историю о лавине?

– Я был на той части гребня и на склоне, Джейк, – говорит Дикон. – На том участке склона редко собирается столько снега, чтобы сошла лавина, которую описал Зигль. Но даже если снег там и был, мне кажется, что Бромли достаточно насмотрелся на лавины в Альпах и не стал бы рисковать, поднимаясь по такому склону.

– Если Бромли и австрийца убила не лавина, то ты полагаешь, что они сорвались в пропасть, пытаясь подняться выше шестого лагеря вместе с Зиглем?

– Возможны и другие варианты, – отвечает Дикон. – Особенно с учетом того немногого, что я помню о Перси Бромли. Я не допускаю и мысли, что его мог заставить пойти на вершину Эвереста какой-то немецкий политический фанатик, вознамерившийся покорить гору во славу *der Vaterland*³³.

Он разглядывает свою трубку.

– Жаль, что я плохо знал лорда Персиваля. Как я уже говорил вам с Жан-Клодом, меня время от времени привозили в поместье – примерно так богачи заказывают доставку какого-нибудь товара, – чтобы я поиграл со старшим братом Перси, Чарльзом, который был примерно моего возраста, девяти или десяти лет. Маленький Персиваль всюду таскался за нами. Он был – как это выражаются у вас в Америке, Джейк? – настоящей занозой в заднице.

– И после этого вы больше не видели Перси?

– Ну, время от времени я сталкивался с ним на традиционных английских приемах в саду или на континенте. – Ответ Дикона звучит уклончиво.

³³ Отечество (нем.).

– Персиваль действительно был... извращенцем? – Мне трудно произнести это слово вслух. – Он и вправду посещал европейские бордели, в которых проституцией занимаются молодые мужчины?

– Ходили такие слухи, – говорит Дикон. – А тебе это важно, Джейк?

Я задумываюсь, но не могу прийти к определенному решению. И понимаю ограниченность своего жизненного опыта. У меня никогда не было друзей нетрадиционной ориентации. По крайней мере, о которых я знал.

– А как еще могли погибнуть Бромли и Курт Майер? – Я смущен и хочу сменить тему.

– Их обоих мог убить Бруно Зигль, – говорит Дикон. Между нами висит сизое облако дыма, которое затем медленно уплывает в окно. Стук чугунных колес о рельсы заглушает все звуки.

Слова Дикона меня потрясли. Может, он сказал это просто для красного словца? Чтобы меня шокировать? Если да, то ему это удалось.

Моя мать католичка – в девичестве О’Райли, еще одно пятно на безупречной родословной старинной семьи «бостонских браминов» Перри? – и мне с детства внушали разницу между простительным и смертным грехом. Убить другого альпиниста на такой горе, как Эверест? – для меня это было даже за гранью смертного греха. Для альпиниста такой поступок придает смертному греху убийства оттенок святотатства. Наконец ко мне возвращается дар речи.

– Убить своих коллег-альпинистов? Почему?

Дикон вытряхивает трубку в пепельницу в подлокотнике дивана.

– Думаю, для того, чтобы это выяснить, мы должны подняться на Эверест и сделать то, что от нас ждут? – найти останки лорда Персиваля Бромли.

Дикон надвигает твидовую кепку на глаза и почти мгновенно засыпает. Я долго сижу, выпрямившись, в наполненном стуком колес купе, думаю, пытаюсь разобраться в беспорядочном клубке мыслей.

Потом закрываю окно. Снаружи становится холодно.

Карниз был шириной с этот поднос для хлеба.

* * *

В другом поезде, ползущем по узкоколейке на высоту 7000 футов из малярийной Калькутты к высоким холмам Дарджилинга в конце марта 1925 года, у меня наконец появляется время восстановить в памяти суматошную зиму и весну перед нашим отъездом.

В начале января 1925 года мы втроем вернулись в Цюрих, чтобы встретиться с Джорджем Инглом Финчем, который был лучшим – возможно, за исключением Дикона – среди ныне живущих британских альпинистов.

Финч в 1922 году участвовал в экспедиции на Эверест вместе с Мэллори и Диконом, но, подобно Дикону, заслужил немилость «сильных мира сего» – причем в случае Финча дважды, – не только оскорбив чувства Джорджа Ли Мэллори, но также восстановив против себя весь «Комитет Эвереста», Альпийский клуб и две трети Королевского географического общества.

Финч какое-то время изучал медицину на медицинском факультете Парижского университета, затем увлекся физикой, которую осваивал в Швейцарской высшей технической школе Цюриха с 1906 по 1922 год, во время войны служил в полевой артиллерии во Франции, Египте и Македонии, дослужившись до звания капитана, а после войны вернулся в Альпы, в основном в Швейцарию, где впервые покорил больше вершин, чем все отобранные члены экспедиции на Эверест, вместе взятые. Он лучше любого из членов «Комитета Эвереста» и всех

британских альпинистов знал немецкую и другую современную европейскую технику восхождения – однако в 1921 году его исключили из списка участников экспедиции, официально из-за плохих результатов медосмотра. Но истинная причина состояла в том, что Финч, британский гражданин и удостоенный наград артиллерийский офицер, до и после войны провел много лет в немецкой части Швейцарии и привык изъясняться на немецком, а не на английском. Бригадный генерал так объяснял выбор комитета: «Понимаете, они, то есть мы, по возможности хотели бы составить экспедицию на Эверест только из близких нам по духу людей. Настоящих британцев, как мы их называем».

По словам Дикона, генерал Брюс, член «Комитета Эвереста» и руководитель экспедиции 1922 года, который ратовал за команду альпинистов из «настоящих британцев», однажды написал другим потенциальным членам комитета и претендентам на место в экспедиции (включая Дикона), что Джордж Финч был «убедительным рассказчиком с совершенно неприемлемой квалификацией. Чистит зубы 1 февраля и в тот же день принимает ванну, если вода очень горячая, а в противном случае откладывает это до следующего года».

Но, по словам Дикона, главный грех Финча в глазах состоящего из «настоящих британцев» комитета заключался не в его зачастую неопрятной наружности и не в странном немецком акценте, а в «неприемлемой квалификации» – то есть Джордж Финч продолжал настаивать на использовании новинок альпинистской техники для покорения горы Эверест. Ни Королевское географическое общество, ни Альпийский клуб (и «Комитет Эвереста», если уж на то пошло) не любили «новшество». Они предпочитали старые, проверенные временем средства: шипованные ботинки, использовавшиеся в XIX веке ледорубы и тонкий слой шерсти между альпинистом и ледяным воздухом почти инопланетной атмосферы на высотах более 28 000 футов.

Одной из таких нелепых новинок Финча, рассказывал Дикон, была придуманная и изготовленная этим успешным альпинистом куртка – как раз для условий на горе Эверест – с прослойкой из гусиного пуха, а не из шерсти, хлопка или шелка, как обычно. Финч экспериментировал с разными материалами, но в конечном счете остановился на тонкой, но очень прочной ткани, которую используют для изготовления воздушных шаров, и соорудил длинную куртку с многочисленными простроченными отделениями, заполненными гусиным пухом, которые создают завоздушенные карманы, сохраняющие тепло человека, – точно так же защищены от холода гуси в Арктике.

В результате, объяснил Дикон, во время экспедиции 1922 года Финч был единственным, кто на высоте больше 20 000 футов не мерз в условиях сильного ветра и стужи.

Однако смертельным ударом по шансам Джорджа Финча попасть в состав экспедиции 1924 года, несмотря на рекорд, установленный во время предыдущей попытки покорения Эвереста (27 мая 1922 года во время отважной, но неудачной попытки восхождения на вершину он вместе с юным Джефффри Брюсом ненадолго установили рекорд высоты), стал тот факт, что именно Финч предложил использовать и адаптировал кислородную аппаратуру Королевской санитарной авиации, которая применялась – с большим успехом – в 1922 и 1924 годах. (Мэллори и Ирвин имели при себе кислородные аппараты Финча, хотя и существенно модернизированные умельцем Сэнди Ирвином, когда они пропали при попытке покорения вершины во время последней экспедиции 1924 года.)

Артур Хинкс, который в «Комитете Эвереста» отвечал за расходование (и сбор) средств экспедиции, написал о кислородных аппаратах Финча – уже после того, как те были испытаны в специальных камерах с разреженным, как на большой высоте, воздухом, а также прошли проверку на горе Эйгер и на самом Эвересте – официальный комментарий, вызвавший широкий резонанс: «Мне будет особенно жаль, если кислородное снаряжение не позволит им подняться на максимально возможную без него высоту. Если кто-то из группы не способен подняться на 25 000 или 26 000 футов без кислорода, они слабаки».

– Слабаки?

– Легко так говорить человеку, который все время сидит в Лондоне, на высоте уровня моря, – заметил Дикон в январе 1925 года в купе поезда, везущего нас в Цюрих. – Я бы хотел притащить мистера Хинкса на склон Эвереста, на высоту двадцать шесть тысяч футов, и посмотреть, как его будет выворачивать наизнанку и он будет задыхаться, хватая ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба, а потом спросить, не считает ли он себя «слабаком». По моему мнению, он и есть слабак, даже когда остается на уровне моря.

Вот почему мы собирались взять с собой в экспедицию двадцать пять комплектов усовершенствованных Ирвином кислородных масок Финча, а также сотню баллонов с кислородом. (В экспедицию 1924 года Мэллори и члены его команды взяли более девяноста баллонов, которыми пользовались несколько десятков альпинистов и носильщиков. А нас будет только трое.)

– А как насчет «кузена Реджи»? – спросил Жан-Клод, напомнив Дикону об условии леди Бромли – что к нам присоединяется владелец чайной плантации.

– «Кузен Реджи», черт бы его побрал, может оставаться в базовом лагере и дышать плотным, воняющим яками воздухом на высоте шестнадцати тысяч пятисот футов, – сказал Дикон.

И теперь, в первые холодные месяцы того года, когда мы готовились к отчаянному штурму Эвереста, он хотел, чтобы мы встретились и поговорили с Финчем в Цюрихе, который стал ему родным. (Дикон приглашал его в Лондон, предлагая оплатить расходы, что имело смысл, поскольку нас трое, а Финч один, но вспыльчивый альпинист телеграфировал в ответ: «Во всей Англии не хватит денег, чтобы заставить меня теперь вернуться в Лондон».)

Мы встретились с Джорджем Инглом Финчем в ресторане «Кронхалле», шикарном даже по высоким цюрихским стандартам месте, известном во всей Европе. Дикон рассказал нам, что, несмотря на славную историю, в последние несколько лет «Кронхалле» пришел в упадок и во время гиперинфляции в Германии держался на плаву только за счет превосходной репутации, завоеванной еще в XIX веке. Однако совсем недавно его купили Хильда и Готлиб Зумстег, которые обновили ресторан – включая шеф-повара, меню, состоящее из лучших блюд баварской, классической и швейцарской кухни, и превосходное обслуживание – и вывели свое заведение на самый высокий уровень как в Цюрихе, так и во всей Швейцарии. Так что в нескольких милях от него, по ту сторону границы, немцы голодают, а швейцарские банкиры, торговцы и другие представители высшего класса могут наслаждаться роскошным ужином.

Ресторан «Кронхалле» расположен на Ремиштрассе, 4, меньше чем в миле к юго-западу от Цюрихского университета (где учились двое из трех старших братьев Жан-Клода, прежде чем вернуться во Францию и погибнуть на войне), в том месте, где река Лиммат впадает в Цюрихское озеро. Январский ветер, дующий с озера, лишь слегка ослабевает на широкой Ремиштрассе с ее тихо позвякивающими трамваями, и я промерзаю до костей, несмотря на толстое шерстяное пальто.

Именно в этот момент я задал себе вопрос: «Если я клацаю зубами от холода, всего лишь пересекая Ремиштрассе в Цюрихе при легком бризе, то как, ради всего святого, я переживу ледяные ветра горы Эверест на высоте более 26 000 футов?»

Мне казалось, что я ужинал в хороших заведениях – в Бостоне, Нью-Йорке, Лондоне и Париже, на деньги из теткиного наследства или благодаря щедрости леди Бромли, когда по счету платил Дикон, – но «Кронхалле» был самым большим и самым роскошным рестораном, где мне приходилось бывать. Мы встречались с Финчем в единственный день недели, когда тут подавали ланч, но официанты, метрдотель и остальной персонал все равно были одеты в смокинги. Даже высокие растения в горшках, расставленные по углам, у колонн и возле окон, выглядели слишком официально для простых представителей флоры; казалось, им тоже хочется надеть смокинг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.